

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ NEOPHILOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2019

ТОМ 5 | № 20

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

19020 >

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. И.М. Попова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2019
© Журнал «Неофилология», 2019

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

**2019
Т. 5, № 20**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 427

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Дмитрук Л.А.** Проблемы лингвофольклористики: костромские говоры 429
- Дубровина С.Ю.** Константы мировоззренческого поведения в народной языковой культуре 436
- Ли Исинь.** Семья в русской языковой картине мира (на материале русских народных и авторских сказок) 447
- Денисов Ю.Н.** Русская риторика и культура речи: к вопросу о взаимосвязи 456

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Zakharova M.A.** Interpretation von Tiernamen als Teile von zusammengesetzten Adjektiven 466

Подписной индекс 80303 в каталоге
«Газеты. Журналы» АОА «Роспечать»

Территория распространения: Российская
Федерация, зарубежные страны

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Ответственный секретарь

И. В. Ильина

Редакторы:

Т. А. Сустина, М. И. Филатова

Редакторы английских текстов:

В. В. Клочихин, С. Ю. Можаров

Компьютерное макетирование

Т. Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т. О. Прокофьевой

Администратор сайта Т. А. Сустина

Подписано в печать 28.10.2019

Выход в свет

Формат А4 (60×84 1/8)

Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе

Печ. л. 19,0

Усл. печ. л. 18,4

Тираж 1000 экз.

Заказ № 19300

Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен

в объединенной редакции

научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета

в отделе оперативной печати

Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл.,

г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Мнение редакции может не совпадать с
точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:

Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. 152 с.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20

Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере
законотворчества и правоприменения

476

ОНОМАСТИКА

Никифорова О.В. Религиозноконимы Нижегородской
области как часть культурно-исторического наследия
региона

483

Попов С.А. О роли законодательных органов государ-
ственной власти субъектов РФ в регулировании топо-
нимической номинации

491

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дронова О.А. Жанровый диапазон документально-ху-
дожественного романа «новой деловитости» и проблема
познания

502

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хворова Л.Е., Цзинь Лили. Маска: к проблеме мета-
физической субстанциональности (роман Ю.В. Бонда-
рева «Выбор» и специфика его экранизации)

510

Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е. Традиции магиче-
ского реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Лео-
нардо»

518

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Иванов А.И. Время и слово в социокультурном про-
странстве современности

526

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Пронина Л.А., Горелкина О.В. Библиотеки дворян-
ских усадеб в культурной среде Тамбовской губернии
конца XVIII – XIX вв.

537

Патрина Л.Н., Сабетова М.В. Личная библиотека как
отражение истории жизни и творчества А.В. Вышеслав-
цева

549

Житин Р.М., Топильский А.Г. Личная библиотека
Г.Р. Державина как отражение литературных интересов
и художественного творчества поэта

558

Екимов Е.П. Иностранные фотографии в Сибири: фото-
графия как средство дегуманизации

566

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

574

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Derzhavin Tambov State
University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov
392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor I.M. Popova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun
(Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko
(Belgorod, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate
ПИИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov
State University", 2019
© The journal "Neophilology", 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2019

Vol. 5, No. 20

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (cultural studies)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- Dmitruk L.A.** Issues of linguistic folklore studies: Kostroma dialects 429
- Dubrovina S.J.** Worldview constants in the culture of people's language 436
- Li Yixin.** Family in the Russian linguistic worldview (as exemplified in Russian folk and authors' tales) 447
- Denisov Y.N.** Russian rhetoric and speech culture: to the interconnection issue 456

LANGUAGE STUDIES

- Zakharova M.A.** Zoonyms interpretation as a part of compound adjectives 466
- Belyanskaya O.V.** Linguistic controversy in the sphere of law making and enforcement 476

Subscription index in the catalogue
“Newspapers. Journals” of the Stock company
Agency “Rospechat” is 80303

Distribution territory: Russian Federation,
foreign countries

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: [http://journals.tsutmb.ru/neophilology-
about.html](http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html) (In Russian); [http://journals.tsutmb.ru/
neophilology-eng.html](http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html) (In English)

Executive Editor

I.V. Ilyina

Editors:

T.A. Sustina, M.I. Filatova

English texts editors:

V.V. Klochikhin, S.Y. Mozharov

Computer layout

T.Y. Molchanova

Cover design

T.O. Prokofeva

Web-site administrator T.A. Sustina

Podpisano v pechat' 28.10.2019

Vykhod v svet

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pечат' na rizografe

Pech. l. 19,0

Usl. pech. l. 18,4

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 19300

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE “Derzhavin Tambov State University”

Original-maket podgotovlen
v ob"yedinennoy redaktsii
nauchnykh zhurnalov

Published basing on ready-to-print file
in Instant Print Department of Publishing House
“Derzhavinskiy” of FSBEI of HE
“Derzhavin Tambov State University”.
190g Sovetskaya St., Tambov 392008,
Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

The opinions expressed by the publications
authors may not coincide with those of the
editorial

For citation:

Neophilology. 2019. Vol. 5, no. 20. 152 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20

ONOMASTICS

Nikiforova O.V. Religious oikonyms of Nizhny Novgorod
Region as part of the regional cultural and historical heritage 483

Popov S.A. On the role of legislative bodies of state power of
subjects of the Russian Federation in toponymical naming
regulation 491

LITERATURE STUDIES

Dronova O.A. The genres of documentary novel of the
“Neue Sachlichkeit” and the problem of cognition 502

RUSSIAN LITERATURE

Khvorova L.E., Jin Lili. Mask: to the issue of metaphysical
substantiality (Y.V. Bondarev's novel “Choice” and its adap-
tation specifics) 510

Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Magical realism tradi-
tions in the Dina Rubina's novel “Style of Leonardo” 518

INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

Ivanov A.I. Time and word in social and cultural space of the
modernity 526

CULTUROLOGY

Pronina L.A., Gorelkina O.V. Libraries of noble estates in
the cultural environment of the Tambov Governorate in the
late 18th – 19th centuries 537

Patrina L.N., Sabetova M.V. Personal library as a reflection
of the life and work history of A.V. Vysheslavtsev 549

Zhitin R.M., Topilsky A.G. G.R. Derzhavin's personal
library as a reflection of poet's literary interests and artistic
creativity 558

Ekimov E.P. Foreign photographers in Siberia: photography
as a mean of dehumanization 566

RULES FOR THE AUTHORS 574

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435
УДК 81'28

Проблемы лингвофольклористики: костромские говоры

Людмила Александровна ДМИТРУК

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>, e-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Issues of linguistic folklore studies: Kostroma dialects

Lyudmila A. DMITRUK

Kostroma State University

17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>, e-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Аннотация. Проанализирован ряд проблем лингвофольклористики, связанных с определением статуса языка фольклорных текстов в сравнении с общенациональным языком и диалектом. Язык костромского фольклора расценивается как наддиалектный в своей основе, но в то же время имеющий некоторые региональные черты, связанные с бытованием жанров устного народного творчества на определённой территории и обусловленные древними верованиями коренного населения региона. Специфика фольклорного регионально маркированного слова раскрывается в контексте художественных, публицистических и научных работ костромских писателей и краеведов конца XIX – XX веков (А.О. Аблесимов, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, С.В. Максимов, И.М. Касаткин, Е.В. Честняков, Н.Н. Виноградов, В.И. Смирнов, А.В. Громов и др.). В синхронно-диахронном аспекте на примере текстов А.О. Аблесимова, В.И. Смирнова, А.В. Громова раскрываются семантико-стилистические, структурные, функциональные особенности некоторых фольклоризмов, бытование которых характерно для большинства севернорусских говоров, в том числе костромских.

Ключевые слова: лингвофольклористика; севернорусские говоры; костромские говоры; фольклорная лексика; диалектная лексика; А.О. Аблесимов; В.И. Смирнов; А.В. Громов

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастика Костромского края».

Для цитирования: *Дмитрук Л.А.* Проблемы лингвофольклористики: костромские говоры // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 429-435. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435

Abstract. We analyse a number of issues of linguistic folklore studies related to determining the status of the language of folklore texts in comparison with the national language and dialect. The language of Kostroma folklore is fundamentally sub-dialect, but at the same time it has some regional features related to the existence of genres of oral folk art in a certain territory and due to the ancient beliefs of the indigenous population of the region. The specific features of a regionally marked word reveal themselves in the context of the artistic, journalistic and scientific works of Kostroma writers and local historians of the late 19th – 20th centuries (A.O. Ablesimov, N.A. Nekrasov, A.N. Ostrovsky, S.V. Maksimov, I.M. Kasatkin, E.V. Chestnyakov, N.N. Vinogradov, V.I. Smirnov, A.V. Gromov, etc.). The semantic-stylistic, structural, functional features of some folklorisms reveal themselves in the synchronic and diachronic aspect, the texts by A.O. Ablesimov, V.I. Smirnov, A.V. Gromov. The existence of these folklorisms characterize most North Russian dialects, including the number of Kostroma.

Keywords: linguistic folklore studies; North Russian dialects; Kostroma dialects; folklore vocabulary; dialect vocabulary; A.O. Ablesimov; V.I. Smirnov; A.V. Gromov

Acknowledgements: Article was prepared with financial support of Russian Foundation for Basic Research. Project no. 18-012-00809 A «Dialectic study of vocabulary and onomastics of the Kostroma Territory».

For citation: Dmitruk L.A. Problemy lingvofol'kloristiki: kostromskiye govory [Issues of linguistic folklore studies: Kostroma dialects]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 429-435. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Лингвофольклористика, сложившаяся в русской филологии как самостоятельное научное направление во второй половине XX века на основе трудов А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, А.П. Евгеньевой, И.А. Осовецкого и затем получившая развитие в работах Л.И. Баранниковой, М.А. Бобуновой, Н.С. Ганцовской, А.В. Десницкой, С.П. Праведникова, А.Т. Хроленко и др., изучает язык устного народного творчества не только в этнолингвистическом аспекте «как средство постижения этнической ментальности и традиционно-культурных смыслов» [1, с. 24], но и с позиции диалектологии, как источник изучения локальных традиций народной культуры, выраженных посредством языка.

Ещё задолго до оформления лингвофольклористики как науки о ценности фольклорных данных для диалектолога говорили такие учёные, как А.А. Шахматов, Б.А. Ларин, А.А. Потебня, Ф.П. Филин и др. Поэтому в последние десятилетия в центре внимания исследователей находятся вопросы, связанные с выявлением особенностей языка фольклорных текстов, его отношения к общенациональному языку и народным говорам. И.А. Осовецкий определял язык устного народного творчества как «особую систему, имеющую очень сложный генезис» [2, с. 137]. В ряде работ отечественных лингвистов (А.П. Евгеньева, Л.И. Баранникова, П.Г. Богатырёв и др.) отмечается, что язык фольклора представляет собой функциональный стиль диалектного языка, то есть нечто вроде литературной, кодифицированной, обработанной народом формы существования диалекта. Однако в языке народно-поэтических произведений можно заметить много общерусских, наддиалектных признаков (напр., традиционные формулы – *жили-были*, *в некотором царстве, в некотором государстве*; диминутивы – *голубушка*, *лебёдушка* и т. д.). О наддиалектном характере русского фольклора говорится в работах Р.И. Аванесова, Г.П. Князьковой, Ф.П. Филина, Л.П. Якубин-

ского и др. Это мнение поддерживается и представителями курской научной школы лингвофольклористики (М.А. Бобунова, С.П. Праведников, А.Т. Хроленко). Наддиалектность языка фольклора здесь понимают как совокупность таких специфических черт, как широкая распространенность и богатство устно-поэтического языка, максимальная устойчивость традиций. Существенными признаками при этом считаются обработанность, устойчивость ряда грамматических конструкций, фразеологизмов.

Отсюда основными проблемами современной лингвофольклористики в настоящее время являются: во-первых, выявление специфики языка фольклора и его отношения к народным говорам и общенациональному языку; во-вторых, трудность разграничения фольклорной лексики и диалектных единиц; в-третьих, решение вопроса о диалектной или наддиалектной основе языка устного народного творчества.

Диалект – это своеобразный микрокосм, частью которого может считаться язык устного народного творчества – особая языковая форма, сравнимая по степени значимости, обработанности, образцовости с литературным языком. Особенностью и диалекта, и языка фольклора является бытование только в одной речевой форме – устной. Однако именно она веками «подпитывала» литературный язык, и в итоге помогла обрести ему ту мощь и силу, которую мы наблюдаем в произведениях писателей-классиков XIX века.

Говоры Костромской области, представляющие собой особое языковое образование, в основном сложившееся на территории бывшего Ростово-Суздальского княжества, где зарождалась русская государственность, вырабатывались основные нормы литературного языка, являются относительно едиными в плане диалектных черт, обладают они общими чертами и в области фольклористики [3, с. 7-10].

Фольклорные тексты, собранные на территории Костромской области, а прежде Костромской губернии, отличаются богатством жанров – это песни, сказки, загадки, заговоры, причитания, пословицы и поговорки, приметы, обряды, позволяющие глубоко проникнуть в духовный мир народа, постичь его живой язык. Вместе с тем язык произведений устного народного творчества, записанных в Костромском крае, обладая в целом общерусской основой, имеет свои особенности, которые позволяют квалифицировать тексты, как локально окрашенные. Проявляются эти признаки на всех уровнях языковой системы, но более всего на уровне лексики и фразеологии. В этом отношении показательны работы костромских краеведов конца XIX – XX веков (труды Н.Н. Виноградова, В.И. Смирнова – членов Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), А.Н. Громова и др.), а также произведения писателей, творческая биография которых связана с костромской землёй (А.О. Аблесимов, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, С.В. Максимов, И.М. Касаткин, Е.В. Честняков и др.).

В тексте одного из самых популярных и до сего дня драматических произведений XVIII века, комической опере «Мельник-колдун, обманщик и сват» писателя А.О. Аблесимова, уроженца Галичского уезда Костромской губернии, находим множество фольклорных элементов, которые являются общерусскими в своей основе (*белый свет, добрый молодец, красна девица, крепкая дума; путь-дорога, дело делать, пир пировать* и др.), но во всём многообразии устойчиво функционируют лишь в северновеликорусской языковой среде, где свободно сочетаются с региональными единицами всех уровней языка (*гнедко, здесь, окаянной, плат, поперег, разгадати, савраско, сильной* и др.).

Рассмотрим устойчивое сочетание *придумать пригадать* из пьесы А.О. Аблесимова, характерное по своей структуре для фольклорных текстов: «*Филимонъ. Ну! инъ быть такъ, правду молвить: я прибріоль бола к тебѣ кручину свою размыкать, придумай пригадай мнѣ, я задумалъ доброй молодецъ жениться, и пришла мнѣ одна красная девица по обычю...*» [4, с. 15-16]. В комедии оно употребляется в значении ‘придумать,

найти выход из сложной ситуации’, что подтверждается контекстом: Филимон не может жениться на возлюбленной, так как её родители не могут «сговориться», за кого им отдать дочь. В произведениях фольклора подобные сочетания частотны и образуются либо за счёт корневого повтора (*дело делается, сказка сказывается, думу думать, пир пировать* и др.), либо за счёт повтора слов-синонимов (*подобрю-поздорову, путь-дорога, птица чёрный ворон, царство-государство* и др.). Один компонент в составе данного сочетания – *придумай* – расценивается носителями языка как стилистически нейтральная общеупотребительная единица со значением ‘догадаться, сделать что-л., найти какое-л. решение, выход из создавшегося положения’ [5, т. 3, с. 406], а другой – *пригадать* – явно имеет локальную отнесённость. В СРНГ встречаем глагол *пригадать* в значении ‘то же, что пригадывать’, то есть ‘придумывать, находить выход из какого-либо положения’¹. Здесь же приводится пример употребления лексемы в составе фольклорных текстов, записанных большей частью в зоне бытования севернорусских и центральных говоров, но также и южнорусских диалектов, на что указывают географические пометы: «*Сестрицы, мои подруженьки! Придумайте мне, пригадайте, Как же мне идти во чужи люди?* (свадебн. песня)» Твер.<ское>, Ленингр.<адское>, Костром.<ское>; «*Стали пригадывать, кому на мосту ночевать* (сказка)» Смол.<енское>; «*Молодому пригадаю, горшок каши замешаю*» Брян.<ское>, Курск.<ое>, Тамб.<овское>, Сиб.<ирское>². Отсюда следует, что устойчивое сочетание *придумать пригадать* входит в современный диалектный узус.

В этнографических записках В.И. Смирнова «Народные похороны и причитания в Костромском крае» [6] содержится большое количество лексических диалектизмов, специфических для региона, отражающих материальную и духовную стороны жизни народа. В данной работе значительное внимание уделяется приметам, малому фольклорному жанру, отражающему древнейшие верования,

¹ [СРНГ] – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018. Вып. 31. С. 156.

² Там же.

распространённые на территории Костромской губернии конца XIX – начала XX века.

Рассмотрим одну из примет, тематически связанных с пограничным состоянием больного, между жизнью и смертью, когда ожидается его скорая кончина. В.И. Смирнов пишет: «Когда больной умирает, как говорят здесь, «пашется», в доме наблюдают тишину, чтобы «не измешать» покойника, в противном случае он промается ещё 12 суток» [6, с. 26]. Приводится здесь и отсылка к географии распространения данной приметы – с. Баки, Варн.<авинский> у.<езд>. Примечательно, что автор исследования обращает внимание на регионализмы и помещает их в кавычки.

Слово *пахаться*, употреблённое в записях В.И. Смирнова в форме *пашется*, в СРНГ описывается как многозначное, а в списке значений приводится семантика ‘метаться, томиться, испытывать предсмертные страдания, не находя себе места’³. Здесь же даются пометы, указывающие на ареал распространения слова – Костром.<ское>, Ветл.<ужское>, что говорит о бытовании лексемы в севернорусских говорах. Данное слово, судя по записям В.И. Смирнова, временной отметке в СРНГ (1898 г.) и отсутствию там иллюстративного материала, было активно в северновеликорусских говорах в конце XIX – начале XX века. Однако современными диалектными словарями лексема не фиксируется, что, возможно, является свидетельством архаизации слова в рассматриваемом значении, а также утраты приметы, то есть мифологического контекста.

Слово *измешать* в записях В.И. Смирнова имеет значение ‘помешать, нарушить покой’. Данная лексема зафиксирована в СРНГ с семантикой ‘помешать кому-либо’. Здесь же приводится иллюстративный материал – приметы: «При родимчике у детей более всего бояться измешать и говорят, пусть сысыпает» Черепов.<ецкое>, Новг.<ородское> Герасимов 1910. Второй пример употребления взят явно из анализируемой нами работы В.И. Смирнова без указания на источник, но с географической пометой Костром.<ское>: «Чтобы не измешать покойника (то есть не

помешать умирать»⁴. Однако, судя по последней иллюстрации значения в СРНГ, глагол *измешать* в настоящее время уже не всегда связан с сакральной тематикой, а входит в севернорусский диалектный узус без каких-либо стилистических ограничений, например, в говорах позднего заселения: «Да мне Колька измешал» Свердл.<овское>⁵.

Следует отметить, что лексемы *пахаться* и *измешать* не зафиксированы в словаре В.И. Даля, хотя их бытование в хронологическом плане соотносится с деятельностью лексикографа и «собиранья живого народного языка». Возможно, произошло так потому, что уже в XIX столетии описываемая нами лексика расценивалась носителями языка как узколокальная. В.И. Даль же основной своей задачей, как сказано в Напутном слове, считал «подорожить народным языком и выработать из него язык образованный» [7, I, с. 9], то есть собрать в своём труде народные слова и выражения, которые могли бы составить основу нормированного литературного языка.

А.В. Громов в иллюстративный материал словарных статей созданного им словаря «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [8] включает немалое количество фольклорного материала (лексика и фразеология), сопровождающего обрядовые действия, сопряжённые с льноводством, прядением, ткачеством как трудовыми процессами, а также словами и выражениями, относящимися к исконно обрядовым номинациям, но впоследствии развившимися переносные значения. Данные единицы подаются в словарной статье к стержневой для устойчивого сочетания лексеме, например, *веретено* – *напрясть на кривое веретено; наво’й – ехать в крёстные (в кумовьё, в сватья, в свахи, на свадьбу), прясть – прясть на шесть деревень, на сёмое село* [9], или приводятся в качестве иллюстрации к значению заголовочного слова, например, *кикимора – кикимора сидит в гобце под помелом, мало нарядёшь – пряжу спутает* и др.

В словаре А.В. Громова в словарной статье к многозначному слову *кики’мора* указываются два значения. Первое из них – ‘В на-

³ [СРНГ] – Словарь русских народных говоров ... Вып. 25. С. 290.

⁴ Там же. Вып. 12. С. 145.

⁵ Там же.

родных поверьях род домового. Днём он сидит невидимкою за печкой, а ночью прядёт, проказит с веретеном и прялкой – употребляется на территории костромского Поунжья повсеместно (о чём говорит соответствующая помета в словаре – *Повсем. <естно>*). Данная лексема фигурирует в приметах, связанных с прядением, ткачеством, и часто имеет отрицательную коннотацию: «*Слышала от мамы: кикимора сидит в гобце под помелом, мало напрядёшь – пряжу спутает*» Мант. <уровский район> Елиз. <арово> [8, с. 53]. Иллюстрация из словаря А.В. Громова свидетельствует о том, что слово *кики'мора* включено в костромской диалектный речевой обиход, о чём говорят и некоторые лексические и фонетические особенности приведённого контекста: *гобец* – ‘деревянная пристройка к русской печи в виде высокой лежанки, обычно с дверцей, ведущей на лестницу в подполье’ [10, с. 73]; *спутает* – заударное ёканье, то есть переход *е* в *о* перед твёрдым согласным в окончаниях глаголов.

В указанном выше значении слово *кики'мора*, функционирующее в костромских говорах, соотносится с именованьем восточнославянского мифологического персонажа. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено, что кикимора или шишимора – это «рус. и бел. женский мифол. гич. персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям» [11, с. 494]. Здесь же приводится указание на преимущественное употребление слова в севернорусском узусе. Так, описывая основные признаки кикиморы, авторы словаря подчёркивают её связь с прядением, шитьём: «По ночам она играет с прялкой, веретеном и пряжей (ярослав.), может допрясть за хозяйку, но чаще

рвёт, мусолит и путает шерсть, жжёт кудель, оставленную на ночь без благословения (новгород., вологод., бел.). Прядёт К. <икимора – Л. Д. > на голбце, постоянно подпрыгивая, при этом сучит нить не слева направо, а наоборот (костром.)» [11, с. 495].

Второе значение слова *кики'мора* в словаре А.В. Громова – ‘о человеке, который всё время сидит за работой, особенно за прядением, домосед, нелюдим’ – является вторичным, переносным: «*Ты всё, кикимора, дома сидишь, прядёшь и гулять не идёшь*» Мак. <арьевский район> Ник. <Никулино> [8, с. 53]. В СРНГ лексема *кики'мора* – полисемант, имеющий одиннадцать значений, большинство которых имеют общую сему ‘характеристика человека по внешности, чертам характера, поведению’, функционирующий, по данным словаря, и в других севернорусских говорах, в том числе и костромских⁶.

Лексема *кики'мора*, по своему генезису восходящая к восточнославянским поверьям, является севернорусской по происхождению и бытованию, однако, в некотором отношении её можно считать специфичной для костромских говоров.

Таким образом, язык фольклорных текстов, собранных на территории Костромской области, имеет и общерусские черты, и локально приуроченные вкрапления, свидетельствующие о местных традициях в языке фольклорных жанров, что способствует выявлению типологии костромских говоров и более полной их характеристике в этнолингвистическом плане.

⁶ [СРНГ] – Словарь русских народных говоров ... Вып. 13. С. 205.

Список литературы

1. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2006. 184 с.
2. Оссовецкий И.А. Язык современной русской поэзии и традиционный фольклор // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия / отв. ред. А.Д. Григорьева. М.: Наука, 1977. С. 128-185.
3. Ганцовская Н.С. Костромские говоры: в 2 т. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 224 с.
4. Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях. Соч. А. Аблесимовым. Спб.: Типография Императорского Московского университета, 1792. 56 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
6. Смирнов В.И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Отдельный оттиск из 15 вып. «Трудов КНОИМК». Кострома, 1920. С. 21-26.

7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
8. *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Кострома: Инфопресс, 2012. 118 с.
9. *Дмитрук Л.А.* Фольклорно-обрядовая лексика в костромских говорах (на материале словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 190-193.
10. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный клуб Книгоvek, 2015. 512 с.
11. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого; Рос. акад. наук, Ин-т славяновед. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. 697 с.*

References

1. Khrolenko A.T. *Osnovy lingvokul'turologii* [Basic Principles of Linguoculturology]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. (In Russian).
2. Ossovetskiy I.A. *Yazyk sovremennoy russkoy poezii i traditsionnyy fol'klor* [The language of modern Russian poetry and traditional folklore]. *Yazykovye protsessy sovremennoy russkoy khudozhestvennoy literatury: Poehziya* [Linguistic Processes of Modern Russian Fiction: Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 128-185. (In Russian).
3. Gantsovskaya N.S. *Kostromskie govory: v 2 t.* [Kostroma Dialects: in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, vol. 1, 224 p. (In Russian).
4. Ablesimov A. *Komicheskaya opera Mel'nik, koldun, obmanshnik i svat v tryokh deystviyakh* [Comic Opera Miller, Sorcerer, Trickster and Matchmaker in Three Acts]. St. Petersburg, Imperial Moscow University Typography, 1792, 56 p. (In Russian).
5. Evgenieva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazik Publ., 1985–1988. (In Russian).
6. Smirnov V.I. *Narodnye pokhorony i prichitaniya v Kostromskom krae* [Folk funeral and lamentations in the Kostroma region]. *Otdel'nyy ottisk iz 15 vyp. «Trudov KNOIMK»* [Separate Print of 15th Issue of “Proceedings of KNOIMK”]. Kostroma, 1920, pp. 21-26. (In Russian).
7. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. (In Russian).
8. Gromov A.V. *Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe* [Dictionary. Vocabulary of Flax Growing, Spinning and Weaving in Kostroma Dialects on the Unzha River]. Kostroma, Infopress, 2012. (In Russian).
9. Dmitruk L.A. *Fol'klorno-obryadovaya leksika v kostromskikh govorakh (na materiale slovary A.V. Gromova «Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe»)* [Folklore-ritual vocabulary in Kostroma dialects (as exemplified on the material of A.V. Gromov's dictionary “Vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects on the Unzha River”)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Bulletin of Kostroma State University. Scientific and Methodological Journal], 2018, vol. 24, no. 2, pp. 190-193. (In Russian).
10. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Dialects of the Kostroma Volga Region: Interfluvium of Kostroma and Unzha River]. Kostroma, KSU named after N. A. Nekrasov Publ., Moscow, Book Club Knigovek, 2015, 512 p. (In Russian).
11. Tolstoy N.I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, 697 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности. Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ фольклорных текстов, словарных статей, работ лингвистов, художественных текстов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Поступила в редакцию 20.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 27.09.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Lyudmila A. Dmitruk, Candidate of Philology, Associate Professor of Pedagogy and Individual Acmeology Department. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Contribution: study conception, folklore texts, dictionary articles, linguistic studies, literary texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Received 20 August 2019

Reviewed 27 September 2019

Accepted for press 21 October 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-436-446
УДК 811.161.1.37

Константы мировоззренческого поведения в народной языковой культуре

Светлана Юрьевна ДУБРОВИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>, e-mail: slavia2009@yandex.ru

Worldview constants in the culture of people's language

Svetlana J. DUBROVINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>, e-mail: slavia2009@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление и семантический анализ специфической терминосистемы народного православия с позиций русской диалектологии и этнической лингвистики. Обоснована и доказана гипотеза, что идеи Г.П. Федотова о «реакции» русских духовных стихов на категории христианского богословия не устарели; их можно фиксировать не только в различных типах фольклорного и бытового текста, но и развивать на лексическом материале русских народных говоров. Новизна подхода к выделению констант мировоззренческого характера в народном языке обусловлена материалом исследования: им стали диалектные лексические единицы, связанные с вероубеждением традиционного крестьянского населения России. При этом представлены не только данные словарей, но и уникальные данные регионального словаря народного православия, собранного автором на территории современной Тамбовской области. Прослежена своеобразная народная философия словотворчества: выявлены семантические категории ментальной духовности, обусловившие индивидуальность и разделы лексики религиозной сферы; доказано их влияние на формирование диалектных данных, их обобщение в единую систему народной церковной лексики. В результате раскрыты возможности применения этнолингвистической семиотики для описания лексики веры и церкви. Предложенный категориальный подход может стать универсальным сценарием описания, охватывающим диалектный лексический корпус терминосистемы православия.

Ключевые слова: терминосистема народного православия; константы мировоззрения; ментальные категории; диалекты; лексика русских говоров; семантика языка культуры; тамбовские говоры; этнолингвистика

Для цитирования: Дубровина С.Ю. Константы мировоззренческого поведения в народной языковой культуре // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 436-446. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-436-446

Abstract. The purpose of this article is to identify and to analyze semantics of the specific terminological system of people's Orthodoxy from the standpoint of Russian dialectology and ethnic linguistics. The study substantiates and proves the hypothesis of G.P. Fedotov that Russian spiritual poems reaction at the categories of Christian theology is not outdated; they can be fixed not only in different types of folklore and everyday text, but also developed on the lexical material of Russian folk dialects. The novelty of the approach to the allocation of ideological constants in the national language is due to the following material of the study: dialect lexical units associated with the belief of the traditional peasant population of Russia. At the same time, not only the data of dictionaries are presented, but also unique data of the regional dictionary of national Orthodoxy collected by the author in the territory of the modern Tambov region. We trace the peculiar folk philosophy of word-making: reveal the semantic categories of mental spirituality that determined

the individuality and sections of the vocabulary of the religious sphere; prove their influence on the formation of dialect data and their generalization into a single system of folk Church vocabulary. As a result, we reveal the possibilities of using ethno-linguistic semiotics to describe the vocabulary of faith and Church. The proposed categorical approach can become a universal scenario of description, covering the dialect lexical corpus of the terminological system of Orthodoxy.

Keywords: Folk Orthodoxy system of terms; constants of worldview; mental categories; dialects; vocabulary of Russian dialects; semantics of the culture language; Tambov dialects; ethnolinguistics

For citation: Dubrovina S.J. Konstanty mirovozzrencheskogo povedeniya v narodnoy yazykovoy kul'ture [Worldview constants in the culture of people's language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 436-446. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-436-446 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Существующие на настоящий день исследования терминологии русского православия обращены к фиксации материала и его осмыслению, поиску методологии презентации лексических данных, анализу лингвокультурных взаимосвязей. Многие исследователи обращаются к когнитивным аспектам исследования, возможностям применения фреймового анализа для описания специальной лексики, лексико-грамматическим аспектам языка [1–6], при этом менее освещена сама лексикографическая представленность лексического фонда православия как многогранного и лексически объёмного языкового и этнокультурного явления.

Эмпирическая база темы «православие и народная культура» чрезвычайно широка, и фрагменты её присутствуют в самых разных жанрах традиционной культуры. Благодаря классическим собраниям XIX века и появившимся в последние десятилетия изданиям, направленным на изучение духовной стороны явлений языка и культуры, мы имеем возможность знакомства с проявлениями народной веры в самых разных жанрах культурных текстов. В классических работах А.Н. Афанасьева, А.Н. Веселовского, А. Кирпичникова, И.М. Снегирёва, Г.П. Федотова [7–11] решается проблема функциональной интерпретации христианских персонажей. Другая группа фундаментальных источников содержит тексты, описания и интерпретации архаических и средневековых религиозных ценностей. К ним относятся труды Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Е.В. Барсова, Ф.И. Буслаева, Д.С. Лихачёва, И.Я. Порфирьева, Н.С. Тихонравова, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и других авторов. На современном этапе не достачу лексического материала восполняют монографии [12] и

сообщения, появившиеся в ходе работы над «Лексическим атласом русских народных говоров». Среди них много региональных работ, в том числе имеются отдельные изыскания, посвящённые южно-русскому наречию [13].

Изучение религиозного сознания отдалённых веков предполагает два статуса проблемы – индивидуальное авторское и коллективное творчество предыдущих поколений, его освоение современниками. Характер русского религиозного сознания – «основное свойство русского народа» – философ Н.О. Лосский определял как «христианскую религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, осуществимого лишь в Царстве Божиим» [14, с. 21]. В «духовных» жанрах русского фольклора, в древнерусской литературе, во всей русской культуре старого и нового времени чувствуется стремление к неизведанным высотам мира небесного, томление духа, отягощённого мирскими страстями и противящегося их власти. Чувство влечения к божественному, достижения неземных вершин, выраженное в возгласе литургии «Горé имеем сердца!», было присуще русским писателям и поэтам. Созерцая кавказские высоты, А.С. Пушкин восклицал в восторженном порыве самоотдачи: «Туда б, сказав «прости» ущелью в соседство Бога скрыться мне!» В романе «Бесы» Ф.М. Достоевский высказал устами Шатова мысль о том, что «русский народ есть «народ-богоносец». Раздумье о сопринадлежности русского народа небесному содержится в рассказах о святом Силуане¹ (Афонском), кото-

¹ Силуан Афонский (1866–1938) – выдающийся русский подвижник XX столетия, выходец из бедной крестьянской семьи Лебедянского уезда Тамбовской губернии.

рый на излишние восторги об изобретательности «немецкого гения» ответил так: «А я думаю, что тут совсем другая причина, а не то, что неспособность русских. Потому, я думаю, это, что русские люди первую мысль, первую силу отдают Богу и мало думают о земном; а если бы русский народ, подобно другим народам, обернулся бы всем лицом к земле и стал бы только этим заниматься, то он скоро обогнал бы их, потому что это менее всего трудно» [15, с. 248]. Обращение к истории русской религиозности свидетельствует, что «святотатство и кощунство» были чужды русскому религиозному типу, а «первые и единичные дела в крестьянской среде по этим обвинениям появляются только после революции 1905 года. В народном сознании нередко эти два понятия также продолжают совпадать»².

Мы предполагаем исходить из понимания «народного православия» как вероисповедания без отрицания славянской традиционной духовной культуры, опирающейся на свои исторические параметры. Обращение к языку лексики веры и церкви прояснит дискурсивную сущность явления, определяющую в итоге ментальные константы словосложения: каким типом мыслительных стереотипов мотивирован тот или иной корпус названий (номинация), чем вызвано доминирующее положение того или иного участка словаря и т. п.

Изучение народной веры предполагает охват её проявлений в рамках определённых утвердившихся в народной среде представлений о христианстве и вероисповедании – ментальных *категорий*, влияющих на характер народных образов православия, традиций, инструментарий поведения. В своей знаменитой работе «Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам» Г.П. Федотов останавливает внимание читателя на универсальном характере русского православия в русских духовных стихах, выраженное в ряде представленных автором значимых национальных особенностей народной поэзии, которые можно сравнить с «категориями русского религиозного сознания» или «константами». Обосновывая теоретическую проблематику своего труда,

Г.П. Федотов решает проблемы народного христианства в связи с проблемами истории церкви, «двоеверия», концептологии, прослеживая реакции духовных стихов «на основные категории христианского богословия – христологию, космологию, антропологию, экклесиологию, эсхатологию» [11, с. 117].

Обращаясь не только к стихам духовным, но и к иным фольклорным текстам, выводя проблему за рамки богословия, а также развивая категориальный ряд на лексическом фоне просторечного и диалектного русского языка, можно доказательно распространить этот подход на лексические факты, паремии и разнообразные жанры народной культуры. Народное православие предстает не как часть народной культуры, а как её семиотический центр, – цельное начало, цементирующее исходящие установки. Предикаты и смыслы, заложенные через утвердившиеся в народной среде константы (такие, как идея жертвенности, почитание Пресвятой Богородицы как идеала материнства и святости, милосердность, избирательность в обращении к святым заступникам; неполное соответствие догматам православия, способность к личному ограничению; своеобразный формализм бытовой практики, схематизм устных легенд, глубокое переживание евангельских событий; вера в чудо и чудесное; «двоеверие» – явление, получившее широкое отражение в историко-филологической мысли; уважение к юродству и странничеству и др.), содержат квант ментальной всеобщности.

На лексическом уровне изоморфизм культуры и языка будет проявляться в том, что культура продуцирует и определяет смыслы языка в разном формальном выражении (слова, фразеология, паремии); а языковые данные, образующие лексикон русского православия, способны распределяться практически по всем тематическим группам русского словаря.

Например, *сдержанность к эмоциональным проявлениям* (даже такого здорового свойства человека, как смех) позволяет судить об особой созерцательности, в определённых ситуациях запрещающей и даже уничтожающей излишние проявления веселья в пользу сдержанного, контролируемого поведения. В пословицах: «*Бога не гневи, а чорта не смеши. Мал смех, да велик грех. Где*

² Православие и культура этноса: тез. докл. Междунар. науч. симпозиума. М.: Старый сад, 2000. С. 10.

грех, там и смех. Грех не смех. И смех, и горе. В чём живёт смех, в том и грех. Грех не смех, когда придёт смерть. Не смейся чужой беде, своя на гряде. Кто в субботу смеётся, в воскресенье плакать будет» [16, т. 4, с. 311; орфография словаря]. Эти и другие подобные предостережения, отражённые в русских пословицах и поговорках, ограничивающих личные эмоции человека, являются свидетельством мировоззренческого духовного опыта нации. Эта поведенческая линия ограничения своих эмоций проявляется и в сопутствующих значениях глагола «смеяться», который, наряду с основным значением, обладает коннотативными: «Смеяться чему, неуважать, небрежь, презирать, ставить ни во что, не бояться, не исполнять, ругаться над чем-либо»)... «кощунствовать» [16, т. 4, с. 311]. Проникая в духовно-нравственную сферу человеческой жизни, смех выступает как мировоззренческий и социально-нравственный регулятивный феномен, ограниченный в неуместном выражении.

Значимой категориальной особенностью, присущей традиционной народной среде, являлся *формализм* веры. Формализм (или ритуализм, схематизм) народной веры проявлялся и проявляется в том, что вероисповедание в привычной среде приобретает некие черты уставности узуса, отличные от устава церковного. Это могут быть рекомендации этикетного и речевого поведения в церкви, в конкретной местности (городе, селе), какие-то местные, устоявшиеся здесь правила внешнего этикета (одежды, поведения и пр.).

Народная вера допускает свои, отсутствующие в уставе церковном, нормы. Эти предписания являются часто наиболее строгими в силу того, что человек, не исполнивший их, подвержен неукоснительному контролю со стороны ближайшего общества. Есть общепринятые правила благоговейного и молчаливого «стояния», целования икон, ношения платка для женщин (принятое на основании слов апостола Павла), обязательного ношения нательного крестика, порядок пропуска к причастию – сначала немощных и детей, мужчин впереди женщин и освобождение прохода для причастившихся, земные и поясные поклоны. Эти правила не противоречат церковным предписаниям. Но народная или местная практика добавляет свои,

более сложные порядки, которые многие верующие тоже стараются соблюдать. Сюда относятся такие правила, как передача свечи только «под хорошую руку» (то есть правую), требование не передвигаться из одной части храма в другую вблизи солеи, после причащения не целовать икон, не дотрагиваться ни до кого из присутствующих, не отвечать на вопросы и т. д.

Формализм бытийного мышления и поведения проявляется при безукоснительном следовании этим «порядкам», невзирая на некоторые жизненные препятствия, затрудняющие порой их выполнение. При этом «наблюдателю со стороны» очевидна двойственная картина: осознанный подход к разным ситуациям и возможностям прихожан наблюдается у священников, принимающих людей с их грехами и слабостями, а оппозицию им часто представляют храмовые работники, подверженные неуставному, точнее суеверному, влиянию (обычно это женщины, работающие в храме). Так, священник может допустить женщину без платка до исповеди, исповедать её и даже причастить, но ей обязательно придётся выслушать замечания со стороны рьяных ревнителей «благочестия». То же касается и многих других мелких деталей прихрамового быта.

Для сельской общины одинаково существенными будут правила поведения не только в церкви, но и в общине, в быту. Примеры запретов и ограничений поведения в доме представляют отдельные сюжеты, записанные фольклористами и диалектологами: «Нельзя растягиваться на лавке ногами к божнице – Бог силу отберёт»; «Хлеб отрезанной стороной или отломанной следует класть внутрь стола. Так же точно нельзя класть ковригу или калач вверх «исподней» коркой. В первом случае будет мало хлеба, а во втором – на том свете будут держать вверх ногами» [17, с. 46; Пичугская волость, Приангарский край]. Предписания народного благочестия дома и вне дома представляют собой многочисленные запреты, содержащие архаические мотивы: «В праздник нельзя мыться, это плохо для умерших. Нужно мыться перед праздником». «Стирать грех. Придёржвались наши всегда, да я и сейчас придерживаюсь» (с. Носины Моршанского р-на, Тамб. обл.). «В праздник постираешь, в

будни сидеть будешь. Палец нарвѣть, либо што...» (с. Княжево Моршанского р-на, Тамб. обл.). Особое место в народной культуре занимают православные обычаи застолья. В Великий Пост не разрешались гулянья и какие-либо забавы. На «страшной» нельзя было даже грызть семечки. «Пасхальный пост мы на улице не ходили. Страшная неделя и вовсе, даже ни семечки не грызли. Грызть грех – плевать на Иисуса Христа. Постом вообще грызть грех» (с. Терновое Инжавинского р-на, Тамб. обл.). Особенно осторожными следовало быть людям, положение которых «социально отмечено» народной традицией (старики, младенцы, беременные женщины): «В воскресенье утром не работают: нельзя работать, «особливо пока служба в церкви идёт. Не дай Бог беременным работать, а то и на сносях!» (тмб.). На Вознесение повсеместно считалось необходимо подать нищему.

Представление о правилах бытового поведения отразилось в диалектах русского языка, составив особое диалектное койне народного православия. Их репрезентирует лексика, фразеология и поговорки, например, *убогие блины* – «блины, которые подавались нищим на масленицу как подавание», синонимы «блины», «нищие блины», «постные блины». «*Убогии блины* это подавание» (Сосновский р-он, Тамб. обл.). «*Убогие блины* пекли специально для нищих. Подавали на масленицу» (с. Никольское Рассказовского р-на, Тамб. обл.). «*Убогие блины* – это постные блины. Пекли их во время постов» (с. Верхний Шибряй Уваровского р-на, Тамб. обл.). До наших дней дошло выражение *замыть упокойника*, связанное с запретом стирать на родительскую (поминающую) субботу.

Большинство из поведенческих устоев и примет имеет общерусский характер. Таков обычай выбрасывать что-либо в окно в пасхальные дни: «После Пасхи до Троицы нельзя в окно ничего выбрасывать – там стоит Христос, – «штоб не ушибить *яво*» [17, с. 46]. Сравним, по тамбовским материалам: «Бабка моя говорила: «Зачем в окно бросать – Боженьке на головушку!» С тех пор я ничего не выбрасываю, да и вам не советую» (г. Котовск, Тамб. обл.). «Нельзя было выбрасывать чаво-та в акно, ни шулукать *семячек*, ни

браница» (с. Дельная Дубрава Сосновского р-на, Тамб. обл.).

Малым жанрам поэтического народного творчества, к которым можно отнести народные переделки тропарей и величаний праздников, присущ особый *схематизм* формы и рифмы. В основе этой схематичности лежит незатейливый речитатив, сопровождающий голосовое исполнение стихотворного текста и моделирующий ритмическую ровность структуры произнесения. Приведем запись речитатива рождественского стиха, записанного в селе Покровка Тамбовского района: «Во Флиеме он родился! В этих яслях он лежал. И желал бы он укрыться, но над ним звезда возсияла. Младенец неоцененный, какую радость известил своей кровей драгоценною. Христа Бога искупил». Формульность народного воспроизведения отчасти восполняет несогласное соединение фраз. При этом исполнитель свободен, он допускает вольности обращения с исходным текстом, что проявляется в нарушении рифмы, диалектном прочтении библеизмов (*во Флиеме*), изменении «неудобных» имен и топонимов, в диалектизмах (*крóвей*), уточнениях, воспроизведении «недостающих», по мнению исполнителя, частей повествования.

На переделки церковных христославий в народном языке обращали пристальное внимание учёные фольклористы и лексикологи. Так, воронежский диалектолог В.Ф. Филатова замечает, что рождественский «тропарь дополняется народными стихами» [18, с. 83]. Обращение к особенностям архаических народных молитв показывает, что обычна трёхчленная композиция молитвы, повторяются прошения и их «небесные подтверждения», круг небесных покровителей; «молитвы несут на себе черты морфологии и стиля народной лирики и этики, спонтанно воспроизводя рифмующиеся и нерифмующиеся строки свободного стихосложения, состоящие из разного количества слогов»; в народной молитве «мысль, а не размер определяют длину строки» [19, с. 12]. Схематизм современных «чудесных рассказов» проявляется в однотипности композиции и повторе сюжетной схемы. Ю.М. Шеваренкова, исследовавшая дивеевские легенды начала ХХI века, пришла к выводу, что «современные рассказы о чудесном исцелении строятся на типич-

ной для этого жанра сюжетной схеме: наличие болезни – безуспешная попытка вылечить – купание в источнике (умывание, испытание святой воды) – чудесное исцеление» [20, с. 27].

Русскому религиозному сознанию свойственна особая *избирательность* в почитании общеизвестных и местных святых. Особое почитание святителя Николая отражено в приговорах: «Святитель Микола, силён Бог наш», «Микола святитель Богом силён», «Авось Никола с богом силён» [11, с. 61]. Авторитет святого Николая столь высок, что пословицы включают даже параллельную взаимозамену актантов *Бог – Николай Угодник*, то есть замену неравных духовных уровней, отражающую высочайшую степень народного почитания святителя Николая: «Где беда, там и Бог», наряду с «Где беда, там и Никола» [16, т. 1, с. 373]. Смещение функций мы отмечаем и в представлениях тамбовских информантов о радуге. Наряду с ответами типа «Господь послал радугу на землю после потопа, который смыл все грехи людей», «Радуга – это Боженька радуется; радуга – это Господь Бог улыбается»; были записаны и объяснения чудесного воздействия святителя Мир Ликийских Николая на данное естественное явление, нисходящее с небес (то есть создание радуги не кем иным, как святителем): «Говорять, её послал Николай Чудотворец, что никогда не будет уstraивать наказания людям» (тмб.).

Народная библия разворачивает тот мотив, который ей больше пришёлся по душе, больше соответствует духовным чаяниям и запросам народа, лучше вписывается в народную систему знаний. Подчёркивается величие Илии-пророка, носителя небесного гнева, равного деяниями самому Творцу (имя Илия трактуется как «гнев Божий»): «Говорили, что Илья-пророк катится по небу, солнышко от земли толкает», «Илья дарует урожай», творит громы и молнии и т. п. Возможна такая же взаимозамена в тождественности действий, как в случае со святым Николаем: «Бог леденичку напустил» (тмб.) и «Илья пускает ледок» (тмб.).

Апеллируя в сложных ситуациях к небесным заступникам, проситель или просительница не возвышают их (не впадают в крайности возвеличивания, загружая словес-

ной дифирамбикой), а обращаются как бы к близким и родным существам, готовым всегда прийти на помощь. В народной молитве «на дорогу»: «*Господи, я в путь пошла, тебе, Господи, с собой взяла. Ангел господний душу спасал, тело защищал. Благослови меня, Господи. Аминь*». При прядении и всякой работе: «*Господи, дай мне ловкости и скорости*» (с. Староюрёво Староюрёвского р-на, Тамб. обл., от Надежды, 76 лет). Неизменной остаётся вера в результативность помощи: «Если любой грешный будет поминать Господа в пути, он может и простить» (с. Донское Тамбовского р-на, Тамб. обл.; записано от М.В. Мещеряковой).

В языке носителей культурно-религиозных традиций распространено явление, получившее в научной литературе название *двоеверие* – обращение к патриархальным языческим заступникам крещёных людей. На развитие двоеверия оказывает своё влияние не только общинно-родовая привычка, но и колебания в оценке тех или иных событий, фактов, стремление к архаике древнеславянских традиций, также не всегда доступная «наивному» пониманию высота христианской символики. Двоеверие как раздвоение веры в общинном сознании рассматривалось филологами, обратившими свои научные изыскания к семиотике культуры. О роли «дуальных моделей» в динамике русской культуры писал историк русского языка Б.А. Успенский [21]. Природа отрицательности некоторых объектов народной культуры связана, по мнению учёного, «с особенной сакральной отмеченностью в дохристианском быту восточных славян» [21, с. 225]. Таковы, к примеру, постройки бань, овинов, кузниц с их ролью родовых домашних храмов. С падением язычества эти строения стали восприниматься как нечистые места и, хотя продолжали сохранять свою культовую функцию в христианский период, но с отрицательным знаком «опасного места». «Показательно, в частности, устойчивое представление о том, что власть в бане принадлежит не крестной, а нечистой силе», – замечает Б.А. Успенский [21, с. 225]. Многие фольклорные символы традиционной культуры имеют амбивалентный характер (змея – символ вредоносности и одновременно целительности); этот же образ менее размыт и

точнее определён в библейской символике (образ змия-искусителя).

Явление «двоеверия» распространяется на язык носителей культурных традиций, что отражено в лексике народной фразеологии и паремиологии. Свидетельством «двоеверия» были клятвенные формулировки и фразеология малых жанров, где «имя Бога часто употреблялось в клятвах и проклятиях» [22, с. 203. Бог, с. 219. Божба].

В лексических реализациях русского языка, обращенных к церковным практикам, прослеживается одна интересная поведенческая установка, которую уместно определить как *прагматизм* традиционного мышления. Суть *прагматизма* заключается в направленности на значимость ценностей, обеспечивающих повседневное земное существование. Как бы ни были важны искания духовного плана, жизнь обычного человека, часто к тому же задавленного нуждой и работой, заставляет возвращаться в реальное бытие: *Повадишься к вечерне – не хуже харчевни: ныне свеча, завтра свеча, ан и шуба с плеча* [16, т. 1, с. 463]. В малых жанрах народного творчества, отражающих, в том числе, и ценностные параметры народной веры, процент обмирщения событий и образов, их заземленности, выше, чем в эпических. Многообразный интересный материал такого рода дают русские пословицы, останавливаясь на котором нам сейчас было бы нерационально, так как эта тема столь обширна, что должна быть освещена в отдельной статье.

Поведенческий прагматизм является ситуативным и одновременно психологическим индивидуальным выбором реального в ущерб духовному, но он оправдан ситуацией необходимого ограничения любой чрезмерности. Например, излишняя *божба* оценивается как нечто греховное и могущее навлечь дополнительные неприятности: «Не божись, и без божбы грехов за плечами в кошеле не снесёшь» [22, с. 219]. Более того, «божба выступает как «наказуемое свыше действие (ср. рус. *Не божись, кровь носом пойдёт*)». Это обуславливается мифологией имён потусторонних сил вообще и Божьего имени в частности, а также христианским запретом клятвы...» [22, с. 219].

Знакомство с малыми формами народной культуры показывает, что фольклорные

средства часто как бы заземляют жизнь человека, делают её овеществлённой, ориентируют на биологическое выживание. На лексическом уровне прагматизм отражён в именослове народного календаря, когда обращения к покровителям сельского труда регламентированы той или иной хозяйственной потребностью, и культ христианских святых «переделан» под крестьянские нужды. Приведём несколько зафиксированных нами лично ответов: «Святому Георгию просят мира, во время войны молятся о победе. Илье-пророку просят дождя. Святому Николе просят семейного благополучия, помощи в трудном деле. Параскеве... [затрудняется, не знает]» (тмб.). «Георгию молятся, чтобы войны не было. Илье, чтобы был дождь для хлеба. Николе молятся, когда нужда и беды. Параскеве – не помню» (тмб.). «Об урожае – Иоан Божий; при засухе – Ильа Пророк; о скотине – святой мученик Власий; при пожаре – *Неупалимая Купина* [орфография передает произношение диалектоносителя]; при учении – Сергей Преподобный; при болезнях людей – *Пантели́м Исцелитель*; о пчёлах – преподобный Засима и Савелий Соловецкие» (с. Домнино Сосновского р-на, Тамб. обл.). «С просьбами о скотине обращались на Егория Победоносца, клали в лесу на пенёк хлебушек и просили сохранить скотину» (п. Первомайский Бондарского р-на, Тамб. обл.). «Скотине – преподобный Власию. Здоровье – великомученику и целителю Пантилимо́ну. Пожар – Неопалимая Купина. Дождь, засуха – Ильа-пророк» (д. Низовка Бондарского р-на, Тамб. обл.). «Обычно обращаются всегда к Николаю Угоднику» (с. Сурава Тамбовского р-на, Тамб. обл.). Перечень святых покровителей и помощников в работе представлен и в русских духовных стихах: «Попаси ж ему Господь Бог, Хлор, Лавёр, лошадок, Уласий коровок, Настасей овецек, Василий свинок, Мамонтий козок, Терентий курок, Зосим Соловецкий *пцо́лок*» [11, с. 64].

Перечисленные обращения к небесным покровителям являются передачей практического и клишированного знания о функциях святых и одновременно распределением их «по статусу». Касаясь механизма переводов православного текста из книжной сферы в сферу традиционной культуры, эту особен-

ность отмечают учёные – исследователи этнической культуры: «в наибольшей степени процесс сужения понятия коснулся культа святых, при котором, кроме имени, остается только клишированное определение «статуса» святого. Записи текстов собирателями фольклора показывают, как имя воспринимается через вещественный предмет, икону, которая, в свою очередь, является амулетом и представляется исключительно материально, прагматично (святину можно купить – стоит дешево, образок маленьких размеров – поэтому удобно брать в дорогу): «А ещё в церкви купите Николая Угодника. Вот Николай Чудотворец – и поезжайте хоть куда хочется. Он дешево стоит, маленький, с ним – хоть куда» [23, с. 93].

Лексика народного календаря содержит такое понятие, как *буденничать* (*бүдничать*) – ‘проводить день обычно, не праздновать’: «Мы в такие праздники будничаем, а святым празднуем» [16, т. 1, с. 333]. Слово «буденничать» органично вписывается в календарный распорядок жизни, отмечая представление о праздниках и о «повседневных» днях памяти. В церковном же календаре, как известно, «каждый день праздник».

Однако заземление бытия и прагматизм не являются столь доминантными, как это кажется на первый взгляд. При внимательном наблюдении проявляются и глубина веры, ощущение реальности инобытия. Антитезой к прагматизму и обмирщению звучат пословицы: *Не тот живёт больше, кто живёт дольше; Господь взял на руки себе* [16, т. 1, с. 276].

Итак, изучение лексики и образов народного православия базируется на некоем понятийном фундаменте (ментальном фонде), основанном на православной традиции, и одновременно представляющем национальную систему категорий и элементов религиозных представлений. Эта система вобрала в

себя традиции и контексты восточнославянской культуры. Знакомство со словарным фондом народного православия обнаруживает изоморфизм веры (убеждений, правил поведения, предписаний) и лексических фактов языка.

Религиозность русского фольклора (и русского языка) проявляется в разной степени строгости и выдержанности различных жанров (и средств выражения). Сравнивая фольклорные жанры, Г.П. Федотов отмечал, что в сказке или народной легенде больше язычества и вольности, но «зато в них раскрываются и такие драгоценные черты, которые задавлены византийски-московской тяжестью духовной поэзии» [11, с. 124].

Академик Н.И. Толстой в предисловии к изданию книги Г.П. Федотова 1991 года отмечал, что книга знаменитого автора имеет «особую задачу: определить систему, категории и элементы русского народного богословия по одному ...источнику – духовным стихам» [24, с. 8]; причём обращение к другим источникам есть дело будущего. Мы, следуя определению Н.И. Толстого, дополнили и уточнили понятие «ментальная категория народного православия» на материале лексики русских говоров. Данные русской диалектологии подтверждают наличие категорий народной веры не только на общерусском, но и на аутентичном материале, обнаруженном на территории Тамбовской области. Были привлечены как письменные источники, так и записи постсоветского периода XX и начала XXI веков.

Уточнен список ментальных категорий (констант). Ввиду несомненного своеобразия и этнического психологизма «русской веры», сложного переплетения дохристианских и христианских традиций в народной культуре определение «народное богословие», отличное от богословия церковного (догматического), не исчерпало себя.

Список литературы

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Агентство ФАИР, 1998. 352 с.
2. Складневская Г.Н. Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.
3. Алексеева М.О. Когнитивные аспекты изучения терминологии русского православия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 197-202.
4. Киквидзе И.Д. Сопоставительная теоллингвистика: предмет и цели исследования // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 115-118.

5. Кожеевникова И.Н. Этнолингвистика как один из современных подходов к изучению диалектной лексики // Текст как единица филологической интерпретации: сб. ст. 4 Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Курулёнок. Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2014. С. 161-164.
6. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
7. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1–3. М.: Индрик, 1994.
8. Веселовский А. Разыскания в области русского духовного стиха // Сб. Отд. рус. яз. и словес. Академии наук. СПб., 1883. Т. 32. № 4.
9. Кирпичников А.И. Успение Богородицы в легенде и в искусстве. Одесса: Тип. А. Шульце, 1888. 59 с.
10. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Ч. 1-2. М.: Сов. Россия, 1990.
11. Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 192 с.
12. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
13. Памятники южновеликорусского наречия: челобитья и расспросные речи / отв. ред. В.П. Вомперский. М.: Наука, 1993. 234 с.
14. Лосский Н.О. Характер русского народа: в 2 кн. Кн. 1. (Репринтное воспроизведение издания 1957 года). М.: Ключ, 1990.
15. Орехов Д. Русские святые и подвижники XX столетия. СПб.: ИД Невский проспект, 2001. 256 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Универс», 1994.
17. Фольклор Приангарья начала XX века (предисл. и публ. В.В. Запорожец) // Живая старина. 2000. № 2 (26). С. 45-48.
18. Филатова В.Ф. Акциональная церковная лексика в составе обрядовой (на материале говоров восточной части Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров. 1995: Материалы и исследования / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 1998. С. 80-84.
19. Эрдеи Ж. Исторические проблемы архаических народных молитв // Живая старина. 1999. № 2 (22). С. 12-13.
20. Шеваренкова Ю.М. Дивеевские легенды // Живая старина. 1999. № 2. С. 25-27.
21. Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 219-254.
22. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Межд. отн-я, 1995. Т. 1: (А–Г). 584 с.
23. Левкиевская Е.Е. Православие глазами севернорусского крестьянина // Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Ученые записки. М., 1998. Вып. 4. С. 90-111.
24. Толстой Н.И. Несколько слов о новой серии и книге Г.П. Федотова «Стихи духовные»; вступ. ст. // Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. С. 5-9.

References

1. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya* [Language and Religion]. Moscow, FAIR Agency, 1998, 352 p. (In Russian).
2. Sklyarevskaya G.N. *Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya. Tolkovo-entsiklopedicheskiy slovar'* [Lexis of Modern Russian Orthodox. Explanatory and Encyclopedical Dictionary]. St. Petersburg, Kontrast Publ., 2016, 688 p. (In Russian).
3. Alekseyeva M.O. Kognitivnyye aspekty izucheniya terminologii russkogo pravoslaviya [Cognitive aspects in studying Russian orthodox terminology]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 119, pp. 197-202. (In Russian).
4. Kikvidze I.D. Sopostavitel'naya teolingvistika: predmet i tseli issledovaniya [Contrastive theolinguistics: subject and aims of the research]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2018, no. 2 (68), pp. 115-118. (In Russian).

5. Kozhevnikova I.N. Etnolingvistika kak odin iz sovremennykh podkhodov k izucheniyu dialektnoy leksiki [Ethnic linguistics as one of modern approach to the dialects lexis study]. *Sbornik statey 4 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tekst kak edinita filologicheskoy interpretatsii»* [Proceedings of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference "Text as a Philological Interpretation Unit"]. Novosibirsk, LLC "Nemo Press" Publ., 2014, pp. 161-164. (In Russian).
6. Berezovich E.L. *Russkaya leksika na obshcheslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Lexis on General Slavic Background: Semantics and Motivational Reconstruction]. Moscow, Russian Foundation of Help for Education and Science, 2014, 488 p. (In Russian).
7. Afanasyev A.N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov: v 3 t.* [Poetic Views of Slavic People on Nature. Experience of Comparative Study of Slavic Lore and Beliefs Due to Myths of Other Relative Folks: in 3 vols.]. Moscow, Indrik Publ., 1994, vol. 1-3. (In Russian).
8. Veselovskiy A. Razyskaniya v oblasti russkogo dukhovnogo stikha [Research of Russian spiritual poem]. *Sbornik Otdela russkogo yazika i slovesnosti Akademii nauk* [Digest of Russian Language and Language Arts Department]. St. Petersburg, 1883, vol. 32, no. 4. (In Russian).
9. Kirpichnikov A.I. *Uspeniye Bogoroditsy v legende i v iskusstve* [Dormition of the Mother of God in Legend and Art]. Odessa, A. Shultse's Typography, 1888, 59 p. (In Russian).
10. Snegirev I.M. *Russkiye prstonarodnyye prazdniki i suyeverynyye obryady: v 2 ch.* [Russian Demotic Festivals and Superstitious Rites: in 2 pts]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, pts 1-2. (In Russian).
11. Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnyye: Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham* [Spiritual Poems: Russian Demotic Beliefs on Spiritual Poems]. Moscow, Progress Publ., Gnozis Publ., 1991, 192 p. (In Russian).
12. Vendina T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian Language Worldview Through Word Formation (macrocosm)]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 240 p. (In Russian).
13. Vomperskiy V.P. (executive ed.). *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya: chelobit'ya i rassprosnnyye rechi* [Monuments of South Great Russian Language: Humble Petition and Questioning]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 234 p. (In Russian).
14. Losskiy N.O. *Kharakter russkogo naroda: v 2 kn.* [Russian People Character: in 2 bks]. Moscow, "Klyuch" Publ., 1990, bk 1, reprinted. (In Russian).
15. Orekhov D. *Russkiye svyaty i podvizhniki XX stoletiya* [Russian Sacred and Enthusiasts in 20th Century]. St. Petersburg, Nevskiy prospect Publ. House, 2001, 256 p. (In Russian).
16. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language: in 4 vols]. Moscow, "Progress" Publ. Group, "Univers" Publ., 1994. (In Russian).
17. Zaporozhets V.V. (foreword and publ.). *Fol'klor Priangar'ya nachala XX veka* [Folklore of Angara Region in the early 20th century]. *Zhivaya starina* [Live Old Times], 2000, no. 2 (26), pp. 45-48. (In Russian).
18. Filatova V.F. *Aktsional'naya tserkovnaya leksika v sostave obryadovoy (na materiale govorov vostochnoy chasti Voronezhskoy oblasti)* [Actional Church lexis in the content of ritual lexis (as exemplified in dialects of the Eastern part of Voronezh Region)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. 1995: Materialy i issledovaniya* [Lexical atlas of Russian People's Dialects. 1995: Materials and Studies]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research of RAS Publ., 1998, pp. 80-84. (In Russian).
19. Erdeyi Z. *Istoricheskiye problemy arkhaiskikh narodnykh molitv* [Historical problems of archaic people's prayers]. *Zhivaya starina* [Live Old Times], 1999, no. 2 (22), pp. 12-13. (In Russian).
20. Shevarenkova Y.M. *Diveyevskiy legendy* [Diveyevo legends]. *Zhivaya starina* [Live Old Times], 1999, no. 2, pp. 25-27. (In Russian).
21. Uspenskiy B.A. *Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa XVIII veka)* [Role of dual models in dynamics of the Russian Culture (to the end of 18th century)]. In: Uspenskiy B.A. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, vol. 1, pp. 219-254. (In Russian).
22. Tolstoy N.I. (ed.). *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, vol. 1: (A-G), 584 p. (In Russian).
23. Levkiyevskaya E.E. *Pravoslaviye glazami severnorusskogo krest'yanina* [Orthodox in the opinion of North Russian Peasant]. *Rossiyskiy pravoslavnyy universitet ap. Ioanna Bogoslova. Uchenyye zapiski* [Russian Orthodox University of John the Apostle. Scientific Notes]. Moscow, 1998, no. 4, pp. 90-111. (In Russian).
24. Tolstoy N.I. *Neskol'ko slov o novoy serii i knige G.P. Fedotova «Stikhi dukhovnyye»; vstup. st.* [Some words on new series and book by G.P. Fedotov "Spiritual Poems"; introduc. art.]. In: Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnyye: Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham* [Spiritual Poems: Russian Demotic Beliefs on Spiritual Poems]. Moscow, Progress Publ., Gnozis Publ., 1991, pp. 5-9. (In Russian).

Информация об авторе

Дубровина Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: slavia2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея, подбор первичного материала (письменные источники и записи), обработка результатов исследования, анализ, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>

Поступила в редакцию 23.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 30.09.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Svetlana J. Dubrovina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: slavia2009@yandex.ru

Contribution: idea, source material acquisition (written sources and notes), research results processing, analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5561-8754>

Received 23 August 2019

Reviewed 30 September 2019

Accepted for press 21 October 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-447-455

УДК 81'42; 801.81:398

Семья в русской языковой картине мира (на материале русских народных и авторских сказок)

Исинь ЛИ

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

517182, Китайская Народная Республика, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасююань, 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>, e-mail: isinli@mail.ru

Family in the Russian linguistic worldview (as exemplified in Russian folk and authors' tales)

Yixin LI

Shenzhen MSU-BIT University

1 International University Park Rd, Shenzhen 517182, Guangdong Province, People's Republic of China

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>, e-mail: isinli@mail.ru

Аннотация. Проанализированы лексемы в русском языке, репрезентирующие представление о семье. Материалом анализа послужили русские народные сказки из сборника А.Н. Афанасьева и авторские сказки А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.М. Горького и С.Я. Маршак. Установлено, что понятие «семья», которое присутствует в русских народных и авторских сказках, репрезентируется ядерными и периферийными лексемами. Доказано, что к ядерным лексемам относятся общепринятые, активно употребляемые лексемы (ближайшее окружение человека: мать, отец, дедушка, бабушка, сын, брат, дочь, сестра), а периферийные лексемы в русских народных и авторских сказках различны (дальнее окружение человека: родные, родня, родственники, свои, «близкие» и т. д.). Ядерные лексемы, объективирующие представление о семье в русских народных и авторских сказках, отличаются друг от друга, а периферийные лексемы, объективирующие представление о семье, имеют схожесть в их использовании. Обосновано, что в сказках русских авторов по сравнению с русскими народными сказками больше внимания уделяется жене/матери в семье, поскольку в русских семейных традициях фактически семья всегда «держится» на жене.

Ключевые слова: объективация лексем; семья; русская народная сказка; авторская сказка

Для цитирования: Ли Исинь. Семья в русской языковой картине мира (на материале русских народных и авторских сказок) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 447-455. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-447-455

Abstract. We analyze lexemes in the Russian language, representing the idea of the family. The analysis materials are Russian folk tales from the collection of A.N. Afanasyev and author's tales of A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, A.M. Gorky and S.Y. Marshak. The concept of "family" in Russian folk and author's tales is represented by central and peripheral lexemes. The central lexemes are generally accepted, actively used lexemes (the immediate environment of a person: mother, father, grandfather, grandmother, son, brother, daughter, sister), and peripheral lexemes in Russian folk and author's tales are different (the distant environment of a person: relatives, relatives, relatives, friends, inner circle, etc.). Central lexemes objectify the idea family in Russian folk and author's tales and differ from each other; peripheral lexemes objectify the idea of the family and have similarities in their use. Tales of Russian authors pay more attention to the wife/mother in the family in comparison with Russian folk tales, because according to Russian family traditions the wife always "holds" the family.

Keywords: lexemes objectifying; family; Russian folk tale; author's tale

For citation: Li Yixin. Sem'ya v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale russkikh narodnykh i avtorskikh skazok) [Family in the Russian linguistic worldview (as exemplified in

Russian folk and authors' tales)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 447-455.
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-447-455 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Важность и значимость семьи, семейного очага и семейных отношений для любого человека – непреходящая ценность, любовь, заботу и теплоту дома нам дают родители и родственники. «Дома и тысячу лет прожить легко, выйдешь из дому – и час трудно» (кит. пословица). В конфуцианской философии семья считалась сердцевинкой общества, в котором интересы семьи намного превосходили интересы отдельно взятой личности и общества в целом. Семья как минимальная составляющая групповая единица лежит в основе любой культуры человеческого общества, является одной из главных сфер жизни и отражает исторические устои жизни народа.

Составляющие понятия «семья» и отношения между членами семьи свидетельствуют о характере быденной жизни, семейственности и менталитете русского народа. Лексические единицы, репрезентирующие представление о понятии «семья», в настоящее время активно интересуют многих лингвистов в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах.

Анализируется концепт «семья», концепт «дом» на материале словарных статей [1], на материале русский семейных родословных [2, с. 28], на материале различных языков, например, немецкого языка [3, с. 193], английского языка [4, с. 295]. Анализу подвергаются межконцептуальные связи понятий «семья–общество–государство» [5], предлагается попытка построения таксономической модели концепта «семья» [6, с. 21]. Содержание концепта «семья» раскрывается через анализ его лингвистических репрезентантов, каковыми являются слова. По мнению А.Л. Шарандина, слово – это «лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматической формой, совокупность которой образует его языковую репрезентативную парадигму и прагматическую парадигму» [7, с. 240]. Лингвистические репрезентанты о семье отражают одну из человеческих ценностей, которая не подвластна географическим или политическим границам, а также – времени, которая

служит отражением коллективного и индивидуального – мировоззрения.

Анализ лексического способа репрезентации представления о семье в русских произведениях народного творчества и авторских сказках показывает сходство и различие. Сравнительно-сопоставительный анализ представлений о семье в русских народных и авторских сказках на основе обращений является целью данной статьи.

Материалом анализа послужили 553 сказки из сборника «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева [8] и авторские сказки А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.М. Горького и С.Я. Маршака [9]. Были привлечены лексикографические источники, в частности, этимологические словари.

По Н.М. Шанскому: СЕМЬЯ. Искон. Собирательное суф. производное (суф. -иј-, ср. братия) от семь «домочадец», того же корня, что лит. *šeimà*, «семья, челядь», готск. *haims* «селение», греч. *kōmē* – тж. [10].

По М. Фасмеру: семья в устном народн. творчестве также в знач. «жена», укр. *сім'я*, др.-русс. *сѣмь* «челядь, домочадцы, семья; муж, жена», *сѣмьца* «младший член семьи» (Соболевский, Сб. Ляпунову 61 и сл.), русск.-цслав. *сѣмь* «persona», *сѣмь* *āvdра́лода*, *сѣминь* «невольник, домочадец»... [11].

В толковом словаре В.И. Даля отдельное слово «семья» не отмечено, оно отнесено к корневому гнезду – к слову «семейство». Ср.: семья ж. вообще: совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесн. знач. родители с детьми [12].

В словаре Д.Н. Ушакова «семья» – это «группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и ближних родственников, живущих вместе» [13]. Аналогичное значение отмечено в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова: «семья – группа живущих вместе близких родственников» [14].

Обобщая трактовку слова «семья» в различных словарях, можно считать, что семья обозначает группу родственников, живущих вместе и связанных кровным родством (дети, отец, мать, бабушка, дедушка) или браком (муж и жена, договорившихся жить одной жизнью).

Такой фольклорный текст, как сказка, объективирует такую разновидность общекультурного концепта, как «дискурсивный вариант общекультурного концепта, ...фрагмент дискурсивной фольклорной картины мира» [15, с. 73]. Согласно мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт имеет полевую структуру, состоящую из ядра и периферии. Ядро – это более конкретные и ярко выраженные образы, а периферия отражает более абстрактные понятия [16, с. 58].

В сказочном тексте представления о семье определяют ядерные лексемы: *отец, мать, дети (брат и сестра), бабушка и де-*

душка. Дальние отношения между членами семьи представляют собой периферию (*двоюродные или троюродные братья, внучатые племянники* и др.).

В связи с тем, что язык народных сказок – это, как правило, язык устного творчества, необходимо учитывать то, что члены семьи обычно обращаются друг к другу с помощью ласкательных форм слов «матушка», «бабушка» от нейтральных лексем «отец» и «мать».

Представим статистику встречаемости обращений «отец», «мать», «дедушка» и «бабушка» в русских народных и авторских сказках (см. табл. 1–4).

Таблица 1

Варианты обращения «отец» и частотность их употребления
в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Количество в народных сказках (%)	Количество в авторских сказках (%)
Отец	160 (52,28 %)	109 (40,52 %)
Отец-старик	1 (0,32 %)	1 (0,37 %)
Батюшка	104 (33,98 %)	46 (17,10 %)
Царь-батюшка	1 (0,32 %)	0 (0 %)
Царь-отец	1 (0,32 %)	4 (1,49 %)
Государь-батюшка	6 (1,96 %)	0 (0 %)
Батька	22 (7,19 %)	2 (0,74 %)
Батенька	7 (2,29 %)	0 (0 %)
Папа	2 (0,65 %)	63 (23,42 %)
Папаша	0 (0 %)	1 (0,37 %)
Папенька	0 (0 %)	25 (9,29 %)
Родимый	2 (0,65 %)	18 (6,69 %)
Всего	306	269

Таблица 2

Варианты обращения «мать» и частотность их употребления
в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Количество в народных сказках (%)	Количество в авторских сказках (%)
Мать	226 (54,20 %)	50 (41,67 %)
Мать-царица	0 (0 %)	1 (0,83 %)
Мама	5 (1,20 %)	10 (8,33 %)
Маменька	1 (0,24 %)	9 (7,5 %)
Мамка	25 (6,00 %)	5 (4,17 %)
Мамушка	7 (1,68 %)	19 (15,83 %)
Матка	23 (5,52 %)	0 (0 %)
Матушка	80 (19,18 %)	10 (8,33 %)
Матушка-кормилица	1 (0,24 %)	0 (0 %)
Матушка-сударыня	1 (0,24 %)	0 (0 %)
Родная матушка	1 (0,24 %)	0 (0 %)
Матинька	7 (1,68 %)	0 (0 %)
Мачеха	39 (9,35 %)	13 (10,83 %)
Родимая	1 (0,24 %)	3 (2,5 %)
Всего	417	120

Таблица 3

Варианты обращения «дедушка» и частотность употребления
в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Встречаемость в народных сказках (%)	Встречаемость в авторских сказках (%)
Дедушка	126 (12,45 %)	14 (4,33 %)
Дед	87 (8,60 %)	34 (10,53 %)
Дедка	14 (1,38 %)	31 (9,60 %)
Дедо	0 (0 %)	16 (4,95 %)
Старик	651 (64,33 %)	198 (61,30 %)
Старичок	133 (13,14 %)	30 (9,29 %)
Старичонко	1 (0,1 %)	0 (0 %)
Всего	1012	323

Таблица 4

Варианты обращения «бабушка» и частотность употребления
в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Встречаемость в народных сказках (%)	Встречаемость в авторских сказках (%)
Бабушка	140 (15,27 %)	14 (10,22 %)
Баба	120 (13,08 %)	15 (10,95 %)
Бабка	49 (5,34 %)	15 (10,95 %)
Старуха	529 (57,69 %)	68 (49,64 %)
Старушка	79 (8,62 %)	25 (18,24 %)
Всего	917	137

Материал, приведенный в табл. 1, показывает, что выявлено 12 вариантов обращения к отцу в сказках разного типа. Есть обращения, которые встречаются исключительно в народных сказках, такие как: *царь-батюшка, государь-батюшка, батенька*. Отмечаются и такие, которые встречаются только в авторских сказках, например, *папаша, папенька*.

В связи с тем, что количество народных сказок намного больше, чем авторских, то и число вариантов обращений к отцу в народных сказках больше на 37 единиц.

Материал табл. 2 свидетельствует, что к матери обращений больше, нежели к отцу. Кроме того, частота встречаемости некоторых вариантов слова «мать» в народных сказках намного выше, чем в авторских. Так, например, «мать-царица» ни разу не появляется в народных сказках, в то время как такие обращения, как: *матка, матушка-кормилица, матушка-сударыня, родная матушка, матинька* (5 вариантов) не отмечены в авторских сказках.

Таким образом, в сказках русских авторов по сравнению с русскими народными

сказками больше внимания уделяется жене/матери в семье. В русских семейных традициях фактически семья всегда «держится» на жене. Между тем, словарь М. Фасмера отмечает слово «семья» в значении «жена», которое используется в устном народном творчестве.

Интересно отметить значительную долю встречаемости обращения «мачеха» в обоих видах сказок: 9,35 и 10,83 % (в авторских сказках немного больше). В то время как «родная мама» в сказках, как правило, *добрая и милая*, мачеха – её полная противоположность, она не любит и чаще ненавидит падчерицу:

И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слыхали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!» (народная сказка «Морозко»).

Мачеха предъявляет неразумные требования: *«В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь и поглядела, как метёт вьюга, а потом вернулась к тёплой печке и сказала падчерице: – Сходила бы ты*

в лес, да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница» («Двенадцать месяцев» С.Я. Маршака).

Мачеха завидует красоте падчерицы: *«Делать нечего. Она, чёрной зависти полна, бросив зеркальце под лавку, позвала к себе чернавку и наказывает ей, сенной девушке своей, весть царевну в глушь лесную и, связав её, живую под сосной оставить там на съедение волкам»* («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина).

Как в коллективном, так и индивидуальном творчестве оценка мачехи всегда единогласно негативная. В русских сказках мы часто встречаемся с такими ситуациями, когда упоминания об отце и матери отсутствуют. Например, семья состоит из дедушки, бабушки и ребёнка (детей). Иногда также семья может быть бездетной, например, старик со старухой, которые так хотят детей, что пробуют для этого такие необычные способы завести ребенка, как слепить его из снега, сделать из дерева или теста. Например: *«только на что тебе бабу лепить: будет с тебя и меня одной. Слепим лучше себе дитя из снега, коли Бог не дал живого!»* («Снегурочка»); *«вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать – и вместо колодоч-*

ки стал рость в пелёночках сынок Терёшечка, настоящая ягодка!» («Терёшечка»).

Похожая ситуация наблюдается в авторской сказке «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А.Н. Толстого.

В таких случаях дедушка и бабушка, или, как они чаще называются в сказках, «старик со старухой», выступают в качестве родителей. Они кормят, воспитывают детей и ухаживают за ними. Эти варианты мы также включили в исследование.

Из табл. 3 и 4 видим, что в русских народных и авторских сказках различных вариантов обращения «дедушка» больше, чем вариантов обращения «бабушка». Большое количество приходится на варианты «старик» и «старуха». Только в авторских сказках встречается вариант «дедо» и только в народных сказках – «старичонко». Можно считать, то в коллективном и индивидуальном творческом сознании образы «старик» и «старуха» почти одинаковые.

Если в семье много детей, то сын выступает также в качестве брата, а дочь в качестве сестры.

Приведем статистику встречаемости обращений «сын»/«дочь», «брат»/«сестра» в русских народных и авторских сказках (см. табл. 5–8).

Таблица 5

Варианты обращения «сын» и частотность употребления в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Встречаемость в народных сказках (%)	Встречаемость в авторских сказках (%)
Сын	844 (89,88 %)	57 (82,61 %)
Сынок	78 (8,31 %)	7 (10,14 %)
Сыночек	11 (1,17 %)	4 (5,80 %)
Наследник	6 (0,64 %)	1 (1,45 %)
Всего	939	69

Таблица 6

Варианты обращения «брат» и частотность употребления в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Встречаемость в народных сказках (%)	Встречаемость в авторских сказках (%)
Брат	557 (66,47 %)	89 (70,63 %)
Братец	273 (32,58 %)	37 (29,37 %)
Братан	8 (0,95 %)	0 (0 %)
Всего	838	126

Таблица 7

Варианты обращения «дочь» и частотность употребления
в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Встречаемость в народных сказках (%)	Встречаемость в авторских сказках (%)
Дочь	505 (87,03 %)	118 (81,95 %)
Дочка	82 (13,97 %)	25 (17,36 %)
Доченька	0 (0 %)	1 (0,69 %)
Всего	587	144

Таблица 8

Варианты обращения «сестра» и частотность употребления
в русских народных и авторских сказках

Варианты обращения	Встречаемость в народных сказках (%)	Встречаемость в авторских сказках (%)
Сестра	260 (70,65 %)	50 (78,13 %)
Сестрица	108 (29,35 %)	14 (21,87 %)
Всего	368	64

Как видно из табл. 6, вариант «братан» встречается только в народных сказках.

Как показывает табл. 7, только в авторских сказках употребляется вариант обращения «доченька».

Ядерные лексемы, репрезентирующие представления о семье в индивидуальном и коллективном творчестве, представлены на рис. 1а и 1б.

Таким образом, в народных и авторских сказках к ядерным лексемам, репрезентирующим представления о семье, является обращение «дедушка». Большая разница отмечается при обращении «отец»: 6 % в народных сказках и 21 % в авторских сказках; при обращении «сын»: 17 % в народных сказках и 6 % в авторских сказках.

Данные факты свидетельствуют, что в коллективном творчестве центром внимания являются «дедушка» (19 %), «бабушка» (17 %), «сын» (17 %) и «брат» (16 %), а в авторском творчестве акцентируется внимание на обращении «дедушка» (26 %), «отец» (21 %), «бабушка» (11 %) и «мать» (10 %).

К периферийным лексемам, репрезентирующим представление о семье, относятся те лексемы, которые имеют значение «взаимоотношение между членами семьи». В русских народных сказках эти отношения весьма разнообразны, поскольку разнообразны

сами типы семей. Выявлены следующие типы семей.

1. Семья без детей, например, в народных сказках «Снегурочка», «Глиняный парень», «Терёшечка», «Мальчик с пальчик» и авторской сказке «Сказка о рыбаке и рыбке».

2. Семья, в которой есть неродной член семьи – мачеха, отчим, пасынок или падчерица. Такая ситуация наблюдается в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина и ряде народных сказок.

При этом семья может объединяться не обязательно по крови, но и по любви, например, в сказке А.С. Пушкина семь богатырей приняли царевну как свою сестру: «*Коли красная девица, будь нам милая сестрица*».

3. Семья, которая состоит из родителей и трёх сыновей, притом, что третий сын всегда не такой, как его братья. Такой тип семьи встречается в сказке «Про Иванушку-дурачка» М. Горького и во многих народных сказках, таких как «Иван-дурак», «Емеля», «Иван-царевич и Серый волк» и т. п.

4. Семья, где отношения между детьми недружные. «*В кухне злится повариха, плачет у станка ткачиха и завидуют оне государевой жене*» («Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина); «*Были два брата; один богатый, другой бедный. ...Говорит, наконец, богатый бедному: Поди-ка ты к чёрту, дай другим место!*» (народная сказка «Два брата»).

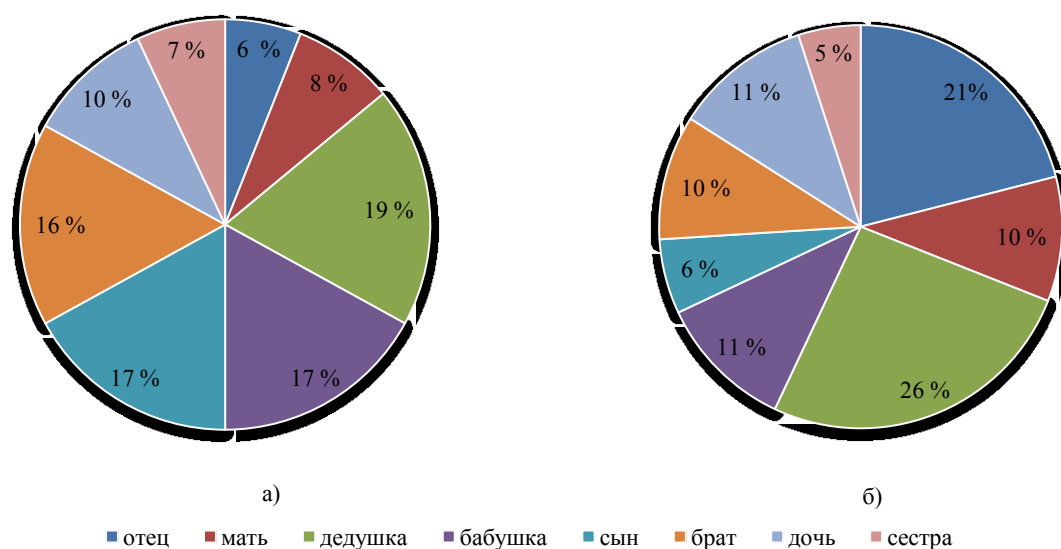

Рис. 1. Ядерные лексемы, репрезентирующие представления о семье: а) в русских народных сказках; б) в авторских сказках

Кроме того, в обоих видах сказок встречаются описания не только царских семей или деревенских семей, но и семьи животных, например: «*в домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка*» («Три медведя»); «*Пришли в берлогу. Медведь говорит жене...*» («Про Иванушку-дурачка»); «*Как услышало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту же минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес*» (народная сказка «Жадная старуха»).

Таким образом, понятие «семья», которое присутствует в русских народных и авторских сказках, репрезентируется ядерными и периферийными лексемами. Ядерные лексемы – это общепринятые активно употребляемые лексемы (ближайшее окружение человека: мать, отец, дедушка, бабушка, сын, брат, дочь, сестра). Периферийные лексемы в русских народных и авторских сказках различны (дальнее окружение человека: родные, родня, родственники, свои, «близкие» и т. д.).

Ядерные лексемы, объективирующие представление о семье в русских народных и авторских сказках, отличаются друг от друга, а периферийные лексемы, объективирующие представление о семье, похожи друг на друга.

Список литературы

1. Кострубина Е.А. Типы концептов: гиперконцепт СЕМЬЯ – ДОМ // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12) С. 51-57.
2. Рухленко Н.Н. Семья // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 4. Волгоград: Парадигма, 2006. 358 с.
3. Гуляшова Г.А. Семья // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 5. Волгоград: Парадигма, 2007. 349 с.
4. Трущинская А.С. Семья // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 7. Волгоград: Парадигма, 2009. 334 с.

5. Беляева Н.Л. Концептуально-семантический блок «СЕМЬЯ–ОБЩЕСТВО–ГОСУДАРСТВО» // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сб. науч. тр. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 410-414.
6. Матвеева М.В. Концепт СЕМЬЯ и его репрезентация в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2007.
7. Шарандин А.Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, МИЛ, 2015. № 3 (25). С. 240-250.
8. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. М.: Наука, 1984. Т. 1. 539 с., Т. 2. 490 с., 1985. Т. 3. 509 с.
9. Сказки русских писателей / сост., вступ. ст. и коммент. В.П. Аникина. М.: Правда, 1985. 672 с.
10. Шанский Н.М., Иванов В.В. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4: Т–Ящур. 864 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011. Т. 1. 699 с.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
15. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.

References

1. Kostrubina E.A. Tipy kontseptov: giperkontsept SEM'YA – DOM [Types of concepts: hyperconcept FAMILY – HOME]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2010, no. 6 (12), pp. 51-57. (In Russian).
2. Rukhlenko N.N. Sem'ya [Family]. *Antologiya kontseptov* [Concept Anthology]. Volgograd, Paradigma Publ., 2006, vol. 4, 358 p. (In Russian).
3. Gunyashova G.A. Sem'ya [Family]. *Antologiya kontseptov* [Concept Anthology]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007, vol. 5, 349 p. (In Russian).
4. Trushchinskaya A.S. Sem'ya [Family]. *Antologiya kontseptov* [Concept Anthology]. Volgograd, Paradigma Publ., 2009, vol. 7, 334 p. (In Russian).
5. Belyayeva N.L. Kontseptual'no-semanticheskii blok «SEM'YA–OBSHCHESTVO–GOSUDARSTVO» [Conceptual and semantical group “FAMILY–SOCIETY–STATE”] *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. XVII: Aktual'nyye problemy vzaimodeystviya myslitel'nykh i yazykovykh struktur* [Cognitive Studies of Language. Issue 17: Current Issues of Cooperation of Mental and Linguistic Structures]. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2014, pp. 410-414. (In Russian).
6. Matveyeva M.V. *Kontsept SEM'YA i ego reprezentatsiya v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concept FAMILY and Its Representation in Russian Language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2007. (In Russian).
7. Sharandin A.L. Soznaniye, semiotika, yazyk, kommunikatsiya i pragmatika kak edinoe kontseptual'noye prostranstvo [Consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics as a common conceptual space]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2015, no. 3 (25), pp. 240-250. (In Russian).
8. Barag L.G., Novikov N.V. (prep.), Pomerantseva E.V., Chistov K.V. (gen. eds.). *Narodnyye russkiye skazki A.N. Afanas'yeva: v 3 t.* [Russian Folk Tales by A.N. Afanasyev: in 3 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 1, 539 p., vol. 2, 490 p., 1985, vol. 3, 509 p. (In Russian).
9. Anikina V.P. (compiler, introduc. art. and com.). *Skazki russkikh pisateley* [Tales of Russian Writers]. Moscow, Pravda Publ., 1985, 672 p. (In Russian).
10. Shanskiy N.M., Ivanov V.V. et al. *Kratkiy etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Short Etymological Dictionary of Russian Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1971, 542 p. (In Russian).
11. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1987, vol. 4, 864 p. (In Russian).
12. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Drofa Publ., Russkiy yazik Media Publ., 2011, vol. 1, 699 p. (In Russian).

13. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia: State Book and Journal Publ. Unity, 1935–1940. (In Russian).
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, Russkiy yazik Publ., 1988, 750 p. (In Russian).
15. Emer Y.A. *Sovremennyy pesennyi fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern Singing Folklore: Cognitions and Discourse]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2011, 266 p. (In Russian).
16. Popova Z.D., Sternin I.A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Notes on Cognitive Linguistics]. Voronezh, 2001, 191 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ли Исинь, соискатель, ассистент преподавателя. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, Китайская Народная Республика. E-mail: isinli@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ русских народных и авторских сказок, разработка дизайна исследования, обработка данных исследования, написание части статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>

Поступила в редакцию 27.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 30.09.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Yixin Li, Competitor, Lecturer's Assistant. Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, Guangdong Province, People's Republic of China. E-mail: isinli@mail.ru

Contribution: idea, Russian folk and authors' tales analysis, study design development, study results processing, part of manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3397-2442>

Received 27 August 2019

Reviewed 30 September 2019

Accepted for press 21 October 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-456-465
УДК 81'271; 81'38

Русская риторика и культура речи: к вопросу о взаимосвязи

Юрий Николаевич ДЕНИСОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: denisov257@bk.ru

Russian rhetoric and speech culture: to the interconnection issue

Yuriy N. DENISOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: denisov257@bk.ru

Аннотация. Изучены проблемы риторического мастерства и культуры речи. Дан краткий анализ развития риторики на Руси, отмечены особенности развития этого учения в XIX в., особое внимание уделено академическому и судебному красноречию, отмечается вклад юристов в развитие риторики. Это позволило поднять отечественную риторическую культуру на новую ступень развития, которая была представлена образцами мастерства публичных выступлений, примерами речевого воздействия. Предпринята попытка выявить особенности советского ораторского искусства. Отмечено, что советское мастерство публичной речи – это совершенно уникальное научно-теоретическое прикладное искусство, направленное на агитацию и пропаганду советского образа жизни. Дальнейшее развитие риторики и теории культуры речи обусловлено социально-экономическими и культурными преобразованиями, которые произошли в российском обществе. Это повлекло за собой необходимость создания принципиально новой теоретической концепции, в основе которой тесная взаимосвязь и взаимодействие содержательных аспектов риторики, теории словесности и культуры речи. При этом менялся лишь фокус их рассмотрения и изучения. Поэтому современная речевая ситуация, которая оценивается в российском обществе неоднозначно, должна учитывать не только отечественные традиции изучения риторики и теории культуры речи, но и практический опыт зарубежного подхода, прежде всего, к риторике, а также достижения психолингвистики, теории информации, речевых актов, национальной специфики этикета. Главное, что объединяет риторическую культуру речи, – это их цель, назначение, а различаются они частными содержательными аспектами их изучения и преподавания.

Ключевые слова: риторика; мастерство публичных выступлений; учение о речевой культуре; красноречие; теория словесности; особенности советского ораторского мастерства

Для цитирования: Денисов Ю.Н. Русская риторика и культура речи: к вопросу о взаимосвязи // Нефилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 456-465. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-456-465

Abstract. We study the issues of rhetorical skill and speech culture. We briefly analyze rhetoric development in Russia, note the features of it in the 19th century, consider academic and judicial eloquence, contribution of lawyers to the development of rhetoric. This allowed to raise national rhetoric to a new stage of development as exemplified with mastery of public speeches, speech persuasion. We identify the features of the Soviet oratory. The Soviet mastery of public speech is a completely unique scientific and theoretical applied art aimed at agitation and promotion of the Soviet way of life. The further development of rhetoric and theory of speech culture is due to social and economical and cultural transformations that have occurred in Russian society. This led to the need to create a fundamentally new theoretical concept, which is based on the close relationship and interaction of the substantive aspects of rhetoric, literature theory and speech culture. At the same time, only the focus of their consideration and study changed. Therefore, the modern

speech situation evaluated in the Russian society ambiguously and should take into account not only the national traditions of studying rhetoric and the speech culture theory, but also the practical experience of the foreign approach, first of all, rhetoric, as well as the achievements of psycholinguistics, information theory, speech acts, national specifics of etiquette. The main thing that unites rhetoric and culture of speech is their purpose, and they differ in particular substantive aspects of their study and teaching.

Keywords: rhetoric; public speech skill; speech culture learning; eloquence; language arts theory; peculiarities of the Soviet persuasion art

For citation: Denisov Y.N. Russkaya ritorika i kul'tura rechi: k voprosu o vzaimosvyazi [Russian rhetoric and speech culture: to the interconnection issue]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 456-465. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-456-465 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В некоторых вузовских учебных пособиях по русскому языку и культуре речи говорится, что в советское время риторика была не только не востребована, но даже находилась под неким запретом. Так, в учебнике В.Е. Гольдина, О.Б. Сиротининой, М.А. Ягубовой отмечается: «В советский период риторика («дитя демократии»), противоречащая сути тоталитарного режима, долгое время была под запретом – и как учебная дисциплина, и как область языкознания» [1, с. 118]. Подобную мысль можно найти и в учебном пособии Н.Ю. Штрекер, где подчеркивается, что в советский период понятие *риторика* преимущественно связывали с пустословием, краснобайством, и поэтому считали, что ей не следует уделять никакого внимания. Правда, далее отмечается, что некоторая исследовательская работа в области риторики всё же проводилась, и называются имена выдающегося лингвиста и литературоведа В.В. Виноградова, философа А.Ф. Лосева, литературоведа М.М. Бахтина, историка риторики В.П. Вомперского [2, с. 151].

Думается, позиция вышеназванных авторов известных учебных пособий по культуре речевого общения и русскому языку относительно запрета на риторику в советское время всё же несколько сгущена. Однако то, что русская риторическая традиция как некий сплав науки и искусства, культуры и патриотизма была действительно нарушена, не вызывает сомнений, поскольку исследования в области изучения и развития риторической науки не носили последовательного и системного характера. Достижения американских и западноевропейских учёных в этой области по существу игнорировались, хотя именно в их трудах имелись существенные теоретические и практические разработки по

риторике и речевым коммуникациям. В результате сложилась ситуация, когда риторическая мысль не получала благодатной почвы для своего полноценного развития, и поэтому в учебные программы вузов и средних общеобразовательных учреждений риторические дисциплины не включались. В Советском Союзе большее внимание в учебных заведениях отводилось изучению грамматики, стилистики, культуре речи.

Как известно, истоки русского красноречия принято искать ещё в XII–XIII веках («Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника» и др.); в XVII веке уже появились первые учебники и материалы по риторике, в которых была разработана общая теория и намечены основные роды этого учения, прописаны требования, предъявляемые к оратору, даны рекомендации по подготовке и произнесению речи. В начале XVIII века в России стали складываться первые школы красноречия, связанные с преподаванием и изучением риторики в Киево-Могилянской и московской Славяно-греко-латинской академиях. Риторика в этих заведениях изучалась теоретически и практически, делилась на два самостоятельных раздела – риторику общую и риторику частную (прикладную). Общая риторика состояла из введения и самой риторики. Во введении раскрывались основные понятия риторики, давались сведения о её пользе, о пособиях по риторике и т. п. В самой риторике говорилось о наиболее общих риторических местах, расположении, выражении, произношении оратора и др. Частные риторики составлялись разными авторами по-своему, имели относительно свободную структуру построения и форму изложения. Однако эти книги были недостаточно ориен-

тированы на широкое практическое применение, носили преимущественно церковную направленность, имели рукописный характер и были созданы на церковнославянском и латинском языках, поскольку традиционным языком преподавания наук был латинский.

Первым значимым трудом по ораторскому искусству и культуре речи в России по праву принято считать «Краткое руководство к красноречию...» М.В. Ломоносова (1748), в котором великий учёный отграничил риторику от влияния богословия и адресовал её широкому кругу читателей. Считается, что М.В. Ломоносов положил начало русской научной риторике: в своём труде он рассматривал риторику преимущественно как науку о письменной и устной речи. На основе анализа лучших ораторов древности учёный разработал систему правил для подготовки публичных выступлений, а на материале общественной словесности развил учение об общем красноречии, включающее в себя прозу и поэзию. Кроме того, книга содержала ораторию – правила (наставления) по написанию прозаических произведений и поэзию – рекомендации по сочинению поэтических произведений. Ф.И. Буслаев, один из самых известных русских славистов, отмечал, что именно по Риторике М.В. Ломоносова «написаны все прочие» [3, с. 24].

В начале XIX века в Российской империи было решено включить риторику в учебные планы абсолютного большинства учебных заведений. В связи с этим стали создаваться многочисленные учебники по новой учебной дисциплине, среди которых особенно высоко ценились книги по риторическому мастерству и красноречию таких выдающихся преподавателей, педагогов и ученых, как М.М. Сперанский, А.Ф. Мерзляков, А.С. Никольский, А.И. Галич, Н.Ф. Кошанский и многих др. Все они рассматривали риторику прежде всего как науку о высокой речевой культуре. В практическом плане педагоги активно стремились развивать новые формы красноречия, на конкретных примерах проводили идеи величия русского народа и государства. Авторы отечественных риторик с большой гордостью и трепетом относились к национальным особенностям родного языка, заботились о дальнейшем развитии его лексической и грамматической системы.

В начале XIX века в России стали особенно активно развиваться практические частные риторики. Наиболее значимым видом публичного выступления считалось академическое красноречие, возникшее в результате подъёма научной мысли и расширения университетского образования. Особенно ярко оно представлено такими крупнейшими деятелями русской и мировой науки, как химик Д.И. Менделеев, естествоиспытатель К.А. Тимирязев, историк В.О. Ключевский, филолог Ф.И. Буслаев, основоположник научной системы физического воспитания П.Ф. Лесгафт и многими другими отечественными учёными. Определённый толчок развитию русского ораторского искусства дали Великие реформы 60–70-х гг. XIX века, особенно судебная реформа, результатом которой было внедрение в отечественное правосудие адвокатуры и суда присяжных.

В связи с этим важно отметить, что ещё на заре своего становления и расцвета, во времена античности, риторика была ориентирована именно на речи судебной и правозащитной направленности. В России, во второй половине XIX века, речи и выступления таких известных служителей фемиды, как Н.П. Карабчевский, П.А. Александров, С.А. Андреевский, князь А.И. Урусов, К.К. Арсеньев, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.Ф. Кони, П. Сергеич (П.С. Пороховщиков) и многих других прокуроров и адвокатов служили образцами риторического искусства, демонстрируя живость и действенность судебных речей. При этом они воспитывали уважение к русскому слову, способствовали развитию национального самосознания. Отечественные мыслители, юристы и филологи последующих поколений, изучая речи выдающихся представителей практического направления в юриспруденции, неизменно отмечали, что находят в них прекрасные образцы не только судебного ораторского искусства, но и примеры виртуозного использования богатейших возможностей живой русской речи. Это в значительной степени способствовало дальнейшему развитию ораторского искусства и культуры русской речи.

Кроме того, многим служителям правосудия (Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони, П.С. Прохорович (П. Сергеич), В.Д. Спасович, А.И. Урусов и др.) на практике мастерски

удавалось в своих речах реализовать новейшие достижения психологии, оформившейся к тому времени уже как наука. Это позволило поднять отечественную риторику на новую, психологическую ступень развития и сделало речи этих ораторов не только эталонами судебного красноречия, но и образцами мастерства публичных выступлений как таковых, замечательными примерами речевого воздействия.

В современной России юридическая риторика нуждается в живом и наиболее ярком выражении. Поэтому опыт предшественников может оказаться полезным как современным работникам правосудия, так и всем тем, кто заботится о развитии своего риторического мастерства и родной речи. Ярким примером тому служит исследовательская работа П. Сергеича «Искусство речи на суде» (1910), в которой автор, опираясь на общую античную, европейскую и отечественную риторическую традицию и делаясь своим профессиональным опытом, рекомендовал молодым судебным ораторам уделять особое внимание чистоте речи, смелее отказываться от слов, не несущих никакого дополнительного смысла типа *как бы сказать, если так можно выразиться* и т. п. По его мнению, подобные слова-сорняки затуманивают суть выступления, делают судебную речь неточной, приблизительной и тем самым могут привести даже к серьёзному искажению мысли, что повлечёт за собой весьма нежелательные последствия: трогательное может показаться смешным, важное, значительное в материалах уголовного дела не привлечёт должного внимания. Точность предметная и точность речевая – вот о чём необходимо, прежде всего, помнить судебному оратору при подготовке к своему выступлению. В целом книга П. Сергеича внесла неоценимый вклад в развитие судебной риторики, вооружила юристов многочисленными приёмами по созданию судебных речей, организации и проведению практической деятельности судей, прокуроров и адвокатов (опрос свидетелей, допрос, разбор свидетельских показаний, искусство спора и т. д.). Кроме П.С. Пороховщикова (П. Сергеича) можно назвать немало служителей правосудия, которые были замечательными теоретиками права, обладали энциклопедическими знаниями и при

этом мастерски умели применять эти знания на практике. Например, адвокат В.Д. Спасович не только выступал с блестящими речами на судебных процессах, но и писал книги по уголовному праву, гражданскому законодательству, глубоко исследовал творчество В. Шекспира и А. Мицкевича. К.К. Арсеньев написал несколько книг по русской, французской и немецкой адвокатуре. Блестящим теоретиком риторики и превосходным оратором был почётный академик изящной словесности А.Ф. Кони.

Таким образом, можно утверждать, что благодаря прекрасным образцам публичных выступлений в университетских аудиториях и на судебных процессах, а также обстоятельным научным разработкам в России выработалась оригинальная система риторического мастерства.

Кроме того, важно отметить, что работа по риторике в первой четверти XX века была связана с деятельностью Института живого слова (1918–1924), созданного исключительно с целью изучения устной речи и обучения ораторскому искусству. Впоследствии этот институт вошёл в состав Института языкознания, и его целевая направленность была утрачена, но, тем не менее, было издано несколько работ, связанных с изучением «живой речи» и оказавших заметное влияние на развитие отечественной риторической мысли и практики. Среди них наибольшей значимостью отличались работы Н. Энгельгардта «Программа курса лекций по теории красноречия (риторика)» и «Живое слово...» А.Ф. Кони. Заслуживает внимания этого периода и книга А. Миртова «Умение говорить публично», в которой автор рассматривает задачи советской педагогической риторики, делится опытом, как лучше объяснить что-то новое, убедить, призвать, ободрить, успокоить и воодушевить слушателей, раскрывает приёмы воздействия на собеседника. К сожалению, на этом этапе какие-либо исследования в области риторики, по сути, прекратились. Хотя, как отмечают Л.А. Введенская и Л.Г. Павлова, в целом риторика начала приходить в упадок ещё во второй половине XIX века, и на её смену пришла «теория словесности», взявшая из риторики такие разделы, как учение о композиции, о стилях речи и фигуры речи, но не бравшая во внимание

вопросы, связанные с изложением изобретения и выражения. Именно под знаком «теория словесности» и стали выходить многочисленные школьные учебные пособия того времени [4, с. 4-5].

По наблюдению крупнейшего теоретика и историка изучения риторики В.И. Аннушкина, «теория словесности перестала существовать к середине 20-х годов» [5, с. 43]. На её смену пришла новая учебная дисциплина, и появился новый раздел отечественного языкознания – *культура речи*. Возникновение культуры речи «надо связывать с происходящей в СССР культурной революцией. Предмет культура речи понимался, в основном, как учение о литературной норме» [5, с. 43].

Нормативный аспект в учении о речевой культуре, бесспорно, долгое время большинством учёных рассматривался как основополагающий. Самый термин культура речи – явление глубоко национальное, не имеющее аналогов в учебных дисциплинах других языков. Он отражал, прежде всего, работу по кодификации литературной нормы и популяризации именно нормированной (нормативной, правильной) речи. Вместе с тем, о том, что правильность речи является необходимым, но не единственным показателем речевой культуры, уже говорили первые отечественные разработчики этого учения, в частности, Г.О. Винокур в работе «Проблема культуры речи» (1929). Но инициатива учёного получит поддержку только в 1960-е годы. Спустя почти три десятилетия он опубликует в журнале «Русская речь» ещё одну статью о культуре речи, где подчеркнет неоднозначный смысл этого понятия и наметит чёткие ориентиры самого учения о культуре речи: говорить и писать не только «грамотно, правильно», но и «умело, мастерски...» [6, с. 13-14]. Необходимо отметить, что к этому времени уже вышли учебные пособия, посвящённые разработке теории и практике этого учения и разделявшие принципы Г.О. Винокура. Так, в книге Д.Э. Розенталя «Культура речи» (1964) безусловными составляющими этого понятия должны быть национальная самобытность, смысловая точность, богатство словаря, грамматическая правильность, логическая стройность и художественная изобразительность [7, с. 6-7].

Кроме вышеназванных учёных теоретические и практические задачи культуры речи во второй половине XIX века активно разрабатывались в трудах таких выдающихся учёных-филологов, как В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин, М.М. Михайлов, Л.К. Граудина, Б.Н. Головин, Л.И. Скворцов. Риторика (теория ораторской речи) же порой воспринималась как синоним пустословия, речи малосодержательной. Такое понимание находило отражение и в лексикографической практике. Например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (М., 1939) риторика определялась как напыщенная речь, в которой красивые фразы и слова скрывают её бессодержательность. В «Школьном толковом словаре русского языка» (М., 1981) под редакцией члена-корреспондента Ф.И. Филина слово *риторика* мы вообще не находим, а в «Словаре литературоведческих терминов» (М., 1974) даётся очень интересная трактовка: «Риторика – так называли в старину специальную науку о красноречии, ораторском искусстве; в наше время риторика – осуждающее определение напыщенного, внешне красивого, но малосодержательного произведения, речи и т. п.» (с. 323-324). В результате, думается, возникло некое предубеждение, негативное восприятие самого термина риторика. Забывалось (или игнорировалось, не бралось во внимание!), что слово *риторика*, будучи греческим по происхождению, имеет не только русский эквивалент *красноречие*, но и синоним (лат. *oratoria*) *ораторское искусство* (*ораторское мастерство*), который негативных эмоций не вызывал абсолютно ни у кого. Более того, в 1960–1970-е гг. стало выходить большое количество книг, уделявших особое внимание именно ораторскому искусству и лекторскому мастерству, а не культуре слова. Известный специалист по речевой культуре Б.Н. Головин даже выражал некоторую озабоченность по этому поводу: «Предпринимаются попытки ввести в качестве учебного предмета «Мастерство публичного выступления», и при этом забывается, что прочной базой такого мастерства была и остается речевая культура, а на неё не выделяется времени» [8, с. 297]. Ораторское искусство, мастерство публичного выступления лингвист-исследователь тесно связывает с культурой

речи, приводя при этом слова А.П. Чехова: «Во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом» [8, с. 297]. В своих работах Б.Н. Головин, признавая предметом дисциплины «языковую структуру речи в её коммуникативном воздействии» [8, с. 7], разрабатывает качества грамотной (культурной) речи: точность, логичность, чистота, уместность, выразительность, действенность речи. Риторически наиболее актуально – действенность речи. Следует отметить, что при разработке коммуникативных качеств речи учёный активно опирался не только на достижения современной лингвистической мысли, но и труды великих риторов далекого прошлого – Аристотеля, Демосфена, Цицерона и др.

Вслед за Б.Н. Головиным другой крупный исследователь проблем речевой культуры – Л.И. Скворцов в объёмном научном труде «Теоретические основы культуры речи», уделяя основное внимание динамическому аспекту нормы (вариантность, развитие и изменчивость норм, их функционально-стилевая дифференциация и т. п.), называет правильность (нормативность) «первой, низшей ступенью» культуры речи. «Вторая, высшая ступень <...>, по его мнению, – когда вариантам даются оценки типа лучше, хуже, точнее, уместнее и т. п.» [9, с. 95-96].

Таким образом, культура речи всё в большей степени стала сближаться именно с понятием *мастерство*, а точнее: *мастерство публичной речи, мастерство выступления, мастерство пропаганды, лекторское мастерство*. Некоторые учёные (О.С. Ахманова, Ю.А. Бельчиков и др.) для того, чтобы развести понятия мастерство выступления и культуру речи, даже предлагали создать отдельную научную дисциплину – ортологию.

В 60–70 и особенно первой половине 80-х гг. XX века в книжных магазинах можно было найти достаточно специальной литературы, посвящённой ораторскому искусству, в основу которого, как отмечалось в этих изданиях, были положены следующие принципы: «идейность, партийность; научность; связь с жизнью, правдивость, доходчивость, популярность» [10, с. 5]. Другими словами, риторика этого времени носила ярко выраженный идеологический характер, нацеливала на воспитание широких масс в духе ком-

мунистической партийности, пропаганды и агитации. Идеологизованность просматривалась уже в самих названиях книг: «Основы советского ораторского искусства» (1973) Е.А. Ножина, «Формирование стиля лекторской деятельности» (1978) Н.П. Ерастова, «Культура речи – достояние социалистической культуры» (1981) Л.И. Скворцова, «Речевое мастерство пропагандиста» (1987) В.П. Чихачева, «Пропагандисту об ораторском искусстве» (1983) Е.А. Адамова, сборники «Основы методики лекционной пропаганды» (1982), «Основы ораторского мастерства» (1980), сборник статей по методике лекционной пропаганды «Как слово наше отзовётся» (1984).

Общество «Знание» и издательство «Политическая литература» в помощь лекторам и пропагандистам, всем тем, кто интересовался развитием навыков публичных выступлений, предлагали многочисленные книги и брошюры. Назовём лишь некоторые из них: «Специфика публичной речи» С.Ф. Ивановой, «Работа лектора над речью» и «Общение со слушателями» Н.Г. Белостоцкой, «Методические и логические основы лекторского мастерства» М.Н. Алексеева, «Заинтересовать, разъяснить, убедить» Н.К. Тряпкина, «Психология и лекционная пропаганда» И.А. Зимней, «Психологические аспекты взаимопонимания» Э.Э. Личевского, «Подготовка и чтение лекций» А.И. Чинённого и многие др. В этих работах рассматривались научные основы лекторского мастерства и ораторского искусства, проблемы взаимопонимания и учёта особенностей аудитории. Один из соавторов самого массового учебного пособия «Русский язык и культура речи» – Л.Г. Павлова также разрабатывала методические указания в помощь лекторам, агитаторам и пропагандистам. Именно её перу принадлежит брошюра «Активные формы обучения лекторов полемическому мастерству» (М., 1988).

Особое внимание уделялось стилю лекторского и пропагандистского мастерства. Кроме общепринятого – ленинского стиля, считавшегося общественным с такими его признаками, как идейная убеждённость, партийность, научный подход, связь с народом, с жизнью и т. п., никто не запрещал развивать и индивидуальные стили ораторского

мастерства. Например, В.В. Одинцов перво-степенное значение в стиле лекции рекомендует отводить языку: «...В основе стиля – язык» [11, с. 39]. Другой не менее известный учёный – А.А. Леонтьев утверждал, что у опытного лектора «есть свой особый, выработанный им стиль общения с аудиторией, свой способ «самоподачи» [12, с. 26]. По сути, каждый из подходов носит характер риторической направленности и их можно назвать соответственно как лингвистический и психологический в определении стиля выступающего. Главной задачей и целью риторики всегда оставалась действенность, то есть достижение результата, убеждение, привлечение реципиента на свою сторону, чего невозможно достичь без соблюдения, по меньшей мере, таких качеств речи, как ясность, понятность, доступность и естественность стиля изложения. Именно естественность изложения во все времена, начиная ещё с Аристотеля, по праву считалась одной из важнейших составляющих мастерства публичного выступления. Думается, небезынтересно будет отметить, что даже в далеко не самом демократическом году в истории нашей страны – 1938 году, М.И. Калинин, выступая на совещании учителей-отличников городских и средних школ, даёт работникам народного образования при работе с людьми такой совет: «Каждый должен стремиться говорить своим языком...» [13, с. 160] и далее он подробно говорит о том, что всё «внутреннее состояние» не должно выражаться готовыми формулировками, трафаретно, нужно заботиться об уместности и своевременности сказанного, нужно «...если ты говоришь, то говори своё. Слова будут другими, а суть одна и та же. Надо, чтобы слово было уместно и своевременно сказано, чтобы оно само выходило. Надо, чтобы не механически, а органически лились слова, чтобы они выражали твою мысль. Нужно избегать говорить готовыми формулировками, когда человек берёт памятью, а не прорабатывает мозгами. Язык, на котором вы общаетесь с населением, делайте простым, своим, применяя естественный стиль» [13, с. 160-161].

Специально для комсомольских работников и активистов в советское время регулярно выходили сборники «Вопросы лекционной пропаганды», в которых принимали

участие многие ведущие специалисты по культуре и мастерству публичной речи. Так, например, в выпуске № 6 вышеназванного сборника можно найти работы известных лингвистов В.В. Одинцова «Искусство слова: ораторская речь и художественная литература», Л.И. Скворцова «Губительность механической речи», Г.Г. Полищук «Язык устных выступлений».

Кроме специальной литературы по ораторскому искусству и пропагандистскому мастерству непосредственно для комсомольцев (а их в стране в начале 1980-х было 42 миллиона!) и молодёжи издательство «Молодая гвардия» большими тиражами выпускало не обременяющие своим объёмом книги, брошюры, различного рода методические рекомендации. Из этих работ можно было не только получить необходимые сведения об основных принципах правильного чтения общественно-политической (как говорили в советское время) литературы, усвоения её содержания, но и ознакомиться с мудрыми советами и рекомендациями о том, как научиться правильно составлять конспекты и грамотно писать рефераты, как продуктивно готовиться к докладу, лекции, как выступать с ними перед аудиторией и при этом не забывать о принципах советского ораторского искусства пропагандистского мастерства. Показательна в этом отношении книга под редакцией профессора Г.В. Платонова, подготовленная на кафедре философии ИПК при МГУ профессорами М.М. Абрашневим, Г.З. Апресяном, В.С. Барушлиным и др. «Учусь читать, размышлять, выступать» (1980 г.). По сути, это издание посвящено общественно-политическому красноречию (в русле марксистско-ленинского ораторского искусства). При этом не забудем отметить, что здесь весьма положительно оцениваются риторики далёкого прошлого. Ораторское искусство советского времени всегда стремилось взять на вооружение всё то, что может быть хоть как-то использовано для агитации и пропаганды коммунистической морали, опиралось на последние научные достижения. В комсомольских школах, на собраниях, различного рода заседаниях и активах много говорили о научной организации труда. Однако всегда выражалась твердая уверенность в правоте идей марксизма-ленинизма; но на

самом деле она лишь слепо декларировалась и всё больше и больше шла вразрез с реалиями жизни. Преимущества социалистического строя оказались очень зыбкими и хрупкими; и на фоне всё большего ухудшения материального состояния кому-то доказывать, что наступит пора коммунистического (бесплатного) труда, мы воспитаем нового человека, и каждый получит по потребностям, стало не только бесполезным, но и вредным. Современная молодёжь это понимает уже лучше нас. Однако очернять всё то, что было в советском строе и ораторском мастерстве этого периода, разумеется, тоже не совсем правильно. Тем более что в нём были очень разные времена, и была, наконец, очень неоднозначная риторика жизни.

Таким образом, советское мастерство публичного выступления (речи) – это совершенно уникальное научно-теоретическое прикладное искусство, направленное на агитацию и пропаганду советского образа жизни и показ, как тогда полагали, преимуществ социалистического строя перед капиталистическим. Но поскольку в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в нашем обществе стала круто меняться социально-экономическая обстановка, идеологическая направленность ораторского искусства потеряла свою актуальность. Преобразования, происходящие в обществе, требовали идти в ногу с реалиями жизни, совершенствования контактов между его членами, что и повлекло за собой необходимость создания принципиально новой теоретической концепции культуры речи. Эта концепция должна учитывать не только традиции изучения многовекового опыта теории и практики античной, средневековой, русской дореволюционной, американской, западноевропейской риторик, но и достижения психолингвистики, теории информации и речевых актов, национальной специфики этикета, терпимого и уважительного отношения к инакомыслию и мнению оппонента. Возникло новое направление в речевой культуре – *экологическое*.

Этот аспект предполагает воспитание бережного и ответственного отношения к культурно-национальным языковым традициям русского народа, повседневную заботу о прошлом, настоящем и будущем родного языка, чистоте, выразительности и самобыт-

ности русской речи. Экологический аспект осмысливает речевую культуру как важнейшую часть духовности, нравственного здоровья нации и непосредственно связан с созданием человека, его духовными качествами. По мнению А.Л. Шарандина, «культура речи затрагивает такие представления, которые имеют особое, *мировоззренческое значение*, ибо речь идёт об отношении к системе культурно-нравственных ценностей народа» [14, с. 268].

В 1996 г. в Москве выходит коллективная монография «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», в которой были проанализированы изменения, произошедшие языке и речи наших соотечественников в самое последнее время.

В 1998 г. вышло первое издание первого (и до сих пор единственного, но выдержавшего несколько изданий) академического учебника для вузов «Культура русской речи» под редакцией Е.Н. Ширяева и Л.К. Граудиной, где и была официально зафиксирована современная концепция культуры речи. Она отразила состояние современной речевой ситуации и, по сути, дала широкий простор для благотворного развития культуры речевого общения и совершенствования коммуникативного общения. Особое внимание в учебнике уделено культуре публичного выступления, спора, профессионального общения, деловой речи, отмечаются новейшие мировые достижения науки в области коммуникации.

Современная концепция культуры речи стала соотноситься и с такими актуализировавшимися в последнее время понятиями, как «ментальность», «языковая картина мира», «концепт», «речевой портрет» и «языковая личность».

Как и современная риторика, культура речи представляет собой сложное синтетическое образование: в нём тесно переплетены философские, лингвистические, культурологические вопросы, проблемы логики, психологии, психолингвистики, теории коммуникации и др. Главное, что объединяет риторику и культуру речи, – это их цель, назначение: учить гармонизировать отношения между людьми, уметь добиваться взаимопонимания, стремиться продуктивно решать возникающие конфликты. Один из самых автори-

тетных современных специалистов в области теории риторики Ю.В. Рождественский отмечает две основные задачи риторики – умение быстро извлекать правильный смысл из сказанных слов и «умение изобретать мысли ...и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам. Это значит уметь создавать монолог, вести диалог и управлять им» [15, с. 3].

На рубеже XX–XXI веков в общественном сознании созрело осознание того, что уметь общаться на основе исполнения строгих правил языка и речи, уметь вести гармоничный диалог и добиваться успеха в процессе коммуникации должно стать нормой жизни. Современная ситуация в обществе и образовании требует культивирования этой нормы, прочного воплощения её в практику. Это и побуждает нас изучать теорию общей риторики с её традиционными разделами, развивать речеведческие дисциплины и риторические технологии, занимающиеся постижением закономерностей речевого поведения и проблемами эффективного коммуникативного общения.

Таким образом, на наш взгляд, содержательные аспекты риторики и культуры речи всегда в той или иной степени были взаимосвязаны и взаимообусловлены. Менялся фокус их рассмотрения и изучения: в рамках риторики правильность речи была подчинена собственно риторическому материалу, но она

была той базой, которая служила основой в использовании данного материала. В свою очередь риторические принципы и приёмы в культуре речи оказывались тем, что позволяло этому учению с её основным качеством – правильностью речи быть действенной наукой (разделом языкознания и учебной дисциплиной) и добиваться её результативности и эффективности в практическом применении.

В наше время в учебные планы всех специальностей всех вузов страны введён курс «Русский язык и культура речи». Один из разделов всех учебников этой дисциплины посвящён изучению основ классической и современной риторики. Новая вузовская дисциплина в органическом единстве с другими гуманитарными курсами призвана привлечь внимание студентов к родному языку, активизировать их мыслительную деятельность, поскольку существует тесная связь между правильностью речи и правильностью мышления, и научить создавать собственные речевые произведения разных стилей и жанров. Всё это в определённой мере отвечает насущным запросам общества, воспитывает современную языковую личность и способствует повышению её социального статуса, работает на формирование у будущих специалистов-участников комплексной коммуникативной компетенции и развитие профессионального общения.

Список литературы

1. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. М., 2016. 216 с.
2. Штрекер Н.Ю. Русский язык и культура речи. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 351 с.
3. Михальская А.К. Основы риторики. М.: Дрофа, 2001. 494 с.
4. Введенская Л.Г., Павлова Л.Г. Деловая риторика. Ростов н/Д., 2002. 512 с.
5. Аннушкин В.И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции. М.: Флинта: Наука, 2019. 88 с.
6. Винокур Г.О. Из бесед по культуре речи // Русская речь. 1967. С. 10-13.
7. Розенталь Д.Э. Культура речи. М., 1964. 140 с.
8. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988. 320 с.
9. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М.: Наука, 1980. 350 с.
10. Адамов Е.А. Пропагандисту об ораторском мастерстве. М.: Моск. рабочий, 1983. 160 с.
11. Одинцов В.В. О композиции и стиле лекции. М.: Знание, 1975. 48 с.
12. Леонтьев А.А. Лекция как общение. М.: Знание, 1974. 39 с.
13. Калинин М.И. // Советы партийному работнику. М.: Изд-во полит. лит., 1986. 256 с.
14. Шарандин А.Л. Культура речи как учебная дисциплина РКИ в аспекте экологии языка и речи // Экология языка и речи. Тамбов, 2017. С. 266-270.
15. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с.

References

1. Goldin V.E., Sirotinina O.B., Yagubova M.A. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [Russian Language and Speech Culture]. Moscow, 2016, 216 p. (In Russian).
2. Shtreker N.Y. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [Russian Language and Speech Culture]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2011, 351 p. (In Russian).
3. Mikhalskaya A.K. *Osnovy ritoriki* [Rhetoric Basic Principles]. Moscow, Drofa Publ., 2001, 494 p. (In Russian).
4. Vvedenskaya L.G., Pavlova L.G. *Delovaya ritorika* [Business Rhetoric]. Rostov on Don, 2002, 512 p. (In Russian).
5. Annushkin V.I. *Kommunikativnye kachestva rechi v russkoy filologicheskoy traditsii* [Speech Communicative Qualities in Russian Philological Tradition]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2019, 88 p. (In Russian).
6. Vinokur G.O. Iz besed po kul'ture rechi [From the conversations on speech culture]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1967, pp. 10-13. (In Russian).
7. Rozental D.E. *Kul'tura rechi* [Speech Culture]. Moscow, 1964, 140 p. (In Russian).
8. Golovin B.N. *Osnovy kul'tury rechi* [Basic Principles of Speech Culture]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988, 320 p. (In Russian).
9. Skvortsov L.I. *Teoreticheskiye osnovy kul'tury rechi* [Theoretical Basic Principles of Speech Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 350 p. (In Russian).
10. Adamov E.A. *Propagandistu ob oratorskom masterstve* [To Agitprop on Persuasion Art]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1983, 160 p. (In Russian).
11. Odintsov V.V. *O kompozitsii i stile lektzii* [On Composition and Lecture Styles]. Moscow, Znaniye Publ., 1975, 48 p. (In Russian).
12. Leontyev A.A. *Lektsiya kak obshcheniye* [Lecture as Communication]. Moscow, Znaniye Publ., 1974, 39 p. (In Russian).
13. Kalinin M.I. In: *Sovety partiynomu rabotniku* [Pieces of Advice to Party Worker]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1986, 256 p. (In Russian).
14. Sharandin A.L. Kul'tura rechi kak uchebnaya distsiplina RKI v aspekte ekologii yazyka i rechi [Speech culture as academic discipline of Russian as a Foreign Language in the aspect of language and speech ecology]. *Ekologiya yazyka i rechi* [Language and Speech Ecology]. Tambov, 2017, pp. 266-270. (In Russian).
15. Rozhdestvenskiy Y.V. *Teoriya ritoriki* [Rhetoric Theory]. Moscow, Dobrosvet Publ., 1997, 597 p. (In Russian).

Информация об авторе

Денисов Юрий Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: denisov257@bk.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Поступила в редакцию 02.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 14.08.2019 г.

Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the author

Yuriy N. Denisov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Specialized Pre-University Training Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: denisov257@bk.ru

Contribution: literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Received 2 July 2019

Reviewed 14 August 2019

Accepted for press 9 September 2019

Interpretation von Tiernamen als Teile von zusammengesetzten Adjektiven

Mariya A. ZAKHAROVA

Derschawin Staatliche Universität Tambow
33 Internatsionalnaya Str., Tambow 392000, Russische Föderation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>, e-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Zoonyms interpretation as a part of compound adjectives

Mariya A. ZAKHAROVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>, e-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Интерпретация зоонимов как части сложных прилагательных

Мария Андреевна ЗАХАРОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>, e-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Abstract. Diese Forschung ist auf der modernen Theorie der Interpretation gegründet. Die Verhältnisse sind zwischen beiden Teilen der zusammengesetzten Adjektive mit den Tiernamen beschrieben. Am wichtigsten ist dabei die Erforschung der Bildung sekundärer Bedeutungen von diesen Tiernamen, was von der semantischen Struktur des Adjektivs abhängt. Es waren 5 Strukturtypen entdeckt, die immer als erster Teil einen Tiernamen haben. Der zweite Teil enthält entweder Merkmal des mit dem Tiernamen bezeichnenden Tieres, oder vom Somatismus abgeleitetes Adjektiv, oder einfach vom Tiernamen verstärktes Merkmal. Dieser Teil kann sowohl primäre, als auch sekundäre Bedeutung haben. Also, das Ziel der Forschung ist die Analyse der Möglichkeit der Bildung der sekundären Bedeutungen von den untersuchenden zusammengesetzten Adjektiven. Da das Adjektiv kein Objekt, sondern ein Merkmal bezeichnet, enthält diese Forschung verschiedene Beispiele ihrer Verwendung im Texten. Es gibt auch einige Beispiele der Sprachverwendung von den erforschenden Adjektiven, weil der Kontext die Besonderheiten der Bedeutung der Adjektive beeinflussen kann.

Stichwörter: Interpretationspotenzial; sekundäre Bedeutung; zusammengesetzte Adjektive; Tiernamen

Abstract. This research is based on the modern theory of interpretation. We describe the relationships between both parts of compound adjectives with the animal names. We study the formation of secondary meanings of these animal names, depending on the semantic structure of the adjective. We discover 5 types of structures with an animal name as a first part. The second part contains either the feature of animal or somatic-derived adjective or simply animal name-enhanced trait. This part can have both primary and secondary value. So, the purpose of the research is the analysis of the possibility of forming the secondary meanings of these compound adjectives. Since the adjective denotes not an object but a feature, the research contains several examples of its use in texting. There are also some examples of the language usage of the exploratory adjectives, because the context may affect the peculiarities of meaning of adjectives.

Keywords: interpretive potential; secondary value; compound adjectives; zoonyms

For citation: Zakharova M.A. Interpretation von Tiernamen als Teile von zusammengesetzten Adjektiven [Zoonyms interpretation as a part of compound adjectives]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 466-475. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-466-475 (In German, Abstr. in Engl., in Russian).

Аннотация. Исследование основано на современной теории интерпретации. Описаны отношения между двумя частями сложных прилагательных с компонентом – зоонимом. Самым важным при этом стало исследование образования вторичного значения зоонимов, что зависит от семантической структуры прилагательного. Были обнаружены 5 типов структур, в которых в качестве первого компонента всегда выступает зооним. Вторая часть содержит либо признак описываемого зоонимом животного, либо образованное от соматизма прилагательное, либо просто усиливаемый зоонимом признак. Эта часть может иметь как первичное, так и вторичное значение. Итак, целью стал анализ возможности образования вторичного значения исследуемых прилагательных. Поскольку прилагательное обозначает не объект, а признак, представлены различные примеры их текстового употребления. Представлены также некоторые примеры языкового употребления исследуемых прилагательных, поскольку контекст может влиять на особенности значений прилагательных.

Ключевые слова: интерпретационный потенциал; вторичное значение; сложные прилагательные; зоонимы

Для цитирования: Zakharova M.A. Interpretation von Tiernamen als Teile von zusammengesetzten Adjektiven // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 466-475. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-466-475

In dieser Arbeit werden die Möglichkeiten der Bildung sekundärer Bedeutungen komplexer Adjektive untersucht, die einen Tiernamen enthalten. Verschiedene Ursprungsbereiche und Zielbereiche bestimmen den äußeren Vektor der Interpretation zwischen dem kognitiven Gebiet „Tiere“ und anderen, ganz verschiedenen Gebieten. Der theoretische Ansatz dieser Untersuchung basiert auf dem Begriff *Interpretation*, als beliebige Denktätigkeit des Menschen, die auf neue Kenntnisse gerichtet ist [1, c. 45].

Unter dem Begriff „Sprachinterpretation“ verstehen wir eine kognitive Tätigkeit, die auf konzeptueller Derivation gegründet ist und die sich in der Entwicklung des Inhaltes von den ursprünglichen Konzepten durch die Bestätigung der Verbindung zwischen den entsprechenden kognitiven Gebieten zeigt [2].

Die Veränderung des Inhaltes ist ursächlich für den Begriff „Konzeptuelles Netz“, der die Mechanismen der Bedeutungsbildungen erklärt. Dieses Netz enthält vier Typen von Räumen: ein gemeinsamer Raum, zwei ursprüngliche Räume und ein Integrationsraum [3]. Zwischen den ursprünglichen Räumen bilden sich die konzeptuellen Verbindungen durch die Wahl der Merkmale, die für irgendein konzeptuelles Gebiet als integrativ betrachtet werden können. Diese

Merkmale bilden die Möglichkeit des Konzeptes zur Interpretation.

Es ist zu bemerken, dass das Vergleichen von zwei thematischen Gebieten auf der Analogie mancher ihrer Merkmale oder Eigenschaften gegründet ist [4, c. 121]. Das heißt, die Interpretation setzt einen Grad ontologischer Verwandtschaft voraus.

Die Vielfalt der Merkmale der Objekte der Interpretation lässt das Vorhandensein von verschiedenen Formaten der Interpretation des Wissens:

- das Format der Wahrnehmung;
- das Format der Beobachtung;
- das Format der Funktion;
- das Format der Operationalerfahrung;
- das Format der Funktion u. a. [1, c. 88]

In diesem Artikel spielt das Format der Wahrnehmung eine besondere Rolle. Die Wahrnehmung des empfundenen Merkmals hat einen psychischen Grund und bedeutet, im Großen und Ganzen, die Wahrnehmung des Merkmals durch die Gefühlsorgane [5]. Der visuelle Sinn gilt dabei als besonders stark. Die visuelle Wahrnehmung liefert relevante Informationen über einen großen räumlichen Bereich unserer Umwelt.

Als empirischer Stoff dieser Arbeit wurden Komposita gewählt. Die Zusammensetzung als

Art der Wortbildung bedeutet die Verbindung von selbständigen Wörtern zu einem neuen Wort. Diese Art der Wortbildung ist in der deutschen Sprache sehr alt und spielt immer noch eine große Rolle [6, c. 359]. Die Struktur der Komposita zeigt das Vorhandensein oder das Fehlen vom sog. „Kopf“ des Kompositums. Im Falle des Vorhandenseins heißt dieses zusammengesetzte Wort „das Determinativkompositum“. Das ist ein Kompositum, bei dem zwischen den verbundenen Wörtern ein Über- oder Unterordnungsverhältnis entsteht [7, S. 104].

Das größte „Problem“ der Komposita besteht im Fehlen einer genauen Regel für die Bedeutungsbildung, weshalb besonders die nominalen Komposita „schwarze Löcher“ bei der Bedeutungsbestimmung lassen [8, S. 10]. Doch die Tatsache, dass die in der vorliegenden Arbeit aufgeführten Komposita wissenschaftliche Begriffe sind und einen Teil enthalten, der auch als wissenschaftlicher Begriff betrachtet werden kann, fördert die genauere Bedeutungsbildung der Komposita, weshalb es besonders interessant war, die Verhältnisse zwischen beiden Teilen zu untersuchen.

Es ist sehr wichtig, eine Unterscheidung zwischen der Bedeutung von Wörtern in Sätzen und deren Bedeutung als Konstituenten von Komposita zu machen.

Die Besonderheit der untersuchten zusammengesetzten Adjektive ist die Unmöglichkeit der Bestimmung des betreffenden Objektes ohne Kontext, weil das Adjektiv kein Objekt, sondern ein Merkmal bezeichnet. Der zoonymische Teil des Adjektivs steht am Anfang und bestätigt das Merkmal des zweiten Teils und kann dabei primäre oder sekundäre Bedeutung haben.

Es ist interessant, dass manche dieser Adjektive einige Analoga mit der Struktur *Adjektiv + Substantiv* haben. Z. B.: *bocksteif* – *steifer Bock*; *kuhdumm* – *dumme Kuh*, dabei bestimmt die sekundäre Bedeutung des Wortes *Kuh* – *‘weibliche Person, über die sich jemand ärgert’*¹ das weibliche Geschlecht des bezeichneten Referenten.

Im Laufe der Untersuchung wurden semantische Strukturen gefunden, die die Verhältnisse zwischen beiden Teilen aufzeigen:

1. Tiername + Merkmal des mit dem Tiernamen bezeichnenden Tieres in der primären Bedeutung;

2. Tiername + Merkmal des mit dem Tiernamen bezeichnenden Tieres in der sekundären Bedeutung;

3. Tiername + vom Somatismus abgeleitetes Adjektiv in der primären Bedeutung;

4. Tiername + vom Somatismus abgeleitetes Adjektiv in der sekundären Bedeutung;

5. Tiername + vom Tiernamen verstärktes Merkmal.

Es sei darauf hinweisen, dass die fünfte Gruppe äußerlich viel Gemeinsames mit der ersten und zweiten Gruppen hat. So gehört das Adjektiv *bärenstark* zur ersten Gruppe, weil der betreffende Mensch „so stark wie ein Bär“, aber das Adjektiv *saukalt* kann nicht dazu gehören, denn man kann nicht sagen „so kalt wie eine Sau“. Also, der Teil *sau* sorgt für eine negative Konnotation des ganzen Adjektivs, d. h. verstärkt seine Bedeutung.

Es sei auch hervorgehoben, dass die zusammengesetzten Adjektive mit gleichem Tiernamen Adjektive mit gegensätzlichen Bedeutungen im zweiten Teil haben können, z. B. *katzenfreundlich* oder *katzenfalsch*, dabei sind die Bedeutungen von diesen enthaltenen Adjektiven ähnlich: *katzenfreundlich* – *‘übertrieben freundlich und dazu nicht aufrichtig’*² und *katzenfalsch* – *‘falsch wie eine Katze’*³.

1. Tiername + Merkmal des mit dem Tiernamen bezeichnenden Tieres in der primären Bedeutung

In Großem und Ganzem gibt der Tiername irgendein ständiges oder unständiges Merkmal wieder. Das Fehlen der sekundären Bedeutung beim Adjektiv verursacht aber keine volle Unveränderlichkeit dieser Bedeutung. Die meisten Merkmale gehören zu den kognitiven Gebieten „Farbe“ und „Charakter“.

Das Adjektiv *hechtblau* – *‘von der Farbe eines Hechtes; blaugrau’*⁴ findet man in den Beispielen, wo es z. B. sowohl die Naturobjekte *„Die Beere ist Anfangs grün, reif aber blauschwarz, hechtblau bereift“* [9, S. 387] als auch

¹ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

² Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 02.01.2019).

³ Wörterbuchnetz. URL: <http://woerterbuchnetz.de> (abrufen: 02.01.2019).

⁴ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

die Kleidung „*Merkwürdig erschien die Tracht der Generale, die durch **hechtblaue** Röcke und rote Hosen das Unscheinbare und Auffallende sonderbar vereinigten*“ [10, S. 201] bezeichnet. Dabei ist aber die ursprüngliche Farbe des Fisches ein bisschen wärmer, was die Frage nach der Motivation der Wahl des Adjektivs stellt.

In der deutschen Sprache gibt es auch ein ähnliches Adjektiv *hechtgrau* – ‘*blaugrau*’ [Duden], doch dieses bezeichnet in meisten Beispielen nur die Kleidung: „über dem betretenen Kragen seiner **hechtgrauen** Generalsuniform ließ ihn trotz seiner Jahre höchst attraktiv erscheinen“⁵.

Das breiteste Potential der Interpretation hat das thematische Gebiet „Vögel“, das hiermit nicht immer die Farbe des Gefieders bezeichnet. Das Adjektiv *puterot* ‘(im Gesicht) überaus rot (besonders vor Wut, Scham)’ zeigt die Veränderung der Hautfarbe des Referenten. Diese Farbe des Vogels wird durch das Vorhandensein vieler Blutgefäße auf dem Hals und dem Kopf verursacht. Da dieses Merkmal nicht ständig für den Vogel kennzeichnend ist, folgt daraus die Bedeutung des Formates der Beobachtung, das auch für den Referenten bezeichnend ist: „Der Chef wird erst kreidebleich, dann **puterot** vor Zorn“⁶.

Die Interpretation der Gefiederfarbe zeigen die Adjektive *kanariengelb* – ‘hellgelb’, *papa-geengrün* – ‘grün wie das Gefieder der Papageien’, *taubengrau* – ‘**taubenblau**’ und *rabenschwarz* – ‘tiefschwarz’⁷. Die Bedeutung des letzten Adjektivs hängt vom Kontext ab. Wenn dabei ein Pferd als Referent auftritt, gibt es hier einen inneren Vektor der Interpretation ohne sekundäre Bedeutung des entstandenen Adjektivs. Aber in der Verbindung mit dem Substantiv kann man solches Beispiel treffen: *rabenschwarzer Tag* – ‘ein Unglückstag; ein Tag voller Misserfolge’ [www.redensarten-index.de]. In diesem Fall bedeutet das Wort *Tag* nicht „Zeitraum etwa zwischen Sonnenaufgang und Sonnenuntergang“⁸, d. h. „helle Zeit“, sondern Zeitraum von 24 Stunden. Die Antithese zwischen *hell* und *schwarz* unterstreicht die negative

Konnotation des Adjektivs, was man im Kontext betrachten kann: „Wir haben einen **rabenschwarzen** Tag erwischt“, *ärgerte sich Doll*⁹.

Dasselbe Adjektiv kann auch mit dem Substantiv *Nacht* gebraucht werden. Da die Nacht selbst „schwarz“ ist, bekommt das Adjektiv keine sekundäre Bedeutung, obwohl die kleine negative Konnotation immerhin im Kontext bleibt: „Einmal, bei **rabenschwarzer** Nacht in der Wüste, steuerte er das Auto mit seiner Frau und sechs Kindern um ein Haar in einen Abgrund“¹⁰.

Es sei bemerkt, dass die Bezeichnung der Nacht als „schwarz“ der Farbe des Tiers nicht ähnlich sein kann, weil die Nacht ein abstrakter Begriff ist und nicht sie selbst, sondern alle Gegenstände in dieser Zeit als dunkel wahrgenommen sind, obwohl sie am Tag andere Farben haben.

Das Adjektiv *hundsmager* – ‘mager wie ein Windhund’¹¹ steht zwischen der ersten und der fünften Gruppen, weil trotz dieser Bedeutungs-erklärung die Hunde (eigentlich auch die Windhunde) nicht immer mager sind (Abb. 1).

Abb. 1. Der Hund, der nicht mager ist

Die Interpretation durch das Format der Beobachtung findet das Adjektiv *bärenstark* – ‘sehr stark’¹². Ursprünglich hat diese Interpretation keine Einschätzung, doch in manchen Kontexten kann man sie finden: „Der **bärenstarke** Mandrill hatte seinen Angreifer abgeschüttelt,”

⁵ Pargfrider // Berliner Zeitung. 1998. 8 Jul.

⁶ Wegtreten, Meyer! // Berliner Zeitung. 2004. 20 Dez.

⁷ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 02.01.2019).

⁸ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

⁹ UEFA-CUP // Berliner Zeitung. 2005. 25 Nov.

¹⁰ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 02.01.2019).

¹¹ Wörterbuchnetz. URL: <http://woerterbuchnetz.de> (abrufen: 02.01.2019).

¹² Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

kniete auf ihm, presste die Gurgel und schlug den Kopf des Überwundenen krachend auf den zementenen Fußboden“ [11, S. 371]. Dieser Auszug aus dem Roman „Nackt unter Wölfen“ zeigt die Erscheinung des Helden, der zu grausam zu seinem Opfer war.

Ähnlich ist das Adjektiv *löwenstark* – ‘stark wie ein Löwe’¹³.

Das Format der Beobachtung finden wir auch beim Adjektiv *bocksteif* – ‘sehr steif’¹⁴. Die Bezeichnung des Menschen mit diesem Adjektiv hat sowohl psychische, als auch physiologische Gründe. Z. B. im Roman „Das Buch des Vaters“ von Urs Widmer gibt das Adjektiv den psychischen Zustand des Helden wieder: „Es stand *bocksteif* in Zimmerecken, mit *starren* in die Ferne gerichteten Augen, und erschrak entsetzlich, wenn Clara oder der Vater ins Zimmer kam“ [12, S. 128] und im Buch „Matthias Triebel“ von Rudolf Haas – den physiologischen Zustand: „ein vielfach *zerrissenes und geflicktes Ungetüm, bocksteif und starr von eingetrocknetem Blut*“ [13, S. 115].

Gegensätzliche Bedeutung hat das Adjektiv *mauseflink* – ‘sehr schnell’¹⁵. Damit können die Augen bezeichnet werden: „Hatte Hingst <...> seinen Blick langsam wie eine Schildkröte zu bewegen, so blickten Goetzes wäßrige Augen stets *mauseflink* umher und konnte nie ruhig bleiben“ [14, S. 25].

Die Charaktere der Tiere kann man auch in manchen Adjektiven beobachten. Dazu gehören das Adjektiv *katzenrein* – ‘rein wie eine Katze’, ‘rein wie geleckt’¹⁶, z. B. „Vor allem müssen die Gärten *katzenrein* gehalten werden“ [15, S. 327] oder *spinnenfeind* – ‘mit jemandem sehr verfeindet sein’¹⁷, z. B. „Sie waren sich einmal *spinnefeind*, die Rock- und elektronische Musik“¹⁸, „Staaten, die sich *spinnefeind* sind, müssen vom Nutzen ökonomischer Zusammenarbeit überzeugt werden“¹⁹.

¹³ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. URL: <http://umgangssprache.de.deacademic.com> (abrufen: 02.01.2019).

¹⁶ Wörterbuchnetz. URL: <http://woerterbuchnetz.de> (abrufen: 02.01.2019).

¹⁷ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

¹⁸ Wohin heute // Berliner Zeitung. 2001. 9 Aug.

¹⁹ Die Adoption des Balkans // Berliner Zeitung. 1999. 30 Jul.

Es gibt auch die Adjektive, bei denen die Charakteristik des mit dem Zoonym bezeichnenden Tieres keinen Dauerzustand beschreibt. So gibt der Adjektiv *mäuschenstill* – ‘ganz still [vor angespannter Erwartung, Aufmerksamkeit]’²⁰ entweder das Merkmal des Benehmens der Maus während der Gefahr wieder (vgl. umgekehrt russisches *мышинная возня*) oder *beruht auf einem Vergleich mit anderen Tieren oder ist einfach eine Assoziation wegen der geringen Größe der Maus*. Folgendes Beispiel beweist die letzte Vermutung, was die kontextuale Entgensetzung von Adjektiven *riesig* und *still* zeigt „Klenk sitzt *still*, es hat ihm den Atem verschlagen, er sitzt, der riesige Mann, *mäuschenstill*“ [16, S. 477].

Die Interpretation des Tiernamens im Adjektiv *hundswütig* – ‘die Hundswut habend’²¹ ist wieder auf einem nicht allgemein gültigen Merkmal gegründet, weil nicht alle Hunde böse sind.

Unter den Adjektiven, in denen die Interpretation durch diejenigen Kennzeichnungen stattfand, die in der Wirklichkeit den Referenten des Adjektivs nicht eigen sind, findet man *kuhdumm* – ‘sehr dumm’²² und *löwenkühn* – ‘kühn wie ein Löwe’²³. Die Vorstellung, dass die Kühe dumm sind stammt vielleicht aus der gemeinsamen Beziehung zum Vieh, weil in Wirklichkeit die Kühe Gefühlsbewegungen haben und die Beziehung zum Menschen formen können²⁴. Die Fehleinschätzung, dass der Löwe kühn ist, ist auf der Vorstellung über den Löwen als über den Zaren der Tiere gegründet. Diese Vorstellung entstand durch das Äußere und das Benehmen des Löwen. Aber die Beobachtungen von Zoologen zeigen, dass, zum einen nicht die Männchen auf die Jagd gehen sondern die Weibchen, und zum anderen, dass die Männchen bei Gefahr als erste ohne Weibchen und

²⁰ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

²¹ Wörterbuchnetz. URL: <http://woerterbuchnetz.de> (abrufen: 02.01.2019).

²² Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. URL: <http://umgangssprache.de.deacademic.com> (abrufen: 02.01.2019).

²³ Wörterbuchnetz. URL: <http://woerterbuchnetz.de> (abrufen: 02.01.2019).

²⁴ 9 самых умных животных Земли URL: <http://www.facepla.net/1762-9-smartest-animals.html> (дата обращения: 02.01.2019).

Jungen weglaufen²⁵. Daraus folgt, dass diese Adjektive in der Wirklichkeit eher zur fünften Gruppe gehören.

Dasselbe kann man über die Adjektive *hundeeidend* – ‘sehr elend, schlecht’ und *hundemüde* – ‘sehr müde, erschöpft’ sagen, weil die Hunde nicht immer elend und müde sind. Die Kontexte zeigen, dass die Referenten meistens die Menschen sind, z. B. ein Fußballfan: „...er [hatte] nach dem Länderspiel zwischen Frankreich und Deutschland (2–0) noch im Stadion verharren müssen, und seither fühle ich mich **hundeeidend**²⁶ oder der Autor selbst «Abends falle ich, hundemüde vom frühen Aufstehen, ins Bett“ [17].

2. Tiernamen + Merkmal des mit dem Tiernamen bezeichnenden Tieres in der sekundären Bedeutung

Es sei bemerkt, dass die Adjektive mit sekundären Bedeutungen als Teil des Adjektivs nicht immer die sekundäre Bedeutung des ganzen Adjektivs bestimmen. So bedeutet das Adjektiv *aalglatt* ‘schwer zu fassen; fähig oder geeignet, sich aus jeder Situation herauszuwinden’²⁷. Das Merkmal *glatt*, welches dem Fisch eigen ist, bekommt bei der Menschenbezeichnung die sekundäre Bedeutung, doch als Teil des Adjektivs hat das Wort *glatt* die primäre Bedeutung.

Sonst wäre folgende Tabelle denkbar (Tab. 1).

Es gibt keine Zweifel, dass nur die fettgedruckten Wortverbindungen einen Sinn ergeben, weswegen das Wort *glatt* in der Verbindung mit *aal* nur als Menschenbezeichnung sekundäre Bedeutung hat. Das nächste Beispiel beweist das: „In dem Kinofilm „Der Dummschwätzer“ verkörpert Jim Carrey einen erfolgreichen, **aalglatten** Anwalt, einen Lügner aus Gewohnheit, der auf Grund eines Fluchs 24 Stunden lang nur noch die Wahrheit sagen kann“²⁸. Während die Fischbezeichnung das Ergebnis des Formats der Wahrnehmung ist, ist die Men-

schenbezeichnung das Ergebnis des Formats der Beobachtung.

Zu dieser kleinen Gruppe gehört auch das Adjektiv *stutenbissig* – ‘aggressiv, hitzig’ / ‘als Frau anderen (als Konkurrentinnen angesehenen) Frauen gegenüber aggressiv, streitbar’²⁹. Die Beispiele „Linda ist stutenbissig, andere Polizistinnen mag sie gar nicht“³⁰; „Alles „**stutenbissige, neidische Weiber**“, donnerte das Superweib“³¹ zeigen, dass der Referent die weibliche Person sein soll, weil der Tiernamen *Stute* ‘weibliches Pferd’ bedeutet.

3. Tiernamen + vom Somatismus abgeleitetes Adjektiv in der primären Bedeutung

Diese Gruppe ist relativ klein und die dazu gehörenden Adjektive benutzen bei der Bedeutungsübertragung den Mechanismus der Metonymie. Der Tiernamen im Adjektiv gehört nur zur Bezeichnung des Körperteils des Tieres (primäre Bedeutung) oder des Menschen (sekundäre Bedeutung). Im Unterschied zu den oben beschriebenen Adjektiven existiert der zweite Teil ohne den ersten nicht (es gibt keine selbständigen Adjektive *äugig, beinig*).

Die Interpretation des Adjektivs geschieht in diesem Fall nach der Bildung des Adjektivs. Z. B. das Adjektiv *luchsäugig* bezeichnet den Menschen, der ‘mit Augen wie ein Luchs’, d.h. scharfsichtig ist. Falls man den Menschen mit dem Tiernamen *Luchs* bezeichnet, würde es durch Metapher gemacht, doch dabei versteckt hier auch die Metonymie, weil nicht das Tier mit dem Menschen, sondern ihre Augen verglichen sind. Aber da es in diesem Adjektiv schon der Teil *äugig* gibt, bezeichnet es den ganzen Referenten, sonst hätte es eine sinnlose Bedeutung: *die Augen, welche Augen wie der Luchs haben*.

Die Kontexte mit diesem Adjektiv zeigen, dass es oft mit Berufsnamen verwendet wird: „... und die **luchsäugigen** Jäger, Jim und ich <...> würden unsere tödlichen Schneebälle gerade ins Grüne ihrer Augen schleudern“ [18]; „<...> streiften sie durch die Straßen, freundlich eingekreist von **luchsäugigen** Volkspolizisten“³².

²⁵ Лев – один из самых трусливых представителей семейства кошачьих! URL: <http://nepovtorimosti.ru/lev-odin-iz-samyih-trusliviuh/> (дата обращения: 02.01.2019).

²⁶ Deutsche Biathletinnen laufen bei WM zu Staffels-Gold // Die Zeit. 2015. 13 Mär.

²⁷ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

²⁸ Die Wahrheit über die Lüge // Der Tagesspiegel. 2005. 25 Jan.

²⁹ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

³⁰ Lob der Umständlichkeit // Der Tagesspiegel. 2003. 9 Aug.

³¹ Doch nicht so super, das Weib // Berliner Zeitung. 1997. 29 Nov.

³² Leipzig blieb die Sensation schuldig // Die Zeit. 1951. 24 Mai.

Tabelle 1

Mögliche Bedeutungen vom Adjektiv „aalglat“

	glatt [primär] = keine spürbare Unebenheiten aufweisend	glatt [sekundär] = allzu gewandt, dabei unaufrichtig
‘Der Fisch’	glatter Fisch	<i>unaufrichtiger Fisch</i>
‘Der Mensch’	<i>glatter Mensch</i>	unaufrichtiger Mensch

Tabelle 2

Mögliche Bedeutungen vom Adjektiv „löwenherzig“

	Herz [primär] = „Körperteil“	Herz [sekundär] = Zentrum der Tapferkeit
‘Der Löwe’	der Löwe, der ein Herz hat	<i>tapferer Löwe</i>
‘Der Mensch’	<i>der Mensch, der ein Herz hat</i>	tapferer Mensch

Tabelle 3

Mögliche Bedeutungen vom Adjektiv „luchsäugig“

	Auge [primär] = „Körperteil“	Auge [primär] = Zentrum der Scharfsichtigkeit
‘Der Luchs’	der Luchs, der Augen hat	scharfsichtiger Luchs
‘Der Mensch’	<i>der Mensch, der Augen hat</i>	scharfsichtiger Mensch

Eine ähnliche Struktur haben die Adjektive *dachsbeinig* – ‘*krummbeinig*’ und *kalbsäugig* – ‘*kalbsaugen habend*’³³, doch das unter dem Tiernamen versteckte Merkmal hat hier eine negative Konnotation.

4. Tiername + vom Somatismus abgeleitetes Adjektiv in der sekundären Bedeutung

Die Adjektive dieser Gruppe weisen eine komplizierte Interpretation auf. Während in der vorigen Gruppe das Merkmal sowohl dem Menschen als auch dem Tier eigen war und keine sekundäre Bedeutung hatte, hat der Somatismus bei dieser Gruppe eine sekundäre Bedeutung, die eher nur dem Menschen eigen ist.

Das Adjektiv *löwenherzig* bezeichnet den tapferen Menschen. Die Annahme, dass der Löwe in Wirklichkeit tapfer ist, kann relativiert werden, wie oben erwähnt, doch wir werden darauf nicht achten, weil der Löwe in den meisten Kulturgebieten als tapferes Tier wahrgenommen wird (vgl. engl. *lion-hearted* – ‘*very brave*’ oder russ. *львиное сердце*). Also, die Struktur der Bedeutung des betreffenden Referenten

sieht so aus: *der Mensch, dessen Herz so tapfer, wie Löwenherz ist*.

Eine Tabelle sähe so aus (Tab. 2).

Zum Vergleich mit der vorigen Gruppe sähe diese Tabelle bei *luchsäugig* so aus (Tab. 3).

Die Wahl vom Somatismus *Herz* sei damit zu erklären, dass das Herz Zentrum der Empfindungen, des Gefühls, auch des Mutes und der Entschlossenheit³⁴ ist. Das beweist auch folgendes Beispiel aus dem Roman von Sten Nadolny „Die Entdeckung der Langsamkeit“: „*Selim muss für einige Jahre in den Knast, weil er als löwenherziger Befreier einer heroinabhängigen jungen Hamburgerin aus den Klauen einer Zuhältergang den Bordellmafioso getötet hat*“³⁵.

Eine andere Art der Bedeutungsbildung belegt das Adjektiv *stierköpfig* – ‘*trotzig, eigen-sinnig*’³⁶. Die Struktur der Bedeutung des bezeichneten Referenten kann man nicht als ‘*der Mensch, der eine Kopf hat, der so stur, wie der Kopf des Stiers ist*’. Es sei richtig, den Kopf des

³⁴ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

³⁵ Ein türkischer Winnetou // Der Spiegel. 1990. 8 Jan. S. 155.

³⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 02.01.2019).

³³ Wörterbuchnetz. URL: <http://woerterbuchnetz.de> (abrufen: 02.01.2019).

Stiers nicht als den Körperteil, der die assoziative Charakteristik des Starsinns enthält, zu betrachten, sondern als den Körperteil, der anschaulich das Benehmen des Tieres zeigt, weil der Stier im Falle einer Meinungsverschiedenheit mit anderen Subjekten mit den Hörnern, die sich auf dem Kopf befinden, stößt. Im Kontext kann man zusätzliche Bezeichnungen des mit diesem Adjektiv bezeichnenden Referenten finden: „*Plump, unbelehrbar, stierköpfig wie die meisten schweizer Reactionäre, blieb er in seinem evangelischen Amte und schrieb zugleich an seinem Werke weiter, das mit jedem neuen Bande fanatischer wurde*“ [19, S. 489].

5. Tiername + vom Tiernamen verstärkendes Merkmal

Die Interpretation der Tiernamen in diesen Adjektiven ist nicht eindeutig wegen des Fehlens eines übertragenen Merkmals beim Tier. Russische Äquivalente enthalten statt des Tiernamens die Adverbien *sehr, völlig, ganz* usw.

Die Bedeutung des Adjektivs *hundekalt* – ‘*sehr, unangenehm kalt*’ weist auf den hohen Grad des Merkmals und auf ein negatives Verhältnis hin. Wäre das Merkmal *kalt* dem Hund eigen, so wäre es die Interpretation durch das Format des Wahrnehmens, doch tatsächlich findet man hier die Formate der Assoziation, der Funktion und der Beobachtung.

Die Interpretation des Tiernamens kann auf der assoziativen Charakteristik seines Referenten mit der niedrigen Temperatur der Umwelt (vgl. russ. «холод собачий» und eng. “three dogs night”) beruhen.

Wenn wir das Wort *Hund* einfach als Schimpfwort nehmen, so ist die niedrige Temperatur damit bezeichnet, um eine negative Haltung dazu zu zeigen. Es geht um das Format der Beobachtung.

Zur Verbindung des Formats der Funktion und des Formats der Beobachtung gibt es eine interessante Geschichte. In alter Zeit, als es noch keine Thermometer gab, beobachteten die Bauern das Benehmen der Hunde. Wenn Dauer-

frost drohte, baten die Hunde, ins Haus gelassen zu werden, weil es so frostig war, dass sogar die Hunde das nicht ertragen konnten³⁷ (vgl. russ. «В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит»).

Dasselbe kann man über die Adjektive *saublöd* – ‘*sehr blöd*’, *sauegal* – ‘*ganz egal*’ und *saukalt* – ‘*sehr kalt*’³⁸ sagen. Der Tiername *Sau* funktioniert in diesem Fall als negative Charakteristik des Merkmals und hat dabei keine anschauliche Verbindung mit den Merkmalen aus dem zweiten Teil des Adjektivs, was man auch im Kontext beobachten kann: „*Im Frühling und Herbst kühl und windig, im Winter saukalt und bisweilen stürmisch*“³⁹.

Die Funktion der Bedeutungsverstärkung zeigt auch das Adjektiv *affengeil* – ‘*in besonders begeisterter Weise schön, gut; äußerst großartig, ganz toll*’⁴⁰. In diesem Fall funktioniert das Adjektiv *geil* in seiner sekundären Bedeutung – ‘*in begeisterter Weise schön, gut; großartig, toll*’⁴¹. Aber die Kontexte zeigen auch die positive Konnotation: „*Das war wirklich affengeil, wie der sich im Kreis drehte*“, *begeistert sich Armin Stübe*⁴². „*Schalke, ihr seid super, ihr seid affengeil*“, *faxte man aus der Bierstadt*“⁴³.

Also, die Interpretation der Tiernamen als Teile der zusammengesetzten Adjektive kann sich durch eine große Zahl von Merkmalen verwirklichen und kann dabei verschiedene Konnotationen haben.

³⁷ Почему сильный холод называют собачим? URL: http://www.aif.ru/pochemu_silnyy_holod_nazyvayut_sobachim (дата обращения: 02.01.2019).

³⁸ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

³⁹ Ein Splitter aus tausend Spielen // Der Tagesspiegel. 2005. 12 Mai.

⁴⁰ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 02.01.2019).

⁴¹ Ibid.

⁴² „Bestimmt guckte Christo neidisch“ // Berliner Zeitung. 1995. 21 Jun.

⁴³ Schalke ging auf Kremserfahrt // Berliner Zeitung. 1995. 29 Mai.

Список литературы

1. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: монография. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2016. 186 с.
2. Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (23). С. 5-11.
3. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge, 1997. 205 p.

4. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 118-122.
5. Гамезо М.В. Словарь по педагогической психологии. М., 2001.
6. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953. 376 с.
7. Kessel K., Reinmann S. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2005.
8. Heringer H.J. Deutsche Sprache // Zeitschrift für Theorie, Praxis und Dokumentation. 1984. Bd. 12. S. 1-13.
9. Roßmäßler E.A. Der Wald. Leipzig, 1863. 628 S.
10. Varnhagen von Ense K.A. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Mannheim, 1837. Bd. 2. 544 S.
11. Apitz B. Nackt unter Wölfen. Reinbek: Rowohlt, 1961 [1958]. 387 S.
12. Widmer U. Das Buch des Vaters. Zürich: Diogenes, 2004. 209 S.
13. Haas R. Matthias Triebel. Leipzig, 1915. 343 S.
14. Uhse B. Die Patrioten // Neue deutsche Literatur. 1953. Bd. 1. № 2. 583 S.
15. Böttner J. Gartenbuch für Anfänger. Frankfurt: Trowitsch und Sohn, 1944 [1895]. 510 S.
16. Feuchtwanger L. Erfolg // Feuchtwanger L. Gesammelte Werke in Einzelbänden. Berlin: Aufbau-Verl., 1993 [1930]. Bd. 6. 583 S.
17. Thater D. 7 Tage mit Marusha // Die Zeit. 2001. 19 Jul.
18. Dylan T. Weihnachtserinnerungen // Die Zeit. 1960. 23 Dez.
19. von Treitschke H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Bd. 4: Bis zum Tode König Friedrich Wilhelms III. Leipzig, 1889. 753 S.

References

1. Panasenکو L.A. *Interpretiruyushchiy potentsial leksicheskikh kategoriy* [Interpretive Potential of Lexical Categories]. Tambov, R.V. Pershin's Publ., 2016, 186 p. (In Russian).
2. Boldyrev N.N., Aleksikova Y.V. Kognitivnyy aspekt evfemizatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [Cognitive aspect of euphemisation in the English language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2010, no. 2 (23), pp. 5-11. (In Russian).
3. Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge, 1997, 205 p.
4. Boldyrev N.N. Rol' kognitivnogo konteksta v interpretatsii mira i znaniy o mire [The role of the cognitive context in world and world knowledge interpretation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*, 2014, no. 6 (335), pp. 118-122. (In Russian).
5. Gamezo M.V. *Slovar' po pedagogicheskoy psikhologii* [Dictionary on Pedagogical Psychology]. Moscow, 2001. (In Russian).
6. Stepanova M.D. *Slovoobrazovaniye sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word Formation of the Modern German Language]. Moscow, 1953, 376 p. (In Russian).
7. Kessel K., Reinmann S. *Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache*. Tübingen, Basel, A. Francke Verlag, 2005. (In German).
8. Heringer H.J. Deutsche Sprache. *Zeitschrift für Theorie, Praxis und Dokumentation*, 1984, vol. 12, pp. 1-13. (In German).
9. Roßmäßler E.A. *Der Wald*. Leipzig, 1863, 628 p. (In German).
10. Varnhagen von Ense K.A. *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften*. Mannheim, 1837, vol. 2, 544 p. (In German).
11. Apitz B. *Nackt unter Wölfen*. Reinbek, Rowohlt, 1961 [1958], 387 p. (In German).
12. Widmer U. *Das Buch des Vaters*. Zürich, Diogenes, 2004, 209 p. (In German).
13. Haas R. *Matthias Triebel*. Leipzig, 1915, 343 p. (In German).
14. Uhse B. Die Patrioten. *Neue deutsche Literatur*, 1953, vol. 1, no. 2, 583 p. (In German).
15. Böttner J. *Gartenbuch für Anfänger*. Frankfurt, Trowitsch und Sohn, 1944 [1895], 510 p. (In German).
16. Feuchtwanger L. Erfolg. In: Feuchtwanger L. *Gesammelte Werke in Einzelbänden*. Berlin, Aufbau-Verl., 1993 [1930], vol. 6, 583 p. (In German).
17. Thater D. 7 Tage mit Marusha. *Die Zeit*, 2001, 19 Jul. (In German).
18. Dylan T. Weihnachtserinnerungen. *Die Zeit*, 1960, 23 Dec. (In German).
19. von Treitschke H. *Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Bd. 4: Bis zum Tode König Friedrich Wilhelms III.* Leipzig, 1889, 753 p. (In German).

Информация об авторе

Захарова Мария Андреевна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Вклад в статью: отбор и структурно-семантическая классификация прилагательных с компонентом зоонимов, разработка интерпретирующего потенциала лексических единиц в формате «цвет» в области зоонимов, анализ примеров из текстов публицистики и художественной литературы, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>

Поступила в редакцию 29.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 04.07.2019 г.

Принята к публикации 12.07.2019 г.

Information about the author

Mariya A. Zakharova, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Contribution: selection and structural-semantic classification of adjectives with a component zoononym, interpretation of the interpretive potential of lexical units in the color format in the area of zoonyms, analysis of examples from texts of publicism and fiction, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>

Received 29 April 2019

Reviewed 4 July 2019

Accepted for press 12 July 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482
УДК 340.113.1

Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения

Ольга Викторовна БЕЛЯНСКАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

Linguistic controversy in the sphere of law making and enforcement

Olga V. BELYANSKAYA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

Аннотация. Проведён анализ лингвистически-правового характера юридического дискурса различных видов юридической деятельности: правотворческой, правореализационной, в результате которого были выявлены новые формально-языковые особенности юридических текстов. На примере статьи 358 Уголовного кодекса РФ об экоциде был выявлен ряд недостатков: выбор неверного члена синонимического ряда и неконкретное содержание санкции. Выявлены определённые лингвистические недостатки, которые могут стать препятствием для успешного использования этой правовой нормы в процессе её реализации. Констатируется, что слабое развитие лингвистических навыков юристов, которые необходимы им для правильного осуществления своих полномочий, неумение адекватно выражать мысль может привести к ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан. Текстовые недостатки, как и грубые лингвистические ошибки, снижают эффективность российского законодательства, затрудняя понимание сущности правовой нормы. Для решения этих проблем необходимо проведение грамотной лингвистической экспертизы, которая улучшит текстовые показатели нормативно-правового акта. Обоснованы перспективы взаимодействия юридической и лингвистической наук, что связано с возникновением новых направлений взаимодействия юриспруденции с различными лингвистическими междисциплинарными направлениями (семиотикой, социо- и психолингвистикой, когнитивной лингвистикой и др.).

Ключевые слова: юрислингвистика; лингвоюридический анализ; язык права; лингвистическая экспертиза; юридический текст; статья 358 УК РФ

Для цитирования: Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 476-482. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482

Abstract. We analyze the linguistics and legal nature of the legal discourse of various types of legal activity: law-making, law-realization, as a result of which we reveal new formal and linguistic features of legal texts. On the example of article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation on ecocide we reveal a number of shortcomings: the choice of the wrong member of the synonymous series and the non-specific content of the sanction. Revealed certain linguistic shortcomings can become an obstacle to the successful use of this legal norm in the process of its implementation. The weak development of lawyers' linguistic skills, which they need for the proper exercise of their authorities, the inability to adequately express the thought can lead to infringement of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. Textual shortcomings, as well as gross linguistic errors, reduce the effectiveness of Russian legislation, make it difficult to understand the essence of the legal norm. To solve these problems, it is necessary to conduct a competent linguistics-

tic examination, which will increase the text indicators of the regulatory act. The prospects of interaction of legal and linguistic sciences are reasonable due to the emergence of new directions of interaction of jurisprudence with various linguistic interdisciplinary directions (semiotics, socio- and psycholinguistics, cognitive linguistics, etc.).

Keywords: legal linguistics; linguistic and legal analysis; law language; linguistic expertise; legal text, art. 358 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Belyanskaya O.V. Lingvisticheskiye protivorechiya v sfere zakonotvorchestva i pravoprimeneniya [Linguistic controversy in the sphere of law making and enforcement]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 476-482. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Несовершенство языка права значительно усложняет любой вид юридической деятельности: правотворческий, правореализационный и правоинтерпретационный. В большинстве случаев это приводит к искажённому пониманию смысла правовой нормы и её реализации, что влечёт за собой снижение правовой культуры как отдельных субъектов права, так и населения страны в целом. Не всегда даже специалисты могут правильно понять правовую информацию, содержащуюся в нормативном правовом акте, а значит эффективно реализовать нормы в конкретных правоотношениях.

В этой связи целью статьи является оценка необходимости и важности использования лингвистических правил при осуществлении различных видов юридической деятельности, выявление особенностей герменевтического подхода при решении проблем адекватного понимания смысла юридических текстов с учетом лингвистических приёмов.

Предметом исследования выступают лингвистические особенности юридического дискурса, определяющие механизмы правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов.

Методологическую основу статьи составил комплексный подход, сочетающий в себе системный, формально-юридический и логико-языковой методы, а также метод лингвистического и дискурсивного анализа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Впервые о необходимости взаимодействия юриспруденции и словесности высказались правоведы эллинистического периода. Римские юристы сформулировали основную

цель юрислингвистической науки, которая состоит в том, что «право может и должно быть определённым» [1, с. 68]. В дальнейшем задачи юрислингвистики только расширялись. В средние века в рамках герменевтической науки появилось правоинтерпретационное направление. В этот период право было тесно связано с религиозными воззрениями, поэтому толкование текстов философско-религиозного характера обязательно затрагивало сферу государственно-правовой жизни.

Активное развитие юрислингвистики относится к началу XX столетия, поскольку модернистская картина мира предполагала бурное взаимодействие различных научных и культурных областей. В первую очередь учёных привлекала проблема стиля нормативного акта. Была разработана теория функциональных стилей, в которой язык закона выделялся как особый подстиль.

Спектр проблем, которые рассматриваются в рамках юрислингвистики, очень широк. Актуальными направлениями взаимодействия юриспруденции и лингвистики являются «лингвистическая экспертиза юридических документов, разработка правил создания текстов нормативно-правовых актов, теоретическое исследование и практическое обоснование различных аспектов юридического перевода, языковая криминалистическая экспертиза» [2, с. 20] и др.

Необходимость в данной экспертизе связана с тем, что далеко не всегда тексты нормативно-правовых актов соответствуют всем требованиям лингвистической науки. В этой связи очень важным представляется укрепление взаимодействия между лингвистами и юристами. Юрислингвистика – ведущее направление междисциплинарного характера. Исследования, проводимые в рамках этой науки, направлены на совершенствование

языка права, повышение эффективности правоинтерпретационной деятельности и упрощение процесса реализации гражданами своих основных прав.

Правотворческая деятельность, как никакая другая юридическая деятельность, требует активного внедрения лингвистических знаний и анализа юридического текста с учетом лингвистических правил и принципов.

Лингвистические недостатки текста закона выявляются при анализе лексического и синтаксического уровней. Наиболее часто законодатели неправильно или неуместно употребляют те или иные понятия, не давая при этом разъяснений, неверно выбирают грамматические формы и синонимы, утяжеляют синтаксические конструкции, что значительно затрудняет восприятие текста. Важно понимать, что вследствие отсутствия четкой системы правил создания юридического текста законодатель, по сути, при написании закона руководствуется только собственной языковой культурой. Однако законопроект должен быть составлен с учетом многочисленных лингвистических нюансов, которые обеспечат его эффективность.

С целью анализа терминологического содержания юридического дискурса за основу возьмем статью 358 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), устанавливающую ответственность за такой вид преступления, как экоцид, и определим, каким образом терминологическая неопределенность может повлиять на дальнейшую реализацию данной нормы.

Термин «экоцид» произошёл от греческого слова «οἶκος» (дом) и латинского «occideo» (убиваю, уничтожаю). При буквальном переводе слово «экоцид» означает «уничтожаю дом». В современном русском языке такое значение близко словарному определению данного понятия: «Экоцид – уничтожение среды обитания животных и человека» [3, с. 209]. Данный термин относится к специальным понятиям, пришедшим из различных сфер общественной жизни, в частности, из области экологии и охраны окружающей среды. Наиболее полное представление об экоциде можно составить только в результате лингвистического анализа данного понятия.

Так, согласно ст. 358 УК РФ, экоцид – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, из чего можно установить, что экоцид наносит непоправимый ущерб окружающей среде, в результате чего она становится непригодной для существования человека, животных и растений. Термин «экоцид» близок к термину «геноцид». Геноцид – уничтожение определённой группы человечества по национальному, этническому или религиозному признаку или причинение значительного ущерба такой группе. Оба термина имеют яркую негативную коннотацию.

Основу лексического состава приведённой статьи составляет группа слов, относящихся к экологической терминологии. Это обусловлено тем, что статья регулирует область общественных отношений, связанную с взаимодействием человека и окружающей среды. К экологической терминологии относятся также слова: «растительный мир», «животный мир», «атмосфера», «водные ресурсы». Названные термины находят своё определение в других нормативно-правовых актах специальной экологической направленности. Например, термину «животный мир» даётся подробное определение в тексте Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»: животный мир – совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации.

Стоит отметить, что в современном русском языке подобные слова, относящиеся к окружающей среде и носящие терминологический характер, формируют тематическую группу «Природа», к которой и относятся словосочетания «растительный мир» и «животный мир». Однако определение термина, данное в тексте закона, может несколько отличаться от определений, содержащихся в отраслевых энциклопедических словарях. Это обусловлено тем, что законодателя в большей степени интересует место существа,

предмета или явления в общественной иерархии, выполняемые ими функции и их нормальное состояние, в котором они не причиняют вреда окружающей среде. В то же время специалиста в той или иной отрасли интересуют внутренние характеристики существа, предмета или явления, законы их функционирования и т. д.

Большинство понятий анализируемой нами статьи являются многозначными (полисемантическими). В данном контексте лексемы употребляются только в своём прямом (номинативном) значении, что связано с необходимостью однозначного понимания текста широким кругом лиц. Например, согласно словарю С.И. Ожегова, лексема «атмосфера» включает прямое значение («газообразная оболочка, окружающая Землю, некоторые другие планеты, Солнце и звёзды») и переносное («окружающие условия, обстановка») [4].

Объектом уголовно-правовой защиты ст. 358 УК РФ являются элементы окружающей среды, в которую включается атмосфера как воздушная оболочка Земли. Иными словами, уголовным законом устанавливается ответственность за отравление воздуха, а не за отравление, например, дружеской атмосферы. Можно сделать вывод, что в данном контексте используется прямое (номинативное) значение лексемы «атмосфера».

При реализации данной нормы ключевым признаком для квалификации преступления по ст. 358 УК РФ будет угроза экологической катастрофы. Из чего следует, что данная угроза возможна в результате совершения любого из действий, указанных в диспозиции ст. 358 УК РФ. Важно отметить, что совершаемые преступником действия должны носить характер общественной опасности. Если в результате совершения определённых действий был причинён вред окружающей среде, но общественная опасность в виде экологической катастрофы не наступила, то данное деяние не будет квалифицироваться как уголовное.

В ст. 358 УК РФ речь идёт о том, что пагубные последствия экологической катастрофы отрицательно влияют на окружающую среду, они представляют угрозу для существования мира природы и приводят к уничтожению растительного и животного мира.

Однако глагол «уничтожить» имеет значение прекратить существование кого/чего-нибудь, истребить [4, с. 724]. Образованное от этого глагола существительное «уничтожение» имеет аналогичное значение, поскольку помещено в этой же словарной статье.

Обращает на себя внимание тот факт, что глагол «уничтожить», к которому восходит отглагольное существительное «уничтожение», имеет целый ряд синонимов. К синонимическому ряду глагола «уничтожить» будут относиться глаголы со значением прекращения существования кого-либо или чего-либо. Можно привести такой синонимический ряд глагола «уничтожить»: истреблять, ликвидировать, изничтожить (просторечное), изводить (просторечное), крушить, сметать, ломать, изживать и др. [5, с. 473]. Приведённые лексемы чаще употребляются в значении «действие человека», в отличие от глагола «уничтожить».

Диспозиция анализируемой статьи состоит из одного осложнённого предложения, которое можно назвать «слитным». А.М. Пешковский слитным называет предложение, «включающее в свой состав однородные члены» [6, с. 445]. В составе анализируемой конструкции выделяется ряд однородных подлежащих: уничтожение, отравление, совершение. Они относятся к одному и тому же члену предложения – сказуемому «наказываются». Сочинительная связь между однородными членами предложения «уничтожение», «отравление» находит своё выражение в перечислительной интонации, на что указывает бессоюзное соединение однородных членов. Наличие сочинительных союзов «а» и «также» перед существительным «совершение» устанавливает сочинительную связь с предыдущими существительными «уничтожение» и «отравление». Сочинительный союз «а» в значении «добавление чего-нибудь при последовательном изложении» в сочетании с присоединительным по своему разряду союзом «также» присоединяет член предложения «совершение» к однородным подлежащим «уничтожение», «отравление». Сочетание союзов «а также» выполняет синтаксическую функцию перечисления. Все однородные подлежащие в анализируемом предложении могут быть соединены между собой сочинительным союзом «и» без потери

смысла данного высказывания, так как они являются равноправными составляющими понятия «экоцид» и преследуются по закону равным образом.

Употребление в нормативно-правовом акте конструкции «а также совершение иных действий» свидетельствует о том, что в законе не всегда определён исчерпывающий перечень актов противоправных деяний, поскольку правонарушение может совершаться различными способами.

А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко отмечают, что «в ст. 358 Уголовного кодекса РФ «Экоцид» список действий, способных вызвать экологическую катастрофу, может быть расширен. Эти действия могут совершаться в виде воздействия на водные ресурсы и атмосферу химически активными веществами, продуктами биологического распада, искусственным изменением физического и химического составов водной или воздушной сред. В результате научно-технического развития также возможно появление новых факторов, следствием которых может явиться наступление экологической катастрофы» [7, с. 20]. Подобным способом законодатель оставляет за собой право расширения круга действий, квалифицируемых по ст. 358 УК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что термин «экоцид» полностью не раскрыт в тексте Уголовного кодекса РФ, и это требует дополнительных интеллектуальных ресурсов в виде интерпретационной деятельности, которая также должна основываться на лингвистических правилах и приёмах.

Толкуя данную норму (как и любую другую), нужно учитывать, что определения экологических терминов, используемые в статье, фиксируются не только в словарях, но и в законах. Законодатель описывает те характеристики, которые наиболее важны для правовой сферы, но не раскрывает при этом детальный смысл понятия. С одной стороны, это соответствует тому, что юридический текст должен быть лаконичным и компактным. С другой стороны, довольно сложным представляется разграничение степени вреда, причинённого в результате экоцида и иных видов экологических преступлений. Вследствие этого в правоприменительной, в частности, судебной практике могут возникнуть

определённые трудности с правильной квалификацией деяния.

Мы можем констатировать, что при проведении лингвоюридического анализа ст. 358 УК РФ «Экоцид» нами были выявлены определённые лингвистические закономерности и недостатки, которые, как мы полагаем, могут затруднить понимание текста статьи и, как следствие, её реализацию. Обычный гражданин, не обладающий высоким уровнем грамотности, может составить неправильное представление о понимании преступления и наказания за его совершение.

Перечисленные нарушения не являются ошибками в соответствии с языковыми требованиями, но препятствуют однозначному пониманию текста, что является одним из основных лингвистических параметров нормативно-правового акта.

Для исключения лингвистических недостатков в нормативных правовых актах должна проводиться комплексная лингвистическая экспертиза на стадии составления проекта правового акта. Это связано с тем, что лингвистические недостатки текста нормативного правового акта могут в дальнейшем привести к затруднению в реализации данной нормы, что потребует её толкования с целью конкретизации.

Н.В. Белоконь справедливо отмечает, рассуждая о языковых ошибках и дефектах в нормативных правовых актах и их проектах, что есть сложности в достижении «эффективного регулирующего воздействия закона, не добившись его максимально возможного качественного уровня» [8, с. 105]. Для решения этих проблем необходимо проведение грамотной лингвистической экспертизы, которая повысит текстовые показатели нормативного правового акта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лингвоюридических особенностей текста нормативного акта на примере ст. 358 УК РФ об экоциде показывает, что разработанная в рамках юридического курса терминологическая и понятийная система не всегда способствует составлению полного понимания той или иной юридической категории вообще и правонарушения в частности. Юридический текст не может

вместить в себя огромное количество информации, в том числе подробное определение терминологической базы.

В настоящий момент лингвистическая экспертиза проектов нормативных актов направлена лишь только на устранение грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов. Это весьма узкое понимание сущности лингвистической экспертизы и её роли в правоинтерпретационной и правореализационной юридической деятельности, поскольку тогда её проведение не позволяет избежать недос-

татков в нормативных правовых актах и при реализации их положений.

Полагаем, что прежде всего в процессе правотворческой деятельности стоит обращать внимание на то, насколько точно, понятно и однозначно определены границы того или иного термина, который может выступать как основополагающее понятие данного текста. Но при этом и другие виды юридической деятельности (правоприменительная и правоинтерпретационная) требуют учёта лингвистических правил и особенностей языка права.

Список литературы

1. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. ред. Е.А. Скрипилёв. М.: Наука, 1984. 456 с.
2. Гришеникова Ю.А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 1 (42). С. 20-23.
3. Быков Б.А. Экологический словарь. Алма-Ата: Наука, 1983. 215 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
5. Словарь синонимов русского языка / сост. А.Ю. Мудрова. М.: Центрполиграф, 2009. 507 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 510 с.
7. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6. С. 20-22.
8. Белоконь Н.В. Языковые ошибки и дефекты в нормативных правовых актах, проектах нормативных правовых актов и иных юридических документах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 104-115.

References

1. Pereteskij I.S. (selected frag. transl. and notes), Skripilev E.A. (executive ed.). *Digesty Yustiniana* [Digests of Iustinianus]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 456 p. (In Russian).
2. Grishenkova Y.A. Aktual'nyye voprosy sovremennoy yurislingvistiki [Current issues of the modern legal linguistics]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2005, no. 1 (42), pp. 20-23. (In Russian).
3. Bykov B.A. *Ekologicheskij slovar'* [Ecological Dictionary]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1983, 215 p. (In Russian).
4. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov* [Dictionary of Russian Language: About 57000 Words]. 20th ed., stereotyp. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988, 750 p. (In Russian).
5. Mudrova A.Y. (compiler). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009, 507 p. (In Russian).
6. Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in the Scientific Communication]. 8th ed., upd. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001, 510 p. (In Russian).
7. Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. *Ugolovnaya otvetstvennost' za ekotsid* [Criminal liability for ecocide]. *Zakonnost'* [Legitimacy], 2005, no. 6, pp. 20-22. (In Russian).
8. Belokon N.V. *Yazykovyye oshibki i defekty v normativnykh pravovykh aktakh, proyektakh normativnykh pravovykh aktov i inyykh yuridicheskikh dokumentakh* [Language mistakes and defects in normative legal acts, drafts of normative legal acts and other legal documents]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of VSU. Series: Law*, 2016, no. 4, pp. 104-115. (In Russian).

Информация об авторе

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: 520877@mail.ru

Вклад в статью: идея, лингвоюридический анализ, анализ юридических текстов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>

Поступила в редакцию 15.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.09.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Olga V. Belyanskaya, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Professor of Law Theory and History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: 520877@mail.ru

Contribution: idea, linguistic and legal analysis, legal texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>

Received 15 August 2019

Reviewed 20 September 2019

Accepted for press 21 October 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-483-490
УДК 811.161.1+801.311

Религиоойконимы Нижегородской области как часть культурно-исторического наследия региона

Ольга Валентиновна НИКИФОРОВА

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал
607220, Российская Федерация, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4463-9792>, e-mail: snegaovnik@rambler.ru

Religious oikonyms of Nizhny Novgorod Region as part of the regional cultural and historical heritage

Olga V. NIKIFOROVA

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch
36 K. Marks St., Arzamas 607220, Nizhny Novgorod Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4463-9792>, e-mail: snegaovnik@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены религиоойконимы Нижегородской области. Проанализирована специфика образования сельских топонимов на базе культово-религиозной лексики, а также установлено своеобразие их лексического значения. Отмечено, что религиоойконимы занимают особое место на топонимической карте России, поскольку репрезентируют большую значимость церкви в Нижегородском крае и содержат память о христианской культуре русского народа. Наименование населённых мест по названиям церквей и названиям религиозных праздников, будучи продуктивным процессом в XIX веке, характеризуется высокой степенью сохранности религиоойконимов, представленных в Нижегородской области, в настоящее время. Выявлено, что на исследуемой территории топонимы, восходящие к лексике религиозной семантики, не подвергались переименованию, поэтому многие населённые пункты сохранили сакральные названия. Доказано, что географические наименования, появление которых связано с православием, в вербализованном виде отражают как историко-социальные и этнокультурные, так и языковые особенности русского этноса. Сделан вывод о том, что изучение религиоойконимов на материале разных регионов России позволяет исследователю выявить бытийные ценности сельского жителя, а именно – какие святые в той или иной местности почитаемы больше, чем другие, какие религиозные праздники были небезразличны человеку как в прагматическом, так и в духовном плане.

Ключевые слова: топоним; топонимическая система; ойконим; экклезионим; религиоойконим; Нижегородская область

Для цитирования: Никифорова О.В. Религиоойконимы Нижегородской области как часть культурно-исторического наследия региона // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 483-490. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-483-490

Abstract. We consider religious oikonyms of the Nizhny Novgorod Region. We analyze the specifics of formation of rural toponyms on the basis of cult and religious lexicon and also establish the originality of their lexical meaning. We note that religious oikonyms have a specific place on the Russian toponymic map as they represent the church importance in the Nizhny Novgorod Region and contain the memory of the Christian culture of the Russian people. The inhabited places naming as churches and religious holidays was a productive process in the 19th century and nowadays there are still religious oikonyms in the Nizhny Novgorod Region. In the researched territory the toponyms of religious semantics were not renamed therefore many settlements kept sacral names. We prove that geographical names with Orthodoxy origins reflect not only historical and social, ethnocultural, but also and language features of the Russian ethnos. We conclude that religious oikonyms study on material of different regions of Russia allows the researcher to reveal ex-

intentional values of the villager, namely – what Saints in the area were esteemed more, what religious holidays were not indifferent to the people both pragmatically and spiritually.

Keywords: toponym; toponymic system; oikonyms; ecclesiality; religious oikonyms; Nizhny Novgorod Region

For citation: Nikiforova O.V. Religious oikonyms of Nizhegorodskoy oblasti kak chast' kul'turno-istoricheskogo naslediya regiona [Religious oikonyms of Nizhny Novgorod Region as part of the regional cultural and historical heritage]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 483-490. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-483-490 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Наименования географических объектов (топонимы) справедливо относят к феноменам, формирующим и репрезентирующим культурно-историческую информацию о прошлом народа, особенностях быта и мировидения человеческого коллектива. Заложенные в семантике топонимов национально-культурные компоненты «выступают в качестве вербализованных знаков и символов культуры отдельного этноса» [1, с. 169]. Взаимоотношения топонима и обозначаемого им объекта характеризуются специфичностью, поскольку названия городов, посёлков, сёл, деревень и т. п. транслируют представления не столько о самом именуемом объекте, сколько о его образе, существующем в сознании носителя языка. В этой связи применительно к собственным именам поселений как городского, так и сельского типа целесообразно использовать предложенный А.С. Щербак термин ономастический знак – «любое имя собственное как вторичный знак, отражающий комплекс знаний об имени собственном (языковые и энциклопедические знания) и служащий для организации ономастического знания в сознании человека» [2, с. 286]. В качестве иллюстрации учёный приводит наименования населённых пунктов Тамбовской области, включающих в своё название элементы, обозначающие религиозные реалии, типа *Покрово-Васильево*, *Покрово-Марфино*, *Сабуро-Покровское*, *Покрово-Ендовище*, *Покровское* и называет их знаками села (известно, что в деревне как типе поселения не было церквей) [2, с. 287]. Православные названия Воронежской области исследованы А.С. Поповым [3, с. 151-153]. Используя материалы Ярославской области, Ю.Ю. Гомырова рассматривает комонимы (имена собственные села), образованные на базе культово-религиозной лексики [4, с. 150-154].

На географической карте Нижегородской области также отмечены наименования географических объектов (топонимов), связанные с православием. Известно, что культура и религия не только оказывают огромное влияние на формирование языковой картины мира любого народа, но и выступают «значимыми для формирования онимических систем внеязыковыми факторами» [4, с. 150]. Действительно, по мере укрепления православия и активизации строительства церквей, храмов, монастырей в дореволюционной России религиозные представления народа находили отражение в наименовании различных географических объектов.

Для обозначения единиц, отражающих божественную сущность, лингвисты предлагают различные термины. В работах по топонимике учёные активно используют термин агиотопоним с расширительным значением, «распространяя его на все географические названия, образованные от апеллятивов и имён собственных религиозного характера (причём связанные с понятиями, терминами, имена собственные не только христианства, но и любой другой религии – ислама, буддизма и т. д.)» [5, с. 14]. Уточнённое определение термина агиотопоним даёт И.В. Бугаева: «Агиотопоним – это разряд топонимов, где в качестве основы для образования собственного имени географического объекта используются имена святых (агиоантропотопонимы), теонимы или названия церковных праздников (агиохронотопонимы)» [6, с. 122]. Вслед за С.А. Поповым для описания группы топонимов, образованных на базе лексики религиозной семантики, мы используем термины религиотопоним (от греч. топос – «место» и онома – «имя») и религиозоиконим (от греч. ойкос – «жилище» и онома – «имя») – названия соответственно географического объекта и населённого пункта, образованные от апеллятива или собственного имени рели-

гиозного характера [3]. На наш взгляд, между терминами религиотопоним – религиооиконим существуют гиперо-гипонимические отношения, что свойственно ономастическим терминам [7, с. 6-7].

Русские религиотопонимы, в частности религиооиконимы, возникали, как правило, по находившемуся в населённом пункте храму, а также часовне, монастырю: «Церковность феодального времени наложила сильный отпечаток на топографическую номенклатуру. Для названия села официальная среда пользовалась именем церкви, находившейся тут» [8, с. 68]. Ойконимическая модель «по церкви» складывалась и набирала силу постепенно на протяжении веков после принятия христианства. Введение христианства на Руси не только помогло становлению и укреплению древнерусского государства и свидетельствовало об изменениях идеологии Киевской Руси, но и способствовало возникновению религиооиконимов, поскольку в официальной среде вместо первичных, исторически сложившихся названий населённых пунктов пользовались, как правило, именем находившейся в нём церкви. В названиях храмов были запечатлены календарные совпадения тех или иных событий с церковным праздником, с поминанием святого, с прославлением чудотворной иконы. В топонимии Центра России ойконимическая модель «по церкви» начинает действовать с XV века, наращивая темпы к XVIII–XIX векам. «По всей видимости, ойконимическая модель «по церкви» достигает пика продуктивности к XVIII–XIX векам. Это также обусловлено культурно-историческими факторами. Так, в частности, именно в эти периоды в центральных областях России возникает все больше владельческих усадеб. Многие архивные источники говорят о том, что землевладельцы часто считали своим долгом возвести хотя бы небольшой, но «собственный» храм. Строительство церквей расширялось и по другим причинам, и это отражается в ойконимии: процент агиооиконимов растёт. Ряд церквей, часовен, приделов возводится на средства купцов, промышленников в честь их святых патронов, покровителей, на средства общины, финансируется это и самой церковью как институтом» [5, с. 22]. Самой высокой степени продуктивности данная мо-

дель достигла во второй половине XIX века, когда церковь, ещё не будучи официально отделённой от государства декретом 1917 г., играла большую роль в общественной жизни дореволюционной России. Став государственной религией, христианство утвердило в сознании и поведении людей новые, религиозные нормы и ценности, охватив все сферы общественной жизни. В результате и топонимическое пространство России, относящееся к духовной части человеческого бытия, было подвержено религиозному воздействию.

Безусловно, до получения религиозного названия населённый пункт уже имел наименование, мотивированное антропонимом, гидронимом, апеллятивом. Наряду с этим учёные признают богатый потенциал экклезионимов – названий «места совершения обряда, место поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [9, с. 149] – в качестве словообразовательной базы для сельской ойконимии. В память о религиозных событиях жители строили церкви, сооружали монастыри, которые получали названия либо по церковным праздникам, либо в честь святых – Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, Михаила Архангела, Петра и Павла и др. Населённый пункт, в котором строилась церковь, как правило, приобретал статус села (если до этого здесь был посёлок или деревня), и название православного храма становилось новым названием старого поселения. Так, экклезионимы, обозначая предметные сущности (не лица), становились производящей базой для агиооиконимов и давали жизнь религиооиконимам.

Специфику экклезионимов подчёркивала А.В. Суперанская: «Особую категорию имен с комплексными объектами представляют названия церквей, монастырей, часовен, алтарей. Они не могут быть включены ни в урбанонимию, ни в микротопонию, ни в именование коллективов или праздников из-за изменчивости границ своего применения. Они обозначают или обозначали не только здания, в которых располагается церковь или монастырь, но в определенные эпохи относились и к людям, живущим или служащим там, и к крестьянам деревень, приписанных к монастырям, и к землям, принадлежавшим

монастырям. Ввиду комплексности обозначаемого объекта названия этого типа в своём последующем развитии становились основами и топонимов, и антропонимов» [10, с. 196].

Учёные отмечают, что количество агитопонимов по сравнению с другими топонимами является небольшим. Так, в современной Московской области, а также в Калужской, Орловской, Воронежской, Нижегородской областях топонимы, содержащие в своей структуре религиозную семантику, составляют 5–7, 7–8, 9, около 5 и 4–5 % соответственно [5, с. 24; ср.: 11, с. 324]. Яркой качественной особенностью религиотопонимии является повторение самих онимов, а также основ наименований при различении структурно-словообразовательных моделей оформления агитопонимов, объясняемое регулярными повторами в названиях храмов, церквей, монастырей, что связано с ограниченным количеством великих, «двенадцатых» православных праздников, в честь которых возводились храмы и во время которых храмы освящались и получали свою икону. Так, в нижегородской топонимической системе зафиксированы *с. Богородское* (в 5-ти районах), *с. Знаменка* (в 3-х районах), *с. Знаменское* (в 2-х районах), *с. Ильинское* (в 3-х районах), *с. (д. п.) Покровка* (в 8-ми районах), *с. Покровское* (в 2-х районах), *с. (д.) Спасское* (в 5-ти районах), *с. Троицкое* (в 4-х районах), *п. Успенский* (в 3-х районах), *с. (д.) Успенское* (в 5-ти районах) и др. Повторы агитопонимов объясняются и небольшим количеством особо почитаемых святых. Например, Преподобный Макарий, инок Печерского монастыря Нижнего Новгорода, основавший в 1435 г. Макарьевский Желтоводский монастырь, почитаем в Нижегородской области, о чём свидетельствуют многочисленные религиоонимы: *с. Макарий* (Варнавинский *р-н*), *д. Макариха* (Богородский, Семёновский *р-ны*), *д. Макарово* (Шарангский *р-н*), *п. Макаровка* (Выксунский *р-н*), *д. Макарово* (Борский, Шахунский *р-ны*), *д. Макаровские* (Шарангский *р-н*), *п. Макаровский* (Тоншаевский, Шахунский *р-ны*), *д. Макаришино* (Ковернинский *р-н*), *с. Макарьевское* (Ветлужский *р-н*).

Как отмечает М.В. Горбаневский, «ойконимы, связанные по своему происхождению с терминами и понятиями православной

религии, образованы путем трансономизации. В большинстве случаев перенос имени собственного в поле ойконимии происходил из поля названий церквей, монастырей, часовен, приделов, алтарей и т. д.» [5, с. 13]. Названия, восходящие к агионимам, появились в результате аффиксации, а производящей основой религиоойконима является сокращённая форма названия храма или религиозных праздников, то есть религиоойконим образуется от агионима, лежащего в основе экклезионима: агионим → [экклезионим] → религиоойконим. Приведём примеры: (агионим) *Св. Николай Чудотворец* → (экклезионим) *церковь во имя святого Николая Чудотворца* → (религиоойконим) *с. Никольское* (Арзамасский, Гагинский, Лысковский *р-ны*), *д. Никольское* (Борский, Воротынский, Гордецкий, Шарангский *р-ны*), *п. Никольский* (Лысковский, Первомайский *р-ны*), *д. Николаевка* (Большемурашкинский, Воротынский, Княгининский, Лукояновский, Первомайский, Семёновский, Сергачский, Сосновский, Шарангский *р-ны*), *п. Новая Николаевка* (Гагинский *р-н*), *д. Новониколаевка* (Кстовский *р-н*), *с. Николай-Дар* (Лукояновский *р-н*), *п. Новониколаевский* (Воскресенский, Починковский *р-ны*), *д. Николаево* (Шарангский *р-н*), *с. Новоникольское* (Варнавинский *р-н*), *д. Староникольское* (Воротынский *р-н*); (агионим) *Покров Пресвятой Богородицы* > *Покров* > (экклезионим) *Покровская церковь* > (религиоойконим) *с. Покров* (Гагинский, Княгининский *р-ны*), *д. Покровка* (Арзамасский, Вознесенский, Воротынский, Выксунский, Дивеевский, Ковернинский, Лысковский *р-ны*), *с. Покровка* (Вадский, Лукояновский *р-ны*), *д. Покровское* (Городецкий *р-н*), *с. Покровское* (Семёновский *р-н*), *с. Покров-Майдан* (Воротынский *р-н*), *д. Покров-Полянка* (Сергачский *р-н*) и др.

По мнению С.А. Попова, названия населённых пунктов религиозного происхождения не оригинальны по своей информативности, слабо отражают особенности самого географического объекта, в большинстве случаев, не являясь первичными наименованиями поселения, поскольку многие населённые пункты еще до Октябрьской революции 1917 г. сменили свои самобытные исконные названия на общеупотребительные религионимические [3, с. 153]. Всё это при-

вело к появлению на географической карте одного района большого количества повторяющихся топонимов, например, села (деревни) с названием *Николаевка в Большемурашкинском, Воротынском, Княгининском, Лукояновском, Первомайском, Семёновском, Сергачском, Сосновском, Шарангском районах; Михайловка в Арзамасском, Вознесенском, Выксунском, Княгининском, Краснооктябрьском, Лысковском, Навашином, Перевозском, Сеченовском, Сосновском, Шатковском районах* и др.

Несмотря на это, православные названия географических объектов Нижегородской области за несколько веков своего существования стали неотъемлемой частью культурно-исторического наследия региона. На территории исследуемого региона располагаются 48 районов. В результате анализа названий населённых пунктов Нижегородского края отмечено 286 топонимов, семантика которых связана с религией.

Религиооиконимы Нижегородской области образованы от экклезионимов – собственных имён мест совершения обряда, мест поклонения любой религии; в том числе названий церкви, часовни, креста, монастыря и т. д. Как известно, построенные церкви в населённых пунктах становились духовными центрами, оказывавшими влияние на самосознание жителей окрестных территорий. Своё название церковь получала или в честь святого, или в память о каком-либо церковном событии, библейском празднике. Поэтому среди ойконимов религиозного происхождения, образованных от экклезионимов, выделяются две подгруппы названий: религиооиконимы, у которых в качестве основы используются агеоантропотопонимы, то есть имена святых, и религиооиконимы, восходящие к агеохронотопонимам, то есть названиям церковных праздников [6, с. 122].

На карте Нижегородской области больше всего религиооиконимов образовано от названий церквей, посвящённых святым Русской православной церкви. Высокая частотность названий церквей, содержащих мотив «имена святых», и религиооиконимов, к ним восходящих, объясняется тем, что для русского человека святые представлялись личностями, которые, посветив жизнь истинному почитанию Бога, исполняли все божест-

венные законы, строго следовали предписаниям вероисповедания, потому и обрели Божественную Благодать и звание православных святых. За своё беззаветное служение Всевышнему и ходатайство за весь род людской перед ним православные святые богоугодники были почитаемы в разных областях нашей страны. Ср. использование имён христианских святых в народных наименованиях контаминированных праздников на материале нижегородских говоров [12, с. 397]. Одним из самых почитаемых на Руси святых был Николай Чудотворец, поэтому его имя регулярно встречается в основе топонимов, получивших название от храмонима (имени храма). В Нижегородской области есть или были церкви или приделы, освящённые во имя Николая Чудотворца, и зафиксированы религиооиконимы, восходящие к агиониму Николай Чудотворец: *с. Никольское, д. Никольское, п. Никольский, д. Николаевка, п. Новая Николаевка, д. Новониколаевка, с. Николай-Дар, п. Новониколаевский, д. Николаево, с. Новоникольское, д. Староникольское*. От названий церквей во имя святого Иоанна Богослова образованы названия: *с. Ивановское, д. Ивановская*. Искренне молились в нижегородском регионе Пророку Илии. См., например, проведённый на материале нижегородских говоров анализ структуры и семантики праздника в честь Ильина дня [13, с. 243-249]. Названия церквей во имя Пророка Илии на территории области послужили мотивом образования ойконимов, восходящих к этому агиониму: *с. Ильинское, п. Ильинский, с. Новоильинское, с. Ильинки, д. Ильинка, с. Ильино, д. Ильинская*.

В основе некоторых религиооиконимов лежат не один, а два агионима, то есть церковь, давшая название поселению, посвящена не одному, а двум святым. Особую значимость в русской православной культуре имеют святые апостолы Пётр и Павел. На территории ряда районов Нижегородской области встречаются религиооиконимы в честь каждого из этих святых. Частотными являются названия, производные от агионима Павел: *д. Павлово, д. Павловка, с. Большое Павлово, с. Павловское, с. Павловский*. По названию церкви, освящённой во имя апостола Петра, названы населённые пункты: *с. Петрово, д. Петровка, с. Петряево, д. Но-*

вопетровка, д. Петриха, д. Новопетровка, п. Петровский, с. Петровское.

Для наименования населённых пунктов в Нижегородской области использовались и другие агионимы (агиоантропотопонимы): Василий Великий (*Васильев Враг, Васильевское, Васильево, Васильевка, Малая Васильевка, Большое Васильево*), Сергей Радонежский (*Сергеево, Сергино*), Димитрий Солунский (*Малая-Дмитриевка, Новодмитриевка, Дмитриевское, Краснодмитриевское*), Георгий Победоносец (*Егорьевское, Новоегорьевское, Григорьевский, Георгиевское*), апостол Фома (*Фомино, Фоминка, Фомиха*), Михаил Архангел (*Новомихайловка, Михайловка, Михайловский, Михайлово, Михайловское*), Александр Невский (*Александровка, Александровский, Александровское, Александрово, Красное Александрово*), Алексей Божий человек (*Новоалексеевский, Алексеевка*), Фёдор Ушаков (*Ушаково, Ушаковка*), семья Романовых (*Романово, Романовка*), равноапостольный Кирилл (*Кириллово, Кирилловка*), Илларион Великий (*Илларионово, Ларионово*), Симеон Верхотурский (*Семеново, Семеновский*), Афанасий Великий (*Афанасьево*), Савва Сербский (*Савино*), Филимон Газский (*Филимонцево*), Матрона Московская (*Матренино*), апостол Филипп (*Филиппово*), пророк Моисей (*Моисеевка*), архангел Гавриил (*Гавриловка*), мученик Кондратий (*Кондратьево*), евангелист Матфей (*Большое Матвеево*), Епифаний Кипрский (*Епифанки*), преподобный Исаак (*Исаково*) и др.

Вторую подгруппу религиозно-топонимов составляют ойконимы, восходящие к названиям религиозных праздников. Несмотря на все переименования, происходившие в советское время, на территории Нижегородской области сохранилось много названий данного типа. В проанализированном языковом материале представлены топонимы в честь следующих религиозных праздников:

День святой Троицы: *Троица (Богородский р-н), Троицкое (Княгининский, Воскресенский р-ны), Тепло-Троицкое (Дальнеконстантиновский р-н), Новотроицкое (Починковский р-н), Троицкое 1-е (Вадский р-н), Троицкое 2-е (Вадский р-н)*;

праздник Покрова Пресвятой Богородицы: *Покровка (Арзамасский, Выксунский, Ковернинский, Лукояновский, Лысковский, Се-*

меновский, Воротынский р-ны), Большая Покровская (Борский р-н), Малая Покровская (Борский р-н), Борисово-Покровское (Дальнеконстантиновский р-н), Новопокровское (Ковернинский, Кстовский, Ветлужский р-ны), Покровское (Ковернинский, Семёновский р-ны), Покров-полянка (Сергачский р-н), Покров (Гагинский, Княгининский, Навагинский р-ны), Покров-Майдан (Воротынский р-н);

праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: *Преображенский (Лукояновский, Первомайский р-ны), Преображенка (Вознесенский, Шарангский р-ны), Преображенское (Тоншаевский р-н)*;

праздник Рождества Пресвятой Богородицы или Рождества Христова: *Рождественский Майдан (Арзамасский р-н), Рождественно (Большемурашкинский р-н)*;

праздник Благовещения Пресвятой Богородицы: *Новоблаговещенское (Гагинский р-н), Благовещенка (Кулебакский р-н)*;

праздник Знамения Пресвятой Богородицы: *Знаменка (Большеболдинский, Кулебакский р-ны), Знаменское (Пильнинский, Воскресенский р-ны), Знаменский (Шатковский р-н)*;

Вознесение Господне: *Вознесенское (Вознесенский р-н)*;

Воздвижение Креста Господня: *Воздвиженка (Починковский р-н), Воздвиженское (Воскресенский р-н)*;

Успение Пресвятой Богородицы: *Успенское (Арзамасский, Ковернинский, Воскресенский, Семеновский р-ны), Успенье (Семёновский р-н), Новоуспенское (Ветлужский р-н)*;

праздник Воскресения Христова: *Воскресенское (Сергачский, Тоншаевский р-ны)* и др.

Наиболее частотными оказались религиозно-топонимы, образованные от экклезионимов в честь названий праздников Покрова Пресвятой Богородицы Святой Троицы, Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Однако в номинации населённых пунктов Нижегородской области не все памятные Евангельские события нашли отражение, в частности не отмечены в исследуемом регионе названия в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, Входа Господня в Иерусалим, Крещения Господнего, Святого Богоявления и др.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что репертуар наименований религиозного характера на географической карте Нижегородской области не только показывает, какое влияние церковь распространяла на топонимию, но и служит ярким отражением характера и мировоззрения народа, позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира. Распространённые в онимическом пространстве топонимы, обра-

зованные от культово-религиозных лексем, не только играют роль географических терминов, но и репрезентируют результат познания жителями Нижегородской области объективной действительности. Религиозно-топонимы, являясь «ономастическими знаками» (А.С. Щербак), содержат в семантике культурно-историческую информацию и отражают православно-христианское мироощущение русского человека.

Список литературы

1. Супрун В.И. Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты русской ономастики // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст: материалы Междунар. науч. конф. Тяньцзинь: Тяньцзин. ун-т иностр. яз., 2017. С. 164-171.
2. Щербак А.С. Имя собственное как ономастический знак // Экология языка и речи: материалы 5 Междунар. науч. конф. / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 286-289.
3. Попов С.А. Православные названия на карте Воронежской области // Православный учёный в современном мире: проблемы и пути их решения: материалы Междунар. науч. конф., проведённой по благословению Митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия: в 2 ч. / Отраденское объединение православных ученых. Воронеж: Изд. О.Ю. Алейников, 2013. Ч. 2. С. 151-153.
4. Гомырова Ю.Ю. Комонимы на основе религиозной лексики на материале Ярославской области // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 1. С. 150-154.
5. Горбаневский М.В. Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: русские топонимы и православие // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР, 1989.
6. Бугаева И.В. Агиотопонимы: частный случай отражения ментальности в географических названиях // *Respectus Philologicus*. 2006. № 10 (15). С. 119-130.
7. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Общие проблемы ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / науч. ред.: В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин Олег Григорьевич», 2017. С. 1-51.
8. Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 45-96.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 192 с.
10. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
11. Климова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
12. Никифорова О.В. Антропонимы в названиях контаминированных праздников (на материале нижегородского народного календаря) // Ономастика Поволжья: материалы 15 Междунар. науч. конф. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 396-400.
13. Никифорова О.В. Структурно-семантическое оформление календарного праздника в честь Дня пророка Илии в нижегородских говорах // Карповские чтения: сб. ст. Вып. 7. Арзамас: Арзамас. фил. ННГУ, 2017. С. 243-249.

References

1. Suprun V.I. Lingvokul'turologicheskiye i lingvodidakticheskiye aspekty russkoy onomastiki [Linguocultural and linguodidactical aspects of Russian Onomastics]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoye soznaniye, kommunikatsiya, tekst»* [Proceedings of International Scientific Conference "Values in Linguocultural Aspect: Linguistic Consciousness, Communication, Text"]. Tianjin, Tianjin Foreign Studies University Publ., 2017, pp. 164-171. (In Russian).
2. Shcherbak A.S. Imya sobstvennoye kak onomasticheskiy znak [Proper name as an onomastics sign]. *Materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of the 5th International Scientific Conference "Ecology of Language and Speech"]. Tambov, Print-Servis Publ., 2016, pp. 286-289. (In Russian).
3. Popov S.A. Pravoslavnyye nazvaniya na karte Voronezhskoy oblasti [Orthodox names on map of Voronezh Region]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, provedennoy po blagosloveniyu Mitropolita*

- Voronezhskogo i Borisoglebskogo Sergiya «Pravoslavnyy uchenyy v sovremennom mire: problemy i puti ikh resheniya»: v 2 ch.* [Proceedings of International Scientific Conference Held with Blessing of Metropolitan of Voronezh and Borisoglebsk Sergiy “Orthodox Scientist in the Modern Worlds”: in 2 pts]. Voronezh, O.Y. Aleynikov Publ., 2013, pp. 151-153. (In Russian).
4. Gomyrova Y.Y. Komonimy na osnove religioznoy leksiki na materiale Yaroslavskoy oblasti [Komonims on the Basis of the Religious Lexicon on the Material of the Yaroslavl Region]. *Yaroslavskiy pedagogicheskyy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 150-154. (In Russian).
 5. Gorbanevskiy M.V. Iz opyta kul’turno-istoricheskogo analiza toponimii: russkiye toponimy i pravoslaviye [From the experience of cultural and historical toponyms analysis: Russian toponyms and Orthodox]. *Toponimiya i obshchestvo* [Toponymy and Society]. Moscow, Moscow Branch of Geographic Society of the USSR Publ., 1989. (In Russian).
 6. Bugayeva I.V. Agiotoponimy: chastnyy sluchay otrazheniya mental’nosti v geogra-ficheskikh nazvaniyakh [Agiotoponyms: private way of reflecting mentality in geographical names]. *Respectus Philologicus*, 2006, no. 10 (15), pp. 119-130. (In Russian).
 7. Madiyeva G.B., Suprun V.I. Obshchiye problemy onomastiki [Main onomastics issues]. In: V.I. Suprun, S.V. Ilyasova (scientific ed.). *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Studies on Onomastics and Derivatology]. Maykop, “Magarin Oleg Grigoryevich” Publ., 2017, pp. 1-51. (In Russian).
 8. Selishchev A.M. Iz staroy i novoy toponimii [From old and new toponymy]. In: Selishchev A.M. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1968, pp. 45-96. (In Russian).
 9. Podolskaya N.V. *Slovar’ russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastics Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 192 p. (In Russian).
 10. Superanskaya A.B. *Chto takoye toponimika?* [What is toponymy?]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 182 p. (In Russian).
 11. Klimkova L.A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoy kartine mira* [Nizhny Novgorod Microtoponymy in Language Worldview]. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2007, 394 p. (In Russian).
 12. Nikiforova O.V. Antroponimy v nazvaniyakh kontaminirovannykh prazdnikov (na materiale nizhegorodskogo narodnogo kalendarya) [Anthroponyms in contaminated holidays names (as exemplified in Nizhny Novgorod calendar)]. *Materialy 15 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika Povolzh’ya»* [Proceedings of 15th International Scientific Conference “Povolzhye Onomastics”]. Arzamas, Sarov, Interkontakt Publ., 2016, pp. 396-400. (In Russian).
 13. Nikiforova O.V. Strukturno-semanticheskoye oformleniye kalendarnogo prazdnika v chest’ Dnya proroka Ilii v nizhegorodskikh govorakh [Structure and semantics design of calendar holiday in honor to Elijah’s Day in Nizhny Novgorod Dialects]. *Karpovskiy chteniye* [Karpovskiy Readings]. Arzamas, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch Publ., 2017, issue 7, pp. 243-249. (In Russian).

Информация об авторе

Никифорова Ольга Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, г. Арзамас, Нижегородская область, Российская Федерация. E-mail: snegaovnik@rambler.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, обработка данных, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4463-9792>

Поступила в редакцию 22.06.2019 г.

Поступила после рецензирования 29.07.2019 г.

Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the author

Olga V. Nikiforova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Literature Department. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch, Arzamas, Nizhny Novgorod Region, Russian Federation. E-mail: snegaovnik@rambler.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, data processing, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4463-9792>

Received 22 June 2019

Reviewed 29 July 2019

Accepted for press 9 September 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-491-501
УДК 81.373.21

О роли законодательных органов государственной власти субъектов РФ в регулировании топонимической номинации

Сергей Александрович ПОПОВ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>, e-mail: spo@bk.ru

On the role of legislative bodies of state power of subjects of the Russian Federation in toponymical naming regulation

Sergey A. POPOV

Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>, e-mail: spo@bk.ru

Аннотация. Представлено исследование законодательного регулирования топонимических процессов в субъектах Российской Федерации с 1994 г. по настоящее время на примере Воронежской области. Проанализированы нормативные правовые акты Воронежской области, изменившие топонимическую систему региона (переименование, упразднение, объединение, изменение статуса отдельных населённых пунктов, изменение границ муниципальных образований). Цель исследования – на примере Воронежской областной Думы, являющейся постоянно действующим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Воронежской области, показать роль законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в регулировании номинационных процессов в региональной топонимии. Сделан вывод, что необходимо установить единые правила, нормы и требования к наименованиям географических объектов, отступление же от установленных правил создаёт неудобства для населения и инвесторов, осложняет работу государственных органов и органов местного самоуправления. В заключение отмечено, что не все официальные изменения в топонимиконе Воронежской области отражены в современных региональных справочниках и топонимических словарях, не всегда указывались полные реквизиты того или иного нормативного правового акта, в соответствии с которым населённый пункт изменил свой статус, был наименован или переименован, поэтому в настоящее время возникла необходимость подготовки и издания «Топонимического словаря Воронежской области», учитывающего указанные изменения.

Ключевые слова: топонимия; номинация; топонимическое законодательство; законодательные органы государственной власти; субъект Российской Федерации

Для цитирования: Попов С.А. О роли законодательных органов государственной власти субъектов РФ в регулировании топонимической номинации // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 491-501. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-491-501

Abstract. We present a study of legislative regulation of toponymical processes in the subjects of the Russian Federation from 1994 to the present as exemplified Voronezh Region. We analyze regulatory legal acts of the Voronezh Region, which changed the toponymical system of the region (renaming, abolishing, merging, changing the status of individual settlements, changing the boundaries of municipalities). The purpose of the study is to show the role of legislative (representative) bodies of state power of the subjects of the Russian Federation in regulating naming processes in regional toponymy using the example of the Voronezh Regional Duma, which is a permanently acting supreme and the only legislative (representative) body of state power in the Voronezh Region. We conclude that it is necessary to establish uniform rules, norms and require-

ments for the names of geographic objects, the deviation from the established rules creates inconvenience for the population and investors, complicates the work of state bodies and local governments. In conclusion, we note that there are not all official changes of the Voronezh Region toponymicon in modern regional reference books and toponymical dictionaries, also there are not always the full details of a given regulatory legal act, according to which the settlement changed its status, was named or renamed, therefore it has become necessary nowadays to prepare and publish the "Toponymical Dictionary of the Voronezh Region", which takes into account mentioned changes.

Keywords: toponymy; naming; toponymical legislation; legislative bodies of state power; subject of the Russian Federation

For citation: Popov S.A. O roli zakonodatel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'yektov RF v regulirovani topomicheskoy nominatsii [On the role of legislative bodies of state power of subjects of the Russian Federation in toponymical naming regulation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 491-501. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-491-501 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Топонимия субъектов Российской Федерации формировалась на протяжении многих веков. Отражая основные этапы освоения и заселения определённой территории, региональные топонимические системы претерпевали как количественные, так и качественные изменения: с момента основания населённых пунктов одни названия сохранились неизменными, другие исчезли вместе с населёнными пунктами, третьи названия продолжили жизнь, но уже в качестве других типов объектов. Ряд населённых пунктов получил новые наименования.

Основоположник отечественной топонимики В.А. Никонов отмечал, что географическое название – это «история, выраженная средствами языка... Историзм – не одна из группочек названий, а основа всех названий. Только история побуждает обращаться к географическим признакам или, например, к личным именам...» [1, с. 26].

И если на раннем этапе становление топонимической системы происходило естественным путём, не подвергаясь определённым официальным директивам и запретам (названия населённых пунктов могли спонтанно меняться в течение короткого периода времени, например, в связи со сменой владельца или при постройке храма, параллельно могло существовать несколько названий одного и того же населённого пункта и т. д.), то в настоящее время ход топонимических процессов строго регулируется законодательством.

Топонимы подлежат охране государством, нарушение установленных правил присвоения или употребления наименований

географических объектов влечёт наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей¹.

Как заметил Н.А. Ломакин, «идея борьбы за название <...> предполагает наличие регулирующего органа, узаконивающего одно название и оставляющего «за бортом» другие. Именно в XX веке государственная регламентация названий стала реальностью даже в самых глухих регионах планеты. Включение государства в процесс принятия решений о названии предполагает регулирование его законодательным образом» [2, с. 19-20].

Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов, сложившаяся в современной России, подробно рассмотрена консультантом Управления топографо-геодезических и картографических работ Федерального агентства геодезии и картографии РФ, ответственным секретарём Комиссии по географическим названиям, образованной Минтрансом России, действительным членом Русского географического общества М.Н. Морозовой [3].

Наименования географических объектов находятся в исключительном ведении Российской Федерации². Федеральный закон «О

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.05.2019). Ст. 19.10. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 17.06.2019).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Пункт р) ст. 71. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.06.2019).

наименованиях географических объектов»³ устанавливает правовые основы деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также нормализации, употребления, регистрации, учёта и сохранения наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации.

По мнению Н.А. Ломакина, «важнейшим представлением, определяющим всю стратегию регламентации названий в законодательстве, является топоним. Какова его главная функция, какую реальность он отражает и должен отражать? Разумеется, прямого ответа на эти вопросы, находящиеся где-то между философией, этикой и юридически оформленными нормами, в законах найти не удастся. Но ответы на них необходимы для каждого, кто этот закон пишет. В преамбуле законов, в их отдельных формулировках отношение к названию и его функциям присутствует имплицитно» [2, с. 22].

В соответствии со статьёй 6.1 Федерального закона «О наименованиях географических объектов» существующие наименования географических объектов выявляются на основании нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, статистических данных, данных официальных картографических и справочных изданий, иных источников, а также посредством опроса населения соответствующих территорий, опроса краеведов и других специалистов.

Статья 9 указанного закона определяет порядок присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов. В частности, предложения о присвоении наименований географическим объектам или о переименовании географических объектов могут вноситься органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также общественными объединениями, юридиче-

скими лицами, гражданами Российской Федерации.

Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации рассматривают указанные предложения, информируют население соответствующих территорий о необходимых затратах и выявляют его мнение об указанных предложениях в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации.

Указанные предложения (в случае одобрения законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации), документы, обосновывающие указанные предложения, и расчёты необходимых затрат направляются законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации на экспертизу в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти.

По подсчётам М.Н. Морозовой, «за время действия Федерального закона «О наименованиях географических объектов» с учётом положительного экспертного заключения Роскартографии по рассмотренным предложениям (по состоянию на 1 сентября 2007 г.) общее количество принятых нормативных правовых актов о присвоении наименований географическим объектам и переименовании географических объектов составляет 77 (5 федеральных законов и 72 постановления Правительства Российской Федерации), включающих в себя 812 предложений о присвоении наименований географическим объектам (609 предложений) и о переименовании географических объектов (203 предложения). При этом число поступивших предложений о присвоении наименований географическим объектам и их переименовании на экспертизу значительно больше принятых, что связано с отрицательным заключением» [3, с. 266-267]. В 2008–2009 гг. по представлению законодательных органов субъектов Российской Федерации Правительством Российской Федерации были приняты решения о переименовании 42 населённых пунктов в 10 субъектах Российской Федерации⁴.

³ О наименованиях географических объектов: федеральный закон от 18.12.1997 № 152-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17122/ (дата обращения: 17.06.2019).

⁴ Официальный отзыв Правительства РФ от 21.04.2010 № 1798п-П9 «На проект Федерального за-

Региональное законодательство субъектов Российской Федерации также регулирует вопросы, связанные с топонимией. В соответствии с главой II, статьёй 5 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁵ одним из основных полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ устанавливается административно-территориальное устройство субъекта Российской Федерации и порядок его изменения (законом субъекта Российской Федерации), утверждается соглашение об изменении границ субъектов Российской Федерации (постановлением законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

Организационно-правовое оформление законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации приходится на 1993–1995 гг., поскольку в период с декабря 1993 г. по март 1994 г. в соответствии с Указом Президента РФ были проведены выборы в представительные (законодательные) органы государственной власти краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации⁶.

Воронежская областная Дума функционирует с марта 1994 г., в связи с чем нами рассматриваются основные нормативные правовые акты в сфере административно-

территориального устройства Воронежской области, принятые региональным парламентом за последние 25 лет в период с 1994 по 2019 г.

В соответствии со статьёй 27 Устава Воронежской области Воронежская областная Дума является постоянно действующим высшим и единственным законодательным (представительным) органом государственной власти Воронежской области, к одному из полномочий Воронежской областной Думы относится установление административно-территориального устройства Воронежской области и порядка его изменения⁷.

В 1995 г. был принят Закон Воронежской области от 17 мая 1995 г. № 15-з «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области» (ред. от 16 февраля 2000 г.), который в 2006 г. утратил силу в связи с принятием Закона Воронежской области «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения»⁸, в настоящее время являющегося одним из основных нормативных правовых актов Воронежской области в сфере регулирования топонимических процессов на территории региона. Указанный Закон Воронежской области устанавливает административно-территориальное устройство Воронежской области, порядок образования, реорганизации и упразднения территориальных единиц, компетенцию органов государственной власти Воронежской области в решении вопросов административно-территориального устройства Воронежской области и не распространяется на порядок образования, реорганизации и упразднения муниципальных образований, установления и изменения их границ и наименований.

Статья 3 указанного Закона Воронежской области устанавливает принципы административно-территориального устройства, которое основывается на следующих принципах:

⁷ Устав Воронежской области от 7.06.2006 (принят Воронежской областной Думой 25.05.2006). URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_voroneg/ (дата обращения: 17.06.2019).

⁸ Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения: Закон Воронежской области от 27.10.2006 № 87-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802081594> (дата обращения: 17.06.2019).

кона № 302813-5 «О моратории на переименование республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, а также городов и других населённых пунктов Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=82108#019907112697557205> (дата обращения: 17.06.2019).

⁵ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 17.06.2019).

⁶ Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 22.10.1993 № 1723 (утратил силу). URL: <https://constitution.garant.ru/history/active/10102783/> (дата обращения: 17.06.2019).

1) учёта исторически сложившейся системы расселения в Воронежской области и тенденций её развития;

2) территориального единства;

3) создания правовых, экономических, финансовых и организационных условий для формирования и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, участия населения в их работе;

4) учёта природно-географических условий;

5) учёта сложившейся системы экономического районирования;

6) рационального использования природных ресурсов и экономического потенциала территории, развития системы коммуникаций;

7) развития социальной инфраструктуры, культурно-бытовых традиций и исконных видов хозяйственной деятельности населения.

Согласно статье 4 указанного Закона Воронежской области Воронежская областная Дума осуществляет нормативно-правовое регулирование по вопросам:

1) определения административно-территориального устройства;

2) образования, реорганизации и упразднения административно-территориальных единиц, установления и изменения их границ;

3) определения и изменения административных центров муниципальных районов и сельских поселений;

4) образования, реорганизации и упразднения территориальных единиц;

5) рассмотрения предложений о присвоении наименований и о переименовании административно-территориальных (территориальных) единиц в порядке, предусмотренном действующим федеральным законодательством.

Согласно статье 9 указанного Закона Воронежской области выделяются следующие виды изменения административно-территориального устройства:

1) установление и изменение границ административно-территориальных и территориальных единиц;

2) определение и изменение административных центров административно-территориальных единиц;

3) образование, реорганизация, упразднение административно-территориальных единиц;

4) образование, реорганизация, упразднение территориальных единиц, установление и изменение их границ;

5) присвоение наименования административно-территориальным и территориальным единицам и переименование административно-территориальных и территориальных единиц.

Приложением к настоящему Закону Воронежской области является Реестр «Административно-территориальное устройство Воронежской области», который представляет собой перечень административно-территориальных и территориальных единиц (населённых пунктов) Воронежской области. В соответствии с пунктом 5 статьи 6 указанного Закона Воронежской области Реестр ежегодно издаётся в виде справочника уполномоченным органом по вопросам административно-территориального устройства (в настоящее время таким органом является департамент архитектуры и строительства Воронежской области). Реестр предназначен для удобства в работе органов государственной власти в части определения (уточнения) точного наименования (адреса), численности населения населённых пунктов, городских и сельских поселений, городских округов и муниципальных районов Воронежской области.

По состоянию на 1 декабря 2018 г. число административно-территориальных единиц (муниципальных образований) Воронежской области – 479, в том числе: 31 муниципальный район, 3 городских округа, 28 городских поселений, 417 сельских поселений. Всего населённых пунктов – 1731, в том числе городских населённых пунктов – 32 (15 городов, 4 посёлка городского типа, 13 рабочих посёлков), число сельских населённых пунктов – 1699 (516 посёлков, 705 сёл, 13 слобод, 69 деревень, 393 хутора, 3 станции)⁹.

Закон Воронежской области «О порядке рассмотрения предложений о присвоении наименований географическим объектам,

⁹ Реестр «Административно-территориальное устройство Воронежской области» (по состоянию на 1 декабря 2018 г.): справочник. Воронеж: АО «Воронеж. обл. типография», 2018.

расположенным на территории Воронежской области, или о переименовании таких географических объектов»¹⁰ устанавливает порядок рассмотрения Воронежской областной Думой предложений о присвоении наименований географическим объектам, расположенным на территории Воронежской области, или о переименовании таких географических объектов, информирования населения муниципальных образований Воронежской области, на территории которых расположены такие географические объекты, о необходимых затратах и выявления мнения населения об указанных предложениях.

Топонимические процессы в Воронежской области продолжают движение во времени и в языковом развитии. За последние 25 лет в исследуемом регионе менялись границы населённых пунктов, поселений и муниципальных образований, географические названия исчезали вместе с географическими объектами, появлялись новые населённые пункты, переименовывались существующие, уточнялось написание названий отдельных населённых пунктов. Однако это не стихийный процесс, все изменения зафиксированы региональными законами или постановлениями Воронежской областной Думы.

Определимся с основными понятиями, используемыми в региональном топонимическом законодательстве¹¹.

Административно-территориальная единица Воронежской области (далее – АТЕ) – часть территории Воронежской области в фиксированных границах, совпадающих с границами муниципального образования. АТЕ являются муниципальный район, городской округ, городское поселение, сельское поселение.

Территориальная единица Воронежской области (далее – ТЕ) – городской или

сельский населённый пункт, имеющий сосредоточенную застройку и служащий постоянным или временным местом проживания людей.

Образование административно-территориальной (территориальной) единицы (далее – АТ(Т)Е) – возникновение на территории Воронежской области АТ(Т)Е.

Реорганизация АТ(Т)Е выражается в следующих формах: слияние, присоединение, выделение, разделение и преобразование, а именно:

- *в форме слияния*: территориальное объединение двух и более АТ(Т)Е, в результате которого образуется новая АТ(Т)Е, а объединяемые АТ(Т)Е упраздняются; вновь образованной ТЕ присваивается категория ТЕ и наименование (в качестве которого может быть присвоено одно из наименований объединённых ТЕ – преимущественно наименование ТЕ с наибольшей численностью населения и более развитой инфраструктурой);

- *в форме присоединения*: территориальное присоединение к АТ(Т)Е одной и более АТ(Т)Е, в результате которого присоединяемые АТ(Т)Е упраздняются; ТЕ, к которой присоединяются другие ТЕ, сохраняет свою категорию и наименование;

- *в форме выделения*: территориальное выделение части территории АТ(Т)Е, в результате которого из одной АТ(Т)Е образуется одна или более новых АТ(Т)Е, при этом АТ(Т)Е, из которой выделяется часть её территории, сохраняет свою категорию и наименование;

- *в форме разделения*: территориальное разделение АТ(Т)Е, в результате которого из одной АТ(Т)Е образуются две или более новых АТ(Т)Е, а разделяемая АТ(Т)Е упраздняется;

- *в форме преобразования*: изменение категории АТ(Т)Е; не влечет за собой изменения её наименования.

Упразднение АТЕ или ТЕ – ликвидация АТЕ или ТЕ в установленном законодательством порядке; производится в случаях отсутствия в них зарегистрированного в установленном законодательством порядке населения и находящегося в собственности физических и юридических лиц недвижимого имущества.

¹⁰ О порядке рассмотрения предложений о присвоении наименований географическим объектам, расположенным на территории Воронежской области, или о переименовании таких географических объектов: Закон Воронежской области от 25.11.2016 № 153-ОЗ. URL: <http://pravo.govrn.ru/content/закон-воронежской-области-от-25112016-№-153-оз> (дата обращения: 17.06.2019).

¹¹ Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения: Закон Воронежской области от 27.10.2006 № 87-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802081594> (дата обращения: 17.06.2019).

Выделим основные направления деятельности Воронежской областной Думы в сфере нормативно-правового регулирования топонимической номинации в регионе (нами не ставилась задача анализа всех принятых региональных нормативных правовых актов указанной тематики, конкретные примеры приводятся для иллюстрации основных направлений).

1. Образование административно-территориальных и территориальных единиц

В 1996 г. вновь возникшему на территории акционерного общества закрытого типа «Яменское» Рамонского района населённому пункту присвоено наименование «посёлок *Солнечный*»¹², в 2000 г. поддержано предложение Аннинского районного Собрания депутатов о присвоении вновь возникшему населённому пункту на территории Верхнетойденского сельсовета наименования – хутор *Фоминовка*¹³, в 2005 г. застроенной территории в районе центральной усадьбы ОПХ «Таловское» в Васильевском сельском поселении Таловского муниципального района придан статус сельского населённого пункта – посёлка и поддержано предложение Совета народных депутатов Васильевского сельского поселения Таловского муниципального района о присвоении посёлку наименования «*Светлый*»¹⁴.

2. Реорганизация административно-территориальных (территориальных) единиц

2.1. В форме слияния. В 1998 г. с учётом фактического слияния слободы Калач и посёлка первого отделения совхоза «Заброденский» образовавшийся населённый пункт Калачеевского района назван селом *Заброды*;

с учётом фактического слияния посёлков второго и третьего отделений совхоза «Калачеевский» образовавшийся населённый пункт Калачеевского района назван посёлком *Колос*¹⁵.

2.2. В форме присоединения. В 2004 г. хутор Забочевка и хутор Ясиновка Марьевского сельсовета Ольховатского района Воронежской области объединены в один населённый пункт, за укрупнённым населённым пунктом сохранилось наименование «хутор Ясиновка Марьевского сельсовета Воронежской области»¹⁶. В 2010 г. реорганизованы территориальные единицы городского округа город Воронеж: рабочий посёлок *Краснолесный*, рабочий посёлок *Придонской*, рабочий посёлок *Сомово*, рабочий посёлок *Шилово*, посёлок *Водокачка*, посёлок *им. Будённого*, посёлок *Первое Мая*, село *Малышево*, село *Масловка*, село *Никольское*, село *Подгорное*, село *Подклетное*, посёлок *Подклетный*, посёлок *Подпольное*, посёлок *Полыновка*, посёлок *Репное*, село *Репное*, село *Семилукские Выселки*, посёлок *Семилукского лесхоза*, село *Таврово*, посёлок *Толиши*, посёлок *Чистое* в форме их присоединения к городу Воронежу¹⁷. В настоящее время некоторые из них являются микрорайонами городского округа город Воронеж: *Сомово*, *Репное*, *Краснолесный* (в составе Железнодорожного района), *Масловка*, *Никольское* (в составе Левобережного района), *Первое Мая*, *Придонской*, *Подклетное*, *Малышево*, *Тенистый*, *Шилово* (в составе Советского района).

2.3. В форме выделения. С 1999 г. в Петропавловском районе улицы Советская и А. Шестакова села Глубокое считаются се-

¹² О регистрации вновь возникшего населённого пункта на территории Рамонского района: постановление Воронежской областной Думы от 5.09.1996 № 520 // ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 78.

¹³ О присвоении наименования вновь возникшему населённому пункту на территории Аннинского района: постановление Воронежской областной Думы от 28.12.2000 № 1806-II-ОД // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 266.

¹⁴ О придании застроенной территории в Васильевском сельском поселении Таловского муниципального района Воронежской области статуса сельского населённого пункта – посёлка и о его наименовании: постановление Воронежской областной Думы от 26.05.2005 № 98-IV-ОД. URL: <http://list.vrnoblдума.ru/tyros/postanovlenija/?2005> (дата обращения: 17.06.2019).

¹⁵ Об объединении, переименовании и внесении уточнений в наименование некоторых населённых пунктов Калачеевского района: постановление Воронежской областной Думы от 25.09.1998 № 591-II-ОД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424073997> (дата обращения: 17.06.2019).

¹⁶ Об объединении хутора Забочевка и хутора Ясиновка Марьевского сельсовета Ольховатского района Воронежской области: постановление Воронежской областной Думы от 08.07.2004 № 908-III-ОД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469711921> (дата обращения: 17.06.2019).

¹⁷ О реорганизации территориальных единиц городского округа город Воронеж в форме их присоединения к городу Воронежу: Закон Воронежской области от 24.12.2010 № 136-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469702421> (дата обращения: 17.06.2019).

лом *Дедовка*, улица Приозёрная села Глубокое – селом *Дедовочка*, улица Радченко села Новый Лиман – хутором *Котовка* Новолиманского сельсовета¹⁸.

2.4. В форме разделения. В 2000 г. село Никольское, расположенное на территории сельсоветов Никольский 1-й и Никольский 2-й Воробьёвского района, разделено на два населённых пункта, каждому из них определена территория – село; сёлам присвоены наименования Никольское 1-е и Никольское 2-е; населённый пункт село Никольское исключён из учётных данных Воробьёвского района Воронежской области¹⁹.

2.5. В форме преобразования. В 2005 г. изменён статус следующих населённых пунктов: «посёлок Тулущеевка» (Колодеевское сельское поселение Бутурлиновского района – на «село Тулущеевка»; «село Ситниково», «хутор Кириченко» (Тхоревское сельское поселение Каменского района) – соответственно на «хутор Ситниково», «село Кириченко»; «хутор Переезжее» (Щучинское сельское поселение Лискинского района) – на «село Переезжее»; «посёлок Дальнее Ляпино» (Латненское сельское поселение Семилукского района) – на «село Дальнее Ляпино»²⁰.

3. Упразднение административно-территориальных или территориальных единиц

В первые годы деятельности Воронежской областной Думы в постановлениях уп-

разднение населённых пунктов изначально именовалось «исключением из учётных данных населённых пунктов в связи с тем, что жители из них выехали, а строения отсутствуют». По указанной причине были упразднены посёлок *Новомихайловка* Верхнемазовского сельсовета, посёлок *Успеновка* Сухоговского сельсовета, посёлки *Нововведенка* и *Новотроицкое* Верхнехавского сельсовета Верхнехавского района²¹, посёлки *Таловый* и *Утиновка* Алешковского, посёлок *Бочарников* Терновского сельсоветов Терновского района²² и др.

С 2012 г. на территории Воронежской области «здания, строения, сооружения, являющиеся объектами служебного назначения (железнодорожные будки, разъезды, кордоны, дома лесников, бакенщиков, другие объекты, связанные с обслуживанием транспорта, охраной путей сообщения, электроснабжения, метеостанции, полевые станы и т. д.), а также одиночные дома, не составляющие отдельные территориальные единицы, относятся к ближайшей территориальной единице в границах административно-территориальной единицы, на территории которой расположены такие объекты»²³. В результате перестали существовать названия *4 км Рамонской ветки*, *Площадка 600 км*, *Блочная 663 км*, *Железнодорожная казарма 169 км*, *ж/д разъезд Избище*, *ж/д станция Мазурка* и др. Тем не менее, в настоящее время в Воронежской области существуют в качестве самостоятельных населённых пунктов три станции: *Гартмашевка* (Кантемировский район), *Половцево* (Новохопёрский район), *Поляна* (Поворинский район).

4. Присвоение наименования административно-территориальным и территориальным единицам и переименование

²¹ Об исключении из учётных данных некоторых населённых пунктов Верхнехавского района: постановление Воронежской областной Думы от 06.07.1995 № 215 // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 41.

²² Об исключении из учётных данных населённых пунктов Терновского района: постановление Воронежской областной Думы от 02.07.1997 № 87-II-ОД // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 121.

²³ О внесении изменения в статью 11 закона Воронежской области «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения»: Закон Воронежской области от 08.06.2012 № 66-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469709671> (дата обращения: 17.06.2019).

¹⁸ О возвращении прежних исторических названий населённым пунктам Новолиманского сельсовета Петропавловского района: постановление Воронежской областной Думы от 25.11.1999 № 1140-II-ОД // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 216.

¹⁹ О переименовании населённых пунктов Воробьёвского района Воронежской области: Постановление Воронежской областной Думы от 28.12.2000 № 1804-II-ОД // ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 266; О присвоении наименований географическим объектам и переименовании географических объектов в Республике Саха (Якутия), Краснодарском и Красноярском краях, Воронежской, Иркутской, Калужской, Кировской, Московской, Новгородской и Ярославской областях: постановление Правительства Российской Федерации от 21.08.2001 № 610. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901795581> (дата обращения: 17.06.2019).

²⁰ Об изменении статуса отдельных населённых пунктов Воронежской области: постановление Воронежской областной Думы от 23.11.2005 № 269-IV-ОД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441729528> (дата обращения: 17.06.2019).

административно-территориальных и территориальных единиц

Полномочия Воронежской областной Думы в данном направлении ограничены рассмотрением предложений о присвоении наименований и о переименовании административно-территориальных (территориальных) единиц в порядке, предусмотренном действующим федеральным законодательством. В случае инициирования вопроса о присвоении наименования или переименовании АТ(Т)Е, расположенных на территории Воронежской области, Воронежской областной Думой принимается решение о проведении процедуры выявления мнения населения соответствующей территории в соответствии с Законом Воронежской области «О порядке рассмотрения предложений о присвоении наименований географическим объектам, расположенным на территории Воронежской области, или о переименовании таких географических объектов». Порядок обращения по вопросам наименования, переименования АТ(Т)Е определен указанным Законом Воронежской области.

Проиллюстрируем указанный механизм конкретным примером. В 2014 г. село Старомеловая Старомеловатского сельского поселения Петропавловского района переименовано в село Старая Меловая: вначале областной Думой было принято постановление о назначении процедуры выявления мнения населения с 28 февраля по 28 марта 2014 г.²⁴, затем одобрено предложение Совета народных депутатов Старомеловатского сельского поселения Петропавловского муниципального района о переименовании географического объекта – села Старомеловая в село Старая Меловая²⁵, и в соответствии с распоряже-

нием Правительства РФ от 3 ноября 2014 г. № 2186-р на основании предложения Воронежской областной Думы было переименовано расположенное в Петропавловском муниципальном районе Воронежской области село Старомеловая в село Старая Меловая.

При исследовании региональной топонимии выявляется проблема нормализации наименований географических объектов. С января 2017 г., с вступлением в силу федерального закона «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁶, одной из функций федерального государственного надзора в области геодезии и картографии стал контроль за соблюдением установленных законодательством РФ о наименованиях географических объектов правил употребления наименований географических объектов в документах, картографических и иных изданиях, на дорожных и иных указателях. Установление единых требований, правил и норм в области наименований географических объектов необходимо для обеспечения работы органов государственной власти и органов местного самоуправления. Нарушение законодательства приводит к несоответствию данных, имеющихся в различных структурах органов государственной власти и органов местного самоуправления, в органах архитектуры и градостроительства, паспортно-визовой службе, органах государственной регистрации прав и кадастрового учета, органах ЗАГС и других.

В рамках осуществления государственного геодезического надзора за соблюдением установленных законодательством РФ о наименованиях географических объектов, правил употребления наименований географических объектов Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Воронежской области в 2018 г. выявлено, что в соответствии с административно-территориальным устройством в регионе насчитывается 1731 населённый пункт. Между тем, в отношении 39-ти

²⁴ О выявлении мнения населения о переименовании географического объекта – села Старомеловая Старомеловатского сельского поселения Петропавловского муниципального района Воронежской области в село Старая Меловая: постановление Воронежской областной Думы от 27.02.2014 № 1841-V-ОД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441723404> (дата обращения: 17.06.2019).

²⁵ О переименовании географического объекта – села Старомеловая Старомеловатского сельского поселения Петропавловского муниципального района Воронежской области в село Старая Меловая: постановление Воронежской областной Думы от 05.06.2014 № 2007-V-ОД. URL: <http://pravo.gov.ru/?q=node/2593> (дата обращения: 17.06.2019).

²⁶ О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2015 № 431-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40372> (дата обращения: 17.06.2019).

употребляются наименования, которые имеют расхождения в форме написания с наименованиями, зарегистрированными в Государственном каталоге географических названий. В написании названий 68 населённых пунктов (таких, как Зеленёвка, Берёзовка, Зелёный Луг, Мечётка и т. п.) используется буква «ё», однако в ранее изданных справочниках об административно-территориальном делении Воронежской области за 1959, 1972 и 1982 гг. употребляется буква «е». Решений же Правительства РФ в части установления наименований таким населённым пунктам с буквой «ё» не принималось, поэтому в Государственном каталоге указанные ойконимы зарегистрированы с буквой «е»²⁷.

По наблюдениям И.А. Дамбуева, «мониторинг нормализационных процессов в российской топонимии на материале Государственного каталога географических названий свидетельствует, во-первых, о том, что употребление/неупотребление буквы ё в топонимах является одной из устойчивых причин их орфографического варьирования, во-вторых, что принятие решений по нормализации данного явления осуществляется на уровне субъекта РФ и может быть различным в разных субъектах» [4, с. 241]. По мнению А.В. Барандеева, «вполне очевидно, что в целях успешной коммуникации употребле-

ние буквы ё в русских и заимствованных топонимах должно быть строго обязательным, реализованным и орфоэпически, и в текстах различного функционального назначения, в том числе на географических картах. В противном случае неизбежны коммуникативные помехи и сбои, хотя в целом пласт таких топонимов в современной русской топонимии немногочислен» [5, с. 212].

Установление единых правил, норм и требований к наименованиям географических объектов способствует решению самых разнообразных задач и проблем. Отступление же от установленных правил создает неудобства для населения и инвесторов, осложняет работу государственных органов и органов местного самоуправления.

Однако в опубликованных ранее региональных топонимических словарях и справочниках [6–9] не всегда указывались полные реквизиты того или иного нормативного правового акта, в соответствии с которым населённый пункт изменил свой статус, был наименован или переименован. Поэтому в настоящее время возникла необходимость подготовки и издания «Топонимического словаря Воронежской области», учитывающего указанные изменения.

Таким образом, на примере Воронежской областной Думы мы показали роль законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в регулировании номинационных процессов в региональной топонимии.

²⁷ В облправительстве обсудили вопрос разночтений в наименованиях географических объектов. URL: <https://www.govvrn.ru/novost/-/~/id/2317191> (дата обращения: 26.06.2019).

Список литературы

1. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 177 с.
2. Ломакин Н.А. Пять лет до вечности. Регламентации топонимики российских городов в 1990–2000-х годах // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 19-42.
3. Морозова М.Н. Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика: сб. ст. памяти Е.М. Поспелова / отв. ред. А.В. Барандеев. М.: Наука, 2009. С. 262-276.
4. Дамбуев И.А. К вопросу о нормализации употребления буквы ё в российской топонимии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 239-262.
5. Барандеев А.В. О пользе новой редакции Правил русского правописания для орфографии топонимов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика: сб. ст. памяти Е.М. Поспелова / отв. ред. А.В. Барандеев. М.: Наука, 2009. С. 207-214.
6. Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. 136 с.
7. Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж: Изд. Дом Алейниковых, 2003. 285 с.
8. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: историко-топонимический словарь. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. 368 с.

9. Топонимия Воронежского края / авт.-сост. С.А. Попов, Т.Ф. Пухова, Е.А. Грибоедова; науч. ред. Г.Ф. Ковалёв. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с.

References

1. Nikonov V.A. *Vvedeniye v toponimiku* [Introduction to Toponymy]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 177 p. (In Russian).
2. Lomakin N.A. Pyat' let do vechnosti. Reglamentatsii toponimiki rossiyskikh gorodov v 1990–2000-kh godakh [Five years to eternity. Toponymy regulation of Russian cities in 1990s–2000s]. *Materialy seminar, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom pri podderzhke Fonda F. Eberta «Istoricheskaya razmetka prostranstva i vremeni»* [Proceedings of the Seminar Organized by Volgograd State University with the Support of F. Ebert Foundation “Historical Marking of Space and Time”]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2014, pp. 19–42. (In Russian).
3. Morozova M.N. Protsedura prisoveryeniya ofitsial'noy formy nazvaniyam geograficheskikh ob'yektov [The procedure for assigning an official form to the names of geographical objects]. In: Barandeyev A.V. (executive ed.). *Voprosy geografii. Sb. 132. Sovremennaya toponimika* [Issues of Geography. Digest 132. Contemporary Toponymy]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 262–276. (In Russian).
4. Dambuyev I.A. K voprosu o normalizatsii upotrebleniya bukvy yo v rossiyskoy toponimii [Revisiting the standardization of the use of the letter ё in Russian toponymy]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 239–262. (In Russian).
5. Barandeyev A.V. O pol'ze novoy redaktsii Pravil russkogo pravopisaniya dlya orfografii toponimov [On the benefits of the new edition of the Rules of Russian spelling for the orthography of toponyms]. In: Barandeyev A.V. (executive ed.). *Voprosy geografii. Sb. 132. Sovremennaya toponimika* [Issues of Geography. Digest 132. Contemporary Toponymy]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 207–214. (In Russian).
6. Zagorovskiy V.P. *Istoricheskaya toponimika Voronezhskogo kraia* [Historical Toponymy of Voronezh Region]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1973, 136 p. (In Russian).
7. Popov S.A. *Oykonimiya Voronezhskoy oblasti v sisteme lingvokrayevedcheskikh distsiplin* [Oikonymy of the Voronezh Region in the System of Linguistic Local Lore Studies]. Voronezh, Aleynikovy's Publishing House, 2003, 285 p. (In Russian).
8. Prokhorov V.A. *Vsya Voronezhskaya zemlya: istoriko-toponimicheskii slovar'* [All Voronezh Land: Historical and Toponymical Dictionary]. Voronezh: Central Black Earth Book Publ., 1973, 368 p. (In Russian).
9. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboedova E.A. (compilers). *Toponimiya Voronezhskogo kraia* [Toponymy of Voronezh Region]. Voronezh, Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region Publ., 2018, 336 p. (In Russian).

Информация об авторе

Попов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: spo@bk.ru

Вклад в статью: работа с нормативными правовыми актами, обработка результатов исследования, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Поступила в редакцию 28.06.2019 г.

Поступила после рецензирования 15.07.2019 г.

Повторное рецензирование 26.07.2019 г.

Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the author

Sergey A. Popov, Candidate of Philology, Lecturer of Public Relations Department. Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: spo@bk.ru

Contribution: work with regulatory legal acts, research results processing, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Received 20 June 2019

Reviewed 15 July 2019

Second peer review round 26 July 2019

Accepted for press 9 September 2019

Жанровый диапазон документально-художественного романа «новой деловитости» и проблема познания

Ольга Александровна ДРОНОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4508-7237>, e-mail: oa.dronova2014@yandex.ru

The genres of documentary novel of the “Neue Sachlichkeit” and the problem of cognition

Olga A. DRONOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4508-7237>, e-mail: oa.dronova2014@yandex.ru

Аннотация. Посвящено классификации жанровых модификаций художественно-документальных романов «новой деловитости»: роман-«отчёт», «роман факта» и роман – документально-художественный монтаж. Предложенная классификация основана на различном характере взаимодействия нарратива и документа в этих типах романов. В романе-«отчёте» повествование ведётся с точки зрения наблюдателя, художественный текст предстаёт как свидетельство, документ эпохи. В основе «романа факта» лежат реальные документы, которые частично или полностью интегрируются в художественное целое. В романе-монтаже фрагменты документального материала и нарратив соединяются друг с другом ассоциативно, в результате чего выстраивается фрагментарный образ мира. Проанализированы романы конца 1920 – начала 1930-х гг. Й. Рота, А. Дёблина, Э. Оттвальта, Э. Регера, Р. Бруннграбера и Э. Кеппена. Обоснована концепция о том, что особое значение в документально-художественных романах «новой деловитости» приобретает проблема познания. С одной стороны, перед читателем предстает герой, пытающийся познать изменившуюся социальную реальность. С другой стороны, документально-художественные романы «новой деловитости» требуют особого прочтения: они призваны активизировать читательское восприятие, научить читателя воссоздавать целостную картину действительности на основе сопоставления различных способов её изображения: нарратива, свидетельств и документов.

Ключевые слова: «новая деловитость»; роман; документализм; жанр; читатель

Для цитирования: Дронова О.А. Жанровый диапазон документально-художественного романа «новой деловитости» и проблема познания // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 502-509. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-502-509

Abstract. We consider genre typology of documentary novels of “Neue Sachlichkeit”: a “report” novel, a “novel of fact” and a documentary montage novel. The proposed classification is based on the different nature of the interaction of narrative and document in these types of novels. In the “report” novel the narration is conducted from the point of view of the observer, the literary text appears as a testimony, the document of an era. The “novel of fact” is based on real documents that are partially or fully integrated into the artistic whole. In the montage novel fragments of documentary material and narrative are connected with each other associatively, resulting in a fragmentary image of the world. We analyze the novels of 1920s – early 1930s by J. Roth, A. Doebelin, E. Ottwalt, E. Reger, R. Brunngraber and E. Koeppen. We substantiate the conception, that the problem of cognition acquires special importance in the documentary-fiction novels of “Neue Sachlichkeit”. On the one hand, the hero of the novels is trying to understand the changed social reality. On the other hand, documentary-fiction novels of “Neue Sachlichkeit” require special way

of reading: they are designed to activate the reader's perception, to teach the reader to recreate a complete picture of reality based on the comparison of different ways of its image: narrative, evidence and documents.

Keywords: “Neue Sachlichkeit”; novel; documentary; genre; reader

For citation: Dronova O.A. Zhanrovyy diapazon dokumental'no-khudozhestvennogo romana «novoy delovitosti» i problema poznaniya [The genres of documentary novel of the “Neue Sachlichkeit” and the problem of cognition]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 502-509. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-502-509 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Проблема документализма в литературе и пути развития художественно-документальных жанров вызывают к себе всё больший интерес современных исследователей – ведь документализм в разных проявлениях постоянно присутствует в литературе и искусстве XX–XXI веков, порождая всё новые формы художественного осмысления действительности (см. [1–3]). Огромная популярность литературы нон-фикшн, становление документального театра, эстетика Verbatim, гиперреализм в живописи – все эти тенденции современного искусства подчёркивают необходимость интенсивного изучения феномена документализма в разные культурные эпохи.

В литературе XX века возникало несколько «волн» документализма, формирование которых обусловлено двумя главными факторами. С одной стороны, они приходились на периоды исторических катаклизмов, когда осмысление произошедшего требовало достоверного свидетельства или строгого документа – это послевоенная литература, литература времени студенческих волнений 1960-х гг. В этой связи В.Т. Шаламов писал: «Сегодняшний читатель спорит только с документом и убеждается только документом. ... Читатель не чувствует, что его обманули, как при чтении романа» [4, с. 425]. В кризисные периоды документально-художественные произведения становятся выражением непосредственной реакции на современность, ведь создание художественного образа зачастую требует осмысления с позиции временной дистанции. Другим важным фактором развития документализма в XX–XXI веках становятся изменения медийного контекста – развитие прессы, кино, телевидения, интернет-коммуникации. М.И. Туровская говорит о своеобразии документальности в искусстве XX века как о «новом эстетическом качестве», возникающем в эпоху развития технических средств информации, спо-

собных «передавать действительность в неперетворённом виде» [5, с. 21].

Немецкая литература 1920-х – начала 1930-х гг. испытывает влияние обоих факторов. События Первой мировой войны повлекли за собой глубокий кризис немецкого общества, который пытаются осмыслить художники слова. В то же время 1920-е – начало 1930-х гг. – время значительных изменений медийного контекста – развития кинематографа, прессы и радио. Новые медиа воспринимались и как своего рода «конкуренты» литературы, и как ориентиры для писателя, стремящегося быть актуальным. Развитие художественно-документальных жанров особенно интенсивно происходит в литературе «новой деловитости» (“Neue Sachlichkeit”), представители которой – А. Дёблин, Й. Рот, Э. Реегер, Э. Оттвальт и другие – ищут новые способы отражения социальной и исторической реальности в художественном произведении, соответствующие их представлениям об актуальном искусстве.

Традиционно изучение художественно-документальной литературы в отечественной науке подразумевает выявление жанровых характеристик произведений подобного рода. Но единая классификация художественно-документальных жанров не может быть предложена, что так или иначе отмечается в работах всех исследователей этого вопроса – Е.Г. Местергази, И.М. Каспэ, Я.И. Явчуновского (см. [1–3; 6]). Помимо достаточно устойчивых жанров документальной литературы, таких, как автобиография, мемуары или травелог, многие произведения представляют собой индивидуально-авторские жанровые образования, основанные на разнообразных сочетаниях факта и вымысла. Например, жанр «Архипелага ГУЛАГ» (1973) А.И. Солженицына обозначен как «опыт художественного исследования», а «Цинковые мальчики» (1989) С.А. Алексиевича – как «роман голо-

сов». Сложность жанровой типологии документально-художественной литературы связана и с тем, что в основу произведения могут быть положены различные виды документов: как безличные официальные документы, так и эго-документы, то есть индивидуальные свидетельства. Они по-разному моделируют саму категорию факта и подразумевают различное читательское восприятие.

Тем не менее, для немецкой литературы «новой деловитости», на наш взгляд, может быть предложена определенная типология жанровых модификаций документально-художественного романа, в основе которой – различные виды отношений между нарративом и документом в структуре произведений.

Мы предлагаем разграничить три жанровых модификации документально-художественного романа «новой деловитости»: роман-«отчёт», роман факта и роман – документально-художественный монтаж. В романе-«отчёте» (“Bericht”) художественный текст предстает перед читателем как свидетельство. Повествователь или рассказчик в нём – наблюдатель за современной историей, стремящийся к журналистской беспристрастности или лаконичности хрониста, подчеркивающий, что перед читателем – документ эпохи. Подобными «отчётами» явились ранние романы Й. Рота «Бегство без конца» (1927), «Циппер и его отец» (1928), роман Э. Глезера «Поколение 1902 года» (1928), роман З. Кракауэра «Гинстер» (1928). Во втором типе документально-художественного романа – «романе факта» – подлинные документы интегрированы в нарратив и составляют с ним единство. Таковыми являются романы Э. Регера «Уния сильной руки» (1931) и Э. Оттвальта «Ибо ведают они, что творят» (1931). Эти романы основаны на реальных событиях, их герои изучают подлинные документы, произносимые речи содержат выдержки из настоящих докладов, в изображении пространства используются точные географические данные, а описания погоды опираются на метеорологические сводки. Под термином «роман – документально-художественный-монтаж» понимается произведение, в котором нарратив и документ соединяются друг с другом с помощью монтажа, в результате чего создаётся фрагментарный образ мира. К этой жанровой моди-

фикации можно отнести романы «Берлин – Александерплац» (1929) А. Дёблина, «Отчет войск» (1930) Э. Кеппена, «Карл и двадцатый век» (1933) Р. Бруннграбера.

Становление романа «новой деловитости» приходится на период глубоких изменений, происходящих в первой трети XX века с европейским романом. В рамках «новой деловитости» происходит осмысление общей для европейской литературы этого времени проблемы «конца романа», о котором рассуждали О. Флаке, В. Вулф, Т. Манн, А. Дёблин, О. Мандельштам и др. Европейские и русские художники слова находились в поиске новых форм романа, которые соответствовали бы усложнившейся картине мира современного человека. В немецкой литературе, для которой традиционным было сращивание художественного и философского дискурсов, остро стоял вопрос о способности литературы быть средством познания действительности наравне с наукой. Документально-художественные романы «новой деловитости» во многом возникают как ответ на эту потребность. В «новой деловитости» огромное значение приобретает категория «факта»: И.Р. Бехер, Э.Э. Киш и другие авторы пишут, что строгое следование фактам обеспечивает более правдивый взгляд на реальность, нежели следование абстрактным научным теориям. А. Дёблин уже в ранних статьях требует от художников «мужества» в «познании невообразимых контуров реальности» и выдвигает понятие «фантазии факта» (“Tatsachenphantasie”) [7, S. 122].

Сложная структура документально-художественных романов, в которой соединены факт и вымысел, требует от читателя самостоятельного воссоздания целостной картины действительности на основе деятельного участия в осмыслении и обобщении документов, свидетельств и фактов, представленных в произведении. В целом, вопрос о воздействии художественного произведения на читателя был одним из важнейших в эстетических дискуссиях «новой деловитости» по проблеме «пользы» литературы и искусства (Б. Брехт, Э. Регер, К. Тухольский и др.) (см. [8]).

В предисловиях к изучаемым романам задается вектор читательского восприятия произведения как романа нового типа, основанного не на фантазии, а на наблюдении

или документе. Наибольшую известность в этой связи приобрело предисловие Й. Рота к роману «Бегство без конца» (1927), понятое современниками как своего рода манифест «новой деловитости»: «В нижеследующем я рассказываю историю моего друга, товарища и единомышленника Франца Тунды. Я следую частично его записям, частично его рассказам. Я ничего не выдумал, ничего не выстраивал. Речь больше не идёт о том, чтобы «сочинять». Самое важное – то, что мы наблюдаем» / „Im folgenden erzähle ich die Geschichte meines Freundes, Kameraden und Gesinnungsgenossen Franz Tunda. Ich folge zum Teil seinen Aufzeichnungen, zum Teil seinen Erzählungen. Ich habe nichts erfunden, nichts komponiert. Es handelt sich nicht mehr darum, zu „dichten“. Das Wichtigste ist das Beobachtete“ [9, S. 311]. Й. Роту вторит почти дословно Эрнст Глезер в предисловии ко второй части романа «Поколение 1902 года»: «В нижеследующем я даю отчёт о том, что мои друзья и я видели во время войны. Это лишь эпизоды. <...> Мне было бы легко написать «роман». Я не имею в этой книге намерения «сочинять». Я хочу правды, даже если она фрагментарна, как этот отчёт» / „Im Folgenden berichte ich, was meine Freunde und ich vom Krieg gesehen haben. Es sind nur Episoden. ... Es wäre mir leicht gewesen, einen „Roman“ zu schreiben. Ich habe mit diesem Buch nicht die Absicht zu „dichten“. Ich will die Wahrheit, selbst wenn sie fragmentarisch ist, wie dieser Bericht“ [10, S. 216]. Авторы предисловий подчёркивают необработанность и фрагментарность своих наблюдений, что становится для них способом акцентирования аутентичности отчётов. Предисловия характерны и для «романов факта». Так, Эрик Регер составил для романа «Уния сильной руки» (1931) – «Инструкцию по применению» – вслед за Б. Брехтом, предпославшим «Руководство по применению» сборнику стихотворений «Домашние проповеди» (1927). В предисловии Э. Регера говорится, что читатель не должен обманываться, что перед ним роман, ведь речь в его произведении идёт не о «действительности лиц», а о «действительности вещи» – то есть герой не является главным объектом авторского интереса [11, S. 9]. Герой функционирует как своего рода зонд, позволяющий представить факты истории,

экономической и социальной жизни Рурской области. Кроме того, каждая часть романа «Уния сильной руки» заканчивается фрагментами сообщений газеты «Генеральнцайгер», кроме последней главы. В «Инструкции» Э. Регер утверждает, что читатель, освоивший роман целиком, должен быть способен самостоятельно написать этот последний недостающий фрагмент [11, S. 9].

Отношение Йозефа Рота к «новой деловитости» принадлежит к числу достаточно спорных вопросов истории литературы в силу того, что Й. Рот выступил как жёсткий критик фактографизма в литературе уже в начале 1930-х годов. Тем не менее, проблема влияния «новой деловитости» на раннее творчество Й. Рота ставится многими исследователями (см. [12; 13]). В романах Й. Рота «Бегство без конца», «Циппер и его отец», «Немой пророк» (1929) повествование ведётся с точки зрения наблюдателя, друга, свидетеля жизни героя – типичного современника. Наиболее последовательно роль наблюдателя и хрониста проявляется в романе «Бегство без конца», в котором повествователь, рассказывая историю своего друга Франца Тунды, опирается на имеющиеся у него документы – дневники, письма – цитаты из которых он приводит. Помимо представления фиктивных документов как подлинников – стратегии, опирающейся на длительную литературную традицию, к авторским стратегиям создания романа-«отчёта» относится и использование имени биографического автора в качестве имени повествователя. Йозеф Рот – так обращается к своему другу Франц Тунда, так повествователь подписывает свои письма к герою. Повествователь в романе «Циппер и его отец» также фигурирует как Йозеф Рот. В своих ранних романах Й. Рот разрушает границу между миром произведения и реальным миром через постулируемое тождество повествователя и биографического автора.

Не менее важен в романе-«отчёте» и принцип наблюдения и свидетельства. О важности точного наблюдения для художника как способа проникновения в реальность Й. Рот пишет во многих автобиографических и эстетических работах, понятие наблюдения осмыслялось и другими писателями и публицистами «новой деловитости» (Б. Брентано,

Э. Глезер, А. Дёблин и др.). Представления о «наблюдении» формировались под влиянием медийного контекста – опыта использования кинокамеры. Кинокамера позволяет со всей точностью отразить визуальный облик объекта, подобный взгляд лишён всякой сентиментальности и сочувствия. Эрнст Юнгер в эссе «О боли» (1934) пишет о том, что сознание его современников стало «более холодным», оно подобно по своему восприятию техническим средствам – «нечувствительному и неуязвимому глазу», который «фиксирует как пулю в полёте, так и человека в тот момент, когда его разрывает граната» [14, с. 517]. Для ранних романов Й. Рота характерна отстранённая, дистанцированная позиция наблюдателя, антипсихологизм, бывший одной из центральных установок «новой деловитости». Повествователь рассказывает о своём друге, не вдаваясь в его психологию и мотивацию, говорит о незнании или не полном понимании его внутреннего состояния. Кроме этого, он склонен оценивать Франца Тунду не как индивидуальность, а как представителя поколения и объяснять возникновение влюблённости в него у его невесты Ирене тем, что Тунда уходил на фронт. Роман-«отчёт» не сконцентрирован ни на личности наблюдателя, ни на герое, лишь на самой современности.

Принцип редукции роли человека, его индивидуальности и психологии часто упоминается в эссе авторов «новой деловитости», связанных с проблемой «конца романа». Необходимость сокращения роли героя возникает под влиянием опыта войны, показавшей бессилие отдельного человека. Б. Брентано в известном эссе «Об изображении обстоятельств» (1929) пишет: «Если мы оглянемся на наш мир, то вскоре мы заметим, что события имеют совершенно иные причины, нежели характер отдельных граждан... Уже 50 лет (не больше) писатели заботятся о характерах. Пусть сейчас хотя бы каждый пятый позаботится об обстоятельствах... Куда ни посмотри: я не вижу ничего кроме обстоятельств» [15, S. 158-159].

Роль героя редуцирована в «романе факта» – другой жанровой модификации документально-художественного романа «новой деловитости». Сам термин был сформулирован Э. Оттвальтом для романа «Ибо ведают

они, что творят» (1931), посвящённого проблемам немецкой юстиции. Стоит отметить, что юридическая проблематика в целом важна в литературе 1920-х – начала 1930-х гг., поскольку она предоставляла широкие возможности для эстетических экспериментов по включению юридического дискурса в художественное произведение – здесь можно указать на новеллу «Подруги-отравительницы» (1924) А. Дёблина, изданную в рамках серии «Изгой общества. Преступления современности», романы «Успех» (1930) Л. Фейхтвангера, «Дело Мауриция» (1928) Я. Вассермана.

Как следует из названия романа Э. Оттвальта «Ибо ведают они, что творят» – в нём акцентирована проблема познания в аксиологическом ключе. Герой романа, судья Дикман, знакомится с подлинными документами судебных процессов, происходивших в 1920-е гг. О том, что все документы, используемые в романе, – подлинники, читателю сообщается в предисловии. Каждое преступление в романе изображается и с помощью юридического документа, и с точки зрения автора. Документ всегда искажает случившееся, упрощает его, даёт предвзятую оценку в зависимости от социального статуса обвиняемого. В документах преступления истолкованы как спланированные действия, влекущие за собой суровый приговор. Художественный текст свидетельствует о том, что обвиняемые совершают преступления спонтанно из-за нищеты и отчаяния. Образ Дикмана – молодого судьи – в романе создается достаточно скупыми средствами. Порой создается ощущение, что этот герой нужен автору лишь для соединения воедино документального материала – то есть роль героя в романе сокращена. С другой стороны, в романе важен путь познания, который проходит Дикман. Дикман постепенно осознаёт порочность судебной практики и переживает нервный срыв. Но вместо того, чтобы попытаться изменить ситуацию, он продолжает юридическую карьеру, «ведая, что творит». По мысли автора смелость необходима даже для того, чтобы признать реальные факты, не говоря уже о действии.

Проблема познания важна и в романах, жанр которых мы обозначили как роман – документально-художественный монтаж.

«Берлин – Александерплац» А. Дёблина в определенной степени можно причислить к этому типу. Этот роман создавался хронологически раньше большинства романов «новой деловитости» и во многом дал импульс развитию документализма в рамках этого движения. Прозрение Биберкопфа – одна из наиболее важных идей романа, причём этот процесс, по мысли автора, должен произойти не только с героем, но и с читателем: «Мы словно шли по тёмной улице, и в начале её не горело ни одного фонаря; мы знали лишь, что надо пройти по ней до конца, и шли. Постепенно кругом становилось светлее, наконец, у фонаря мы прочли название улицы» [16, с. 528] / „Wir sind eine dunkle Allee gegangen, keine Laterne brannte zuerst, man wußte nur, hier geht es lang, allmählich wird es heller und heller, zuletzt hängt da die Laterne, und dann liest man endlich unter ihr das Straßenschild“ [17, S. 453]. Но, по мысли повествователя, Биберкопф шёл по этой аллее иначе, чем читатель: он бежал, наталкивался на деревья и закрывал глаза, пока наконец не добрался до цели.

В романе А. Дёблина присутствуют две основные относительно независимые друг от друга сюжетные линии – история Биберкопфа и жизнь Берлина. Герой романа не является его единственным смысловым центром. Следуя сформулированному в собственных эстетических работах принципу «деперсонализации», А. Дёблин стремится изобразить большой город вне связи с сознанием героя и какого-либо другого субъекта и использует для этого монтаж разноплановых текстов – юридических документов, транспортных расписаний, рекламы, метеорологических сводок, фраз музыкальных шлягеров. Романы Р. Бруннграбера «Карл и двадцатый век» и Э. Кеппена «Отчёт войск» схожи с романом «Берлин – Александерплац» в том плане, что в них история героя и изображение эпохи существуют относительно независимо друг от друга. Для изображения социально-исторической ситуации авторы этих романов используют монтаж нехудожественного материала. В романе «Карл и двадцатый век» присутствуют пространственные перечисления разнообразных фактов, цифр, свидетельствующих о бурном развитии цивилизации. Судьба же героя романа – Карла Лакнера –

трагична, он жертва двадцатого века. Факты кажутся избыточными, они поначалу никак не связаны с судьбой героя. Читатель должен самостоятельно проследить связь судьбы героя и «большой истории». Р. Бруннграбер просвещает читателя, не просто сообщая ему сведения, но и заставляя его активно устанавливать связь между фактами, сравнивать различные способы их отображения. В отличие от читателя, герой романа не способен к познанию и прозрению: он живёт в мире простых истин, верит интуиции и ждёт от мира справедливости, в то время как действительность обезличена и лишена смысла.

В композиции автобиографического романа Э. Кеппена «Отчёт войск» также присутствуют два параллельных пласта. Это история офицера Адольфа Райзингера, постепенно приходящего к мысли, что война – это самое большое преступление, на которое способен человек. И другой пласт – фрагменты газетных публикаций, войсковых отчётов, рекламных объявлений. Их сочетание создаёт ироничный эффект, они диссонируют с трагическим военным опытом героя. Индивидуальный опыт оказывается единственным верным способом познания реальности, а документ превращается в средство манипуляции правдой.

Таким образом, три жанровые модификации романов «новой деловитости» возникают на основе различных взаимоотношений между нарративом и документом: в «романе-отчёте» текст романа имитирует документ, в «романе факта» документ интегрирован в повествование, в романе – документально-художественном монтаже документ и нарратив соединены с помощью монтажной техники. В целом, сочетание вымышленного сюжета с фрагментами подлинных документов в романах «новой деловитости» свидетельствует о том, что авторы ставят перед собой задачу не только изображения реально произошедшего, но и поиска новой художественной формы романа, органично соединяющей факт и вымысел.

Жанровые процессы, происходящие в романе «новой деловитости», связаны с теми тенденциями, которые характерны для развития романа в XX веке в целом. Н.Л. Лейдерман выделяет три основных направления развития жанров в литературе XX века: ста-

новление антижанров – жанровых пародий, в том числе на жанры нехудожественные, «жанровую диссоциацию», предполагающую распад художественного единства на отдельные фрагменты, и появление индивидуально-авторских «неповторимых жанровых образований» (см. [18, с. 631-643]).

На наш взгляд, подход, предложенный Н.Л. Лейдерманом, может продуктивно применяться и для описания жанрового своеобразия художественно-документальных произведений «новой деловитости». Опора на документ способствует развитию той или иной тенденции по отдельности или в сочетании. Прежде всего, это касается характерной для документально-художественного

романа тенденции к фрагментарности, распаду художественного единства на отдельные разнородные свидетельства. Полемика с жанром романа, связанная не только с редукцией вымысла, но и сокращением роли главного героя, свидетельствует о том, что документально-художественные романы «новой деловитости» могут быть рассмотрены в связи с развитием антижанров. В то же время авторы романов «новой деловитости» предлагают собственные обозначения жанров своих произведений – «роман одного развития» (Э. Регер) или «роман факта» – то есть они представляют собой индивидуально-авторские жанровые образования.

Список литературы

1. Каспэ И.М. Вместо доверия: «работа с документами» в русской литературе 2000-х // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство: сб. ст. / под ред. И.М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 267-297.
2. Крылов В.Н. Споры о документе, факте, вымысле и плагиате в литературе в начале XX века // Филология и культура. 2018. № 3 (53). С. 162-168.
3. Местергази Е.Г. О термине «документальная литература» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 11 (55). С. 174-177.
4. Шаламов В.Т. Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. М.: Республика, 1998. 479 с.
5. Туровская М.И. На границе искусств: Брехт и кино. М.: Искусство, 1984. 255 с.
6. Явчуновский Я.И. Документальные жанры. Образ, жанр, структура произведения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 231 с.
7. Döblin A. Schriften zur Ästhetik, Poetik und Literatur. Frankfurt a/M.: Fischer Verlag, 2013. 638 S.
8. Дронова О.А. Концепция «литературы для использования» и проблема читательской рецепции в художественном дискурсе «новой деловитости» // Книга в современном мире: проблемы рецепции: материалы Междунар. науч. конф. / науч. ред. Т.А. Тернова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2018. С. 89-96.
9. Roth J. Die Rebellion. Frühe Romane. Berlin; Weimar: Aufbau Verlag, 1984. 702 S.
10. Glaeser E. Jahrgang 1902. Göttingen: Wallstein Verlag, 2014. 390 S.
11. Reger E. Union der festen Hand. Roman einer Entwicklung. Berlin: Aragon, 1991. 677 S.
12. Heizmann J. Joseph Roth und die Ästhetik der Neuen Sachlichkeit. Heidelberg: Mattes Verlag, 1990. 165 S.
13. Wilde R. Beobachtet oder gedichtet? Joseph Roths Roman "Die Flucht ohne Ende" // Neue Sachlichkeit im Roman. Neue Interpretationen zum Roman der Weimarer Republik / hrsg. von S. Becker, C. Weiß. Stuttgart, Weimar: Metzler, 1995. S. 27-48.
14. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А.В. Михайлова. СПб.: Наука, 2000. 539 с.
15. Brentano B. Über die Darstellung von Zuständen [1929] // Neue Sachlichkeit. Bd. 2. Quellen und Dokumente / hrsg. von S. Becker. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. S. 156-159.
16. Дёблин А. Берлин – Александерплац. Повесть о Франце Биберкопфе / пер. с нем. Г.А. Зуккау. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. 535 с.
17. Döblin A. Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf. München: Deutsches Taschenbuch Verlag, 2003. 455 S.
18. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. 904 с.

References

1. Kaspe I.M. Vmesto doveriya: «rabota s dokumentami» v russkoy literature 2000-kh [Instead of trust: «work with documents» in the Russian literature of 2000s]. *Status dokumenta: okonchatel'naya bumazhka ili otc-*

- huzhdennoe svidetel'stvo* [Document Status: Final Paper or Alienated Testimony]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 267-297. (In Russian).
2. Krylov V.N. Spory o dokumente, fakte, vymysle i plagiate v literature v nachale XX veka [Discussions about document, fact, fiction and plagiarism in the early 20th century]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2018, no. 3 (53), pp. 162-168. (In Russian).
 3. Mestergazi E.G. O termine «dokumental'naya literatura» [On the term “documentary literature”]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Reviews. Series: Humanities*, 2007, no. 11 (55), pp. 174-177. (In Russian).
 4. Shalamov V.T. *Neskol'ko moikh zhizney. Proza. Poyeziya. Esse*. [My Several Lives. Prose. Poetry. Essay]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 479 p. (In Russian).
 5. Turovskaya M.I. *Na granitse iskusstv: Brekht i kino* [On the Border of Arts. Brecht and Cinema]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984, 255 p. (In Russian).
 6. Yavchunovskiy Y.I. *Dokumental'nye zhanry. Obraz, zhanr, struktura proizvedeniya* [Documentary Genres. Image, Genre and Structure of the Work]. Saratov, Saratov University Publ., 1974, 231 p. (In Russian).
 7. Döblin A. *Schriften zur Ästhetik, Poetik und Literatur*. Frankfurt-am-Main, Fischer Verlag, 2013, 638 p. (In German).
 8. Dronova O.A. Kontseptsiya «literaturny dlya ispol'zovaniya» i problema chitatel'skoy retseptsii v hudozhestvennom disкурсе «novoy delovitosti» [The conception of “Gebrauchsliteratur” and the problem of the reader reception in the artistic discourse of “Neue Sachlichkeit”]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kniga v sovremennom mire: problemy retseptsii»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Book in the Modern World: Issues of Reception”]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2018, pp. 89-96. (In Russian).
 9. Roth J. *Die Rebellion. Frühe Romane*. Berlin, Weimar, Aufbau Verlag, 1984, 702 p. (In German).
 10. Glaeser E. *Jahrgang 1902*. Göttingen, Wallstein Verlag, 2014, 390 p. (In German).
 11. Reger E. *Union der festen Hand. Roman einer Entwicklung*. Berlin, Aragon, 1991, 677 p. (In German).
 12. Heizmann J. *Joseph Roth und die Ästhetik der Neuen Sachlichkeit*. Heidelberg, Mattes Verlag, 1990, 165 p. (In German).
 13. Wilde R. Beobachtet oder gedichtet? Joseph Roths Roman „Die Flucht ohne Ende“. *Neue Sachlichkeit im Roman. Neue Interpretationen zum Roman der Weimarer Republik*. Stuttgart, Weimar, Metzler, 1995, pp. 27-48. (In German).
 14. Junger E. *Rabochiy. Gospodstvo i geshtal't. Total'naya mobilizatsiya. O boli* [The Worker: Dominion and form. Total Mobilisation. On Pain]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, 539 p. (In Russian).
 15. Brentano B. Über die Darstellung von Zuständen. In: Becker S. (ed.). *Neue Sachlichkeit. Bd. 2. Quellen und Dokumente*. Cologne, Weimar, Vienna, Böhlau, 2000, pp. 156-159. (In German).
 16. Deblin A. *Berlin – Aleksanderplac. Povest' o France Biberkopfe* [Berlin – Alexanderplatz. A story of Franz Biberkopf]. Moscow, State Publ. of Artistic Literature, 1961, 535 p. (In Russian).
 17. Döblin A. *Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf*. Munich, Deutsches Taschenbuch Verlag, 2003, 455 p. (In German).
 18. Leyderman N.L. *Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory* [The Theory of the Genre. Research and Analysis]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2010, 904 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дронова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка как иностранного. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: oa.dronova2014@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с литературными источниками, анализ художественных текстов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4508-7237>

Поступила в редакцию 13.09.2019 г.

Поступила после рецензирования 03.10.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Olga A. Dronova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Russian as a Foreign Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: oa.dronova2014@yandex.ru

Contribution: study conception, work with literature references, literary texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4508-7237>

Received 13 September 2019

Reviewed 3 October 2019

Accepted for press 21 October 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-510-517
УДК 82-31+882+791.43.04

Маска: к проблеме метафизической субстанциональности (роман Ю.В. Бондарева «Выбор» и специфика его экранизации)

Людмила Евгеньевна ХВОРОВА¹, Лили ЦЗИНЬ^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

²Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения
при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>, e-mail: Jinlili8361450@126.com

Mask: to the issue of metaphysical substantiality (Y.V. Bondarev's novel "Choice" and its adaptation specifics)

Ludmila E. KHVOROVA¹, Lili JIN^{1,2}

¹Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>, e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

²Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law
of Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Rd, Tianjin 300072, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>, e-mail: Jinlili8361450@126.com

Аннотация. Продолжено, с одной стороны, сопоставление текстового варианта романа Ю. Бондарева «Выбор» с визуальной версией – экранизацией романа режиссёром В. Наумовым, начатое в ранее опубликованных работах, с другой – осмыслено духовно-нравственное наполнение данного произведения, в частности, через такой ключевой компонент русской словесности, как маска. Вскрыта её метафизическая сущность, приводятся в этой связи высказывания русских религиозных мыслителей. В предложенном ракурсе рассмотрены некоторые ключевые характеры романа – Ильи Рамзина, Владимира Васильева, Марии. Прослежены также рассуждения героев романа о наступлении трагичной апостасийности бытия и трагизма цивилизационных процессов в целом в духовно-нравственном аспекте. Последнее, связанное с понятием «маскарад», имеющее также и более глубокое, культурно-аксиологическое значение, рассмотрено в связке с некоторыми традициями и предвидениями Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: маска; метафизика; лик; личина; цивилизация; глобализация; индивидуализм; внутренний мир

Для цитирования: Хворова Л.Е., Цзинь Лили. Маска: к проблеме метафизической субстанциональности (роман Ю.В. Бондарева «Выбор» и специфика его экранизации) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 510-517. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-510-517

Abstract. On the one hand, we compare the textual version of Y. Bondarev's novel "Choice" with the visual version – an adaptation of the novel by director V. Naumov, the comparison has begun in previous published works, on the other hand, we comprehend the spiritual and moral content of this work, in particular, through such a key component of Russian literature as the mask. Its metaphysical essence is revealed, we give the statements of Russian religious thinkers in this connection. We consider some key characters of the novel – Ilya Ramzin, Vladimir Vasiliev, Maria. We also trace the novel characters thoughts about coming tragic apostasy of being and of civilization processes tragedy as a whole in the spiritual and moral aspect. This connects with the concept

“masquerade” and also has a deeper, cultural and axiological significance, we consider it connected to some traditions and predictions by F.M. Dostoevsky.

Keywords: mask; metaphysics; face; disguise; civilization; globalization; individualism; inner world

For citation: Khvorova L.E., Jin Lili. Maska: k probleme metafizicheskoy substantional'nosti (roman Y.V. Bondareva «Vybor» i spetsifika ego ekranizatsii) [Mask: to the issue of metaphysical substantiality (Y.V. Bondarev's novel “Choice” and its adaptation specifics)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 510-517. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-510-517 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Я именно размышлял на тему о том: каким
образом на нас в разное время отражалась
Европа – и постепенно ломилась к нам
с своей цивилизацией в гости, и насколько мы
цивилизовались, и сколько именно
нас счётом до сих пор отцивилизовалось?
Теперь я сам вижу...
Ф.М. Достоевский

Роман «Выбор» (1981) – одно из выдающихся произведений как Ю.В. Бондарева, так и русской советской классики в целом. Созданный в 1981 году, он, спустя восемь лет, в 1989, был экранизирован режиссёром В. Наумовым. «Визуальная интерпретация» (Л.Е. Хворова) осуществилась при непосредственном участии самого писателя, который выступил, совместно с В. Наумовым, её автором сценария. Ранее одним из авторов уже проводились исследования о синтезе художественного и «кинотекстов» [1–3]. Существует, разумеется, и богатая предтеча такого пути анализа, как классическая [4–6], так и современная [7].

Писатель создавал свой роман в эпоху, скажем так, гипертрофированной социальности, господства так называемой социалистической (коммунистической) идеи, поэтому вполне логично, что, как сам Ю.В. Бондарев, так и его творчество подпало в советском литературоведении под определение «социалистического реализма». Между тем «социальность» романа, которая, безусловно, заслуживает серьёзного осмысления, поскольку она всегда занимает существенное место практически во всяком художественном творении серьёзных классиков во все времена, выступает в данном случае достаточно выпукло, однако, не является единственным достоинством «Выбора», что, кстати, вполне ясно уже из его названия.

Стоит с удовлетворением заметить, что в постсоветские годы появились и продолжают

появляться исследования, в которых творчество Ю. Бондарева рассматривается с разных позиций, в том числе и с христианских [8]. Здесь, разумеется, нет ни малейшей натяжки, поскольку как сам роман в целом, так и его заглавие дают веское основание к такому именно прочтению.

Экранизация романа утрировала его метафизический смысл, который сам писатель вовсе не игнорировал, но словесно выражал свои мысли более обыденно, в чём-то изысканно-утонченно. Она начинается с весьма оригинальной и несколько необычной (для произведения со стойким имиджем «соцреализма») преамбулы, в которой воспроизводится картина традиционного для Италии венецианского карнавала, причем она становится стойким лейтмотивом киноповествования, моделируя как необычную форму данной визуальной версии, так и подчеркивая, акцентируя именно метафизическую наполненность данного художественного материала. В этой связи вполне логично, что произведение, созданное режиссёром В. Наумовым, в подавляющем большинстве откликов так называемого «массового зрителя» (рецептора) вызвало разочарование, о чём свидетельствуют многочисленные заметки на страницах Интернета. Сложный, полифонично-многоплановый с метафизической глубиной художественный текст романа «массовый» зритель просто не воспринял таковым.

В. Наумов с первых же кадров подчеркнул, выпукло вывел на первый план основополагающую идею бондаревского романа: крайне опасную, трагическую, неудержимо наступающую трагичность бытия в эпоху стремительно прогрессирующей так называемой «мировой цивилизации». В настоящее время, как известно, в обиходе прочно закрепился термин «глобализация». Приме-

чительно, что все эти апостасийные детали талантливо предвидели, осмыслили, прочувствовали и воспроизвели авторы романа и визуальной версии ещё в последней четверти XX столетия.

В русской классической литературе компонент «маска» довольно устойчив, прочно традиционен, воплощаясь в самых разных произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и многих других. Существуют и интересные исследования учёных на эту тему в различных, правда, ракурсах [9–11]. В частности, у Достоевского, к примеру, маска при описании тех или иных отдельных характеров становится словно бы назойливым лейтмотивом, прошедшим сквозь художественное пространство его творчества. Странные, в каком-то смысле «новые» персонажи, от этого во многом загадочные, обнаруживали на лице маску, что отразилось в метких и точных портретных характеристиках. Свидригайлов (Преступление и наказание): «Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными губами, с светло-белокурою бородой и с довольно ещё густыми белокурыми волосами» [12, с. 357]; Ламберт (Подросток): «...белый, румяный, лицо, как маска» [12, с. 27], Ставрогин (Бесы): «Говорили, что лицо его напоминает маску» [12, с. 37]. Что примечательно, данный компонент претерпевает у Достоевского некое развитие – регресс: в более ранних произведениях (мы приводим примеры только из «пятикнижия», хотя подобное наблюдалось и до этого) Свидригайлова описывает автор, осторожно бросая, тем не менее, важное уточнение «как бы». Далее, в других романах, это становится заметно уже не только автору, но и окружающим. Очень важно, что «маска» сопровождается при этом уточнениями с крайне-негативной оценочной семантикой: хитрость, обман, цинизм и т. д. Это можно понять как из конкретных комментариев, так и из «косвенных» моментов – целостного «рисунка» того или иного персонажа, авторских рассуждений, замечаний других героев и т. д.

Метафизическую сущность маски несколько позже весьма точно и исчерпывающе описал священник П. Флоренский: «Полную противоположность лику составляет личина. Первоначальное значение этого сло-

ва есть *маска*, – лярва, чем отличается нечто *подобное лицу*, похожее на лицо, *выдающее себя за лицо*, принимаемое за таковое, но *пустое внутри* как в смысле метафизической вещественности, так и в смысле метафизической субстанциональности. Характерно, что слово *larva* получило у римлян значение *астрального трупа*, «пустого» – *inanis*, бессубстанционального клише, *оставляющегося от умершего*, то есть тёмной, безличной, вампирической силы, *ищущей себе для поддержки сил и оживления* свежей крови и живого лица, которое эта астральная маска могла бы облечь, присосавшись и выдавая это лицо за свою сущность» [13, с. 83].

Мы позволили себе выделить в данном высказывании то, что совершенно очевидно как для Ю. Бондарева, так и для В. Наумова. В первую очередь, это, разумеется, касается одного из главных героев Ильи Рамзина, однако, конечно же, далеко не только его. То есть, если говорить об Илье, то ему, как нельзя кстати, подходят эти уточнения. В самом деле, вместо лица – *маска*: Алыс Матуленис точно загримирован; он воспроизводит как раз нечто *подобное лицу*, но отнюдь не лицо. Оно – *пустое внутри*, напоминающее именно *астральный труп*, однако отчаянно *ищущий себе поддержки и оживления*, что оформляет важнейшую содержательную канву романа. Следует заметить, что Матуленис талантливо воспроизводит во всех отношениях свой персонаж – от «мертвенно-механического», безразличного, пустого, однако с оттенками ироничности голоса до нечто того, что осталось от лика. Попутно заметим, что весьма логично (возможно, даже и неосознанно), авторы визуальной интерпретации «назначили на молодость» Ильи совсем иного актера. Известный актер – литовец Матуленис, зарекомендовавший себя в советском кинематографе исключительно в положительных тонах, как нельзя лучше подошёл именно на «позднего» Рамзина и своим легким акцентом. Он не только прожил большую часть жизни вдали от родных корней и родного языка, но и органически вжился в во многом чужеродный пласт западной цивилизации, а поэтому уже не мог чисто говорить по-русски.

Итак, завязка сюжета (в киноверсии) удачно и метафизически осмысленно начи-

нается с показа традиционных для Италии карнавалов и игрищ. Однако это отнюдь не весёлые театральные шествия, скорее, абсолютно наоборот. В масках, которые окружают всех трёх главных героев романа – Васильева, Марию и Илью, сквозит нечто жестоко-зловещее. Появляются и некие существа в белых одеждах, откровенно напоминающих саван. Все это не может не наводить на абсолютно трагико-апокалипсические мысли о том, что так называемая «цивилизация» к концу XX столетия подвела к опаснейшей черте, где практически не осталось живых душ, способных отличать доброе от злого, Божественное от люциферского, где все чудовищно переплелось как в человеческих душах, так и в жизни в целом. Следует также заметить, что среди масок, *надетых* на лица, мы видим и одну особенную «маску», в которую *превратилось* некогда удивительно красивое лицо Ильи Рамзина. То есть это реальное «лицо-маска». Исполнение роли *другим* актером (возможно, и не осознанный авторами приём, тем более, что лицо современными кинематографическими средствами грима легко можно состарить) означает вполне очевидный намёк, что перед нами – уже *другой* человек. Оторвавший сам себя от родины, от всего сакрально-святого, Рамзин превратил себя в «человека-маску» – «лярву», *похожую* на лицо, только *выдающее* себя за таковое. Необходимо уточнить, что всё это сопровождается удачно найденным авторами музыкальным сопровождением. Музыка констатирует (мы имеем в виду её не только содержательную, но и формообразующую составляющую) «жалобный», словно просящий подаяние минор, соединяющий в себе красивые, приятные интонации, напоминающие человеческую речь вкупе с пробивающимися откровенно фальшивыми по созвучию музыкальными интервалами. Их «фальшивость» также намекает на фальшь человеческих взаимоотношений в стремительно глобализирующемся мире. К тому же данные музыкальные фразы настойчиво и даже навязчиво повторяются. Красивая, утонченная мелодическая линия с лейтмотивным рисунком как бы завлекает человека в паутину лжи: зло, как известно, зачастую как раз привлекательно и заманчиво, и от

этой привлекательности и заманчивости бывает очень трудно, если не невозможно отказать.

Заметим, что лицо Ильи *как бы превращается* в маску. Сравним, что у Свидригайлова – маску «*как бы напоминает*». Очевиден регресс (на христианском языке – апостасийность) и в описании западно-европейского фона, который обнаружил Федор Михайлович Достоевский, пребывая в соседних странах (Зимние заметки о летних впечатлениях): «Вся эта фантазмагория, весь этот *маскарад* (выделено нами. – Л. Х., Ц. Л.), все эти французские кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, все эти дебелые, неуклюжие ноги, влезавшие в шёлковые чулки; эти тогдашние солдатики в немецких париках и штиблетах – всё это, мне кажется, были ужасные плутни, подбострастно-лакейское надувание...» [12, с. 58]. Здесь, заметим, задолго до бондаревского «Выбора», *самим* Достоевским (как автором), на *публицистическом* уровне маскарад замечен в жизни, причём картина вполне реалистична, в то время как авторы «Выбора» нарочито её символизируют на фоне общего, всё же «реалистического» фона.

Через кинематограф, визуальность авторы вводят в фантастический, загадочный мир, однако до боли знакомый, то есть жизненные реалии вполне удачно чередуются с мифом. Сочетанием масок и реальных лиц авторы подчёркивают, что всё зримое на экране происходит прежде всего в метафизических глубинах человеческой души. Начало визуальной версии В. Наумов и Ю. Бондарев намеренно театрализовали, создав в какой-то степени загадочную символику. Однако она расшифровывается в известной степени текстом романа, где недосказанность во многом снимается. В Венеции, куда прибыли Васильев и Мария, от скуки, равнодушия и психологической усталости, неизменно преследовавших их на протяжении уже долгого периода времени, они решают пойти в кино, где демонстрируется фильм о «любви втроём»: «А там, на экране, где всё было греховно, ядовито-роскошно, влюблённый молодой адвокат, великолепно воспитанный, из богатой семьи известной фамилии, женившись на кроткой хрупкой блондинке, озадачен, обес-

покоен, никак не может взять в толк причину её постоянной тоски, супружеского равнодушия, плохо скрытого отвращения к его близости в медовый месяц. Но однажды, придя домой неурочно, он застаёт молодую жену, счастливую, возбужденную, в обществе её подруги по колледжу (что так безутешно рыдала в церкви в час венчания), занятых порочной игрой переодевания то в мужские, то в женские костюмы, и после бурного объяснения между ними герой, подавленный, растерянный, соглашается наконец с предложением находчивой подруги попробовать жить втроём, и подробности этой брачной жизни втроём – в городской спальне, на загородной вилле, в номере отеля, на берегу солнечного моря – постепенно становились для молодого адвоката его новой любовью, его страстью, раздираемой постоянной ревностью к обоим...» [14, с. 27-28]. Откровенно-открыто Мария резюмирует своё восприятие популярного фильма: «Весь мир сошёл с ума. В отвратительных извращениях ищут правду и хотят внушить людям гадливость к самим себе. Для чего? Зачем?» [14, с. 28]. Мария начинает постепенно, возможно, пока интуитивно, осознавать, что на Западе такие отношения становятся нормой. Дальнейшие же события романа ясно дадут понять, что и в их родной стране, как видно из развития сюжета, ситуация далека от утешительной.

Другими словами, визуальная версия представляет общий смысл увиденного через интуицию (или сверхсознание), в то время как текст романа словно бы «расшифровывает» воплощённое на экране.

Итак, маска подчеркивает безусловное падение человеческой души. Человек всё видит в искривленном преломлении. Плохое путается с хорошим, красивое с безобразным, фантастическое – с реальным. Из человека, из его сознания и из души уходит сокровенная глубина. Он осмысляет только поверхностную сторону жизни. В этом плане Ю. Бондарев устами Ильи находит глубочайше-ёмкую и в этом смысле крайне удачную самохарактеристику: «Попробовал вина всех марок мира и все сигареты. И спал с женщинами всех мастей...» [14, с. 48]. То есть автор следит, как герои (не только Рамзин) начинают воспринимать лишь пресловутую поверхностность жизни. Жизнь, кроме

того, превращается в театральное действо (тут опять вспоминаются маски и карнавал в целом), в увлекательную, азартную игру, где каждый борется исключительно за своё, хватает привлекательное и нужное (в основном лишь материальное) исключительно и только для себя. Те, кто *вокруг, около них, рядом* с ними, наконец, в *них самих* (к примеру, в памяти) – не воспринимаются, перестают иметь хоть какую-то значимость. Как всё это касается Рамзина? Он бросил мать, никаким способом не давал о себе никаких известий на протяжении многих десятилетий. Трагизм ситуации усугубляется тем, что Рамзин проигнорировал то святое обстоятельство, что мать *ждала весточки от сына с войны и после войны*. Святость *ожидания* в эти годы – особое чувство, воспетое в стихах, песнях, произведениях. Часто именно *ожидание, вера в его спасительность*, действительно чудесным образом уберегали от смерти, забвения, проклятия, оживляли от, казалось бы, неизлечимых ран. Рамзин же оградил себя от самого себя, впал в крайний индивидуализм и эгоцентризм. К сожалению, многие качества его личности, обнаруженные в зрелые годы, давали о себе знать и в молодости. Исследование их – не тема данной статьи, однако в нашем случае следует заметить, что одна из «метафизических» причин невозвращения Рамзина – это, безусловно, гордыня, замеченная за ним ещё во времена ранней юности. Попадание в плен (неважно, при каких обстоятельствах) для *него* (!), привыкшего к самолюбованию, самомнению, в какой-то степени – самовлюбленности было нестерпимым ударом по самолюбию: ведь плен считался позором и часто не прощался. Однако дело даже не в этом. В случае с Рамзиным всё сложнее, и важен, повторимся, не только социальный фактор. ОН! – и вдруг ПЛЕН. И это было непереносимо. Вернуться с таким клеймом на родину гордыня ему, конечно, не позволяла.

Следует заметить, что писатель *типизирует* (желая того или не желая) в романе поступок Ильи. К глубокому сожалению, факты такого «исчезновения» нередко имели место. Очень многие боялись вернуться, растворяясь в глубинах мирового пространства, навсегда лишая себя родных корней, не давая о себе знать никому из близких. Бондарев же

вполне очевидно культивирует в «Выборе» ту мысль, что без Родины, во лжи, переодевшись, надев чужую, кажется, «спасительную» маску, забыв самого себя, человек получает духовную смерть.

Если вернуться к другим ситуациям, другим героям, их взаимоотношениям, то вполне очевидно, что поверхностная, «скользящая» жизнь требует, тем не менее, ношения далеко не только одной, единственной маски, а смены их, в зависимости от той ситуации, к которой необходимо приспособиться в данный момент и в данном месте. В тексте романа представлена россыпь подобных примеров. Вот один из них. После обеда с массой неудобных, но нужных людей Мария, обессиленная и болезненно-утомлённая, отвечает на реплики мужа: «Господи! – она опустила глаза, точно преодолевая боль, и он увидел её ресницы, тяжёлые от слез. – Неужели ты не понимаешь простых вещей – мне хочется побыть одной. Пойми меня, пожалуйста, я одна хочу отдохнуть от всего на свете...» [14, с. 8].

С другой стороны, маска, подобно вампиру (вспомним высказывание Флоренского), превращает живое, Божественное начало в человеке – в мертвечину; человек утрачивает жизненную силу и гибнет. Причем, как принято понимать в христианской системе координат, гибель духовная, безусловно, не тождественна гибели физической. И здесь опять вспоминается прежде всего «поздний» Ильи, гениально воспроизведенный как Ю. Бондаревым, так и В. Наумовым, – «живой труп», представший перед Марией и Васильевым среди внешне веселого, но, тем не менее, как бы равнодушного венецианского карнавала.

Священник Владимир Соколов в своей работе «Мистика или духовность? Ереси

против христианства», в одной из глав, посвящённой анализу драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад», абсолютно верно замечает: «Маска – это искусственный, фиктивный внутренний мир; она есть лишь застывший слепок бытия... она мертва, поэтому она ограничивает истинную жизнь. Она есть человеческая ограниченность. Человек, носящий маску, не знает бесконечности жизни: он знает жизнь не целостно (в её бесконечности), а ограниченно (в её застывших фрагментах – масках). В этой искусственной ограниченности и самоизоляции от органической (развивающейся) жизни – в душе (а позже и в теле) возникают сначала застойные явления, а затем и энергетическое истощение (энтропия)» [13, с. 86]. А вот сказанное далее, кажется, уже во многом относится к сюжетной линии Васильева, которая более сложна, нежели остальные, поскольку не так выпукло, ярко, откровенно представлена, как сюжетная линия Ильи: «Внутренняя и социальная маска, по существу своему, являются психологическими стереотипами, которые, с одной стороны, охраняют живой душевный процесс, а с другой – этот же самый процесс, если цикл созревания завершён и уже требуется начать новый цикл, удушают» [13, с. 86].

«Пустые» человеческие взаимоотношения неизбежно влекут за собой постепенное опустошение и «искусственный», апостасийный характер современной цивилизации в целом. Этот вопрос всегда волновал Ю. Бондарева, особенно в период зрелого творчества. Зачастую он соединял в своих романах темы мира и войны с данной, конкретной целью и занимался наложением, взаимопроникновением друг в друга противоположных художественных пространств. Однако это уже тема отдельного серьёзного аналитического разговора.

Список литературы

1. *Хворова Л.Е.* «Выбор» как художественный текст Ю. Бондарева и «кинотекст» В. Наумова: «поэтика не для всех». Часть первая. Рецепция и «диалогизация текстов» как теоретический базис исследования синтетических жанров // Профессиональная коммуникация: актуальные проблемы преподавания и исследования. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016.
2. *Хворова Л.Е., Цзоу Хаопин.* «Выбор» как художественный текст Ю. Бондарева и «кинотекст» В. Наумова: «поэтика не для всех». Часть вторая. «Рамзинский грех». Штрихи к исследованию // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 78-84.

3. Хворова Л.Е., Сунь Цзявэнь. Синтез искусств в прозе В.М. Шукшина (на примере киноповести «Калина красная»). Ретро-взгляд из эпохи 1960–1970-х годов // ФИЛОЛОГОС. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2018. Вып. 38 (3). С. 88-97.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
5. Женетт Ж. Работы по поэтике: Фигуры: в 2 т. М., 1988. Т. 1-2.
6. Гадамер З.Х. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.
8. Шкурят Л.С. Ю.В. Бондарев: творческая эволюция писателя. Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та, 2016. 364 с.
9. Груздев И. О маске как литературном приёме. Гоголь и Достоевский // Жизнь искусства. 1921. № 811. С. 109-121.
10. Данилин С.Ю. Лицо и маска в повествовании Ф.М. Достоевского: По роману «Униженные и оскорблённые» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2011. № 1 (13). С. 64-67.
11. Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 543 с.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
13. Соколов Владимир, священник. Метафизика грехопадения в драме Лермонтова «Маскарад» // Священник Владимир Соколов. Мистика или духовность? Ереси против христианства. М.: Даниловский благовестник, 2012. 560 с.
14. Бондарев Ю.В. Выбор // Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1986. Т. 5. 623 с.

References

1. Khvorova L.E. «Vybor» kak khudozhestvennyy tekst Y. Bondareva i «kinotekst» V. Naumova: «poetika ne dlya vseh». CHast' pervaya. Retseptsiya i «dialogizatsiya tekstov» kak teoreticheskiy bazis issledovaniya sinteticheskikh zhanrov [“Choice” as Y. Bondarev’s Literary Text and V. Naumov’s “Filmtext”: “Poetic Manner not for Everyone”. Part One. Reception and “Texts Dialogization” as a Theoretical Base of Synthetic Genres Study]. *Professional’naya kommunikatsiya: aktual’nyye problemy prepodavaniya i issledovaniya* [Professional Communication: Current Issues of Teaching and Study]. Tambov, Publ. House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2016. (In Russian).
2. Khvorova L.E., Zou Haoping. «Vybor» kak khudozhestvennyy tekst Y. Bondareva i «kinotekst» V. Naumova: «poetika ne dlya vseh». CHast' vtoryaya. «Ramzinskiy grekh». SHtrikhi k issledovaniyu [“Choice” as literary text of Y. Bondarev and “film text” of V. Naumov: “poetic manner not for all”. Part two. “Ramzin’s sin”: strokes for research]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2016, no. 2 (6), pp. 78-84. (In Russian).
3. Khvorova L.E., Sun Jiaven. Sintez iskusstv v proze V.M. Shukshina (na primere kinopovesti «Kalina krasnaya»). Retro-vzglyad iz epokhi 1960–1970-kh godov [The artistic composition of the Shukshin's novels (on the analysis of the film “Hongmei”). Retrospect to 1960–1970]. *FILOLOGOS*, 2018, no. 38 (3), pp. 88-97. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Narrative Art Esthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. (In Russian).
5. Zhenett Z. *Raboty po poetike: Figury: v 2 t.* [Poetics Works: Figures: in 2 vols.]. Moscow, 1988, vol. 1-2. (In Russian).
6. Gadamer Z.K. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Basic Principles of Philosophic Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988, 704 p. (In Russian).
7. Piskunova S.V. *Tayny poeticheskoy rechi (grammaticheskaya forma i semantika teksta)* [Secrets of Poetic Speech (Grammar Form and Text Semantics)]. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2002. (In Russian).
8. Shkurat L.S. *Y.V. Bondarev: tvorcheskaya evolyutsiya pisatelya* [Y.V. Bondarev: Creative Evolution of the Writer]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical Institute Publ., 2016, 364 p. (In Russian).
9. Gruzdev I. O maske kak literaturnom priyome. Gogol’ i Dostoyevskiy [On mask as a literary technique. Gogol and Dostoevsky]. *Zhizn’ iskusstva* [Art Life], 1921, no. 811, pp. 109-121. (In Russian).
10. Danilin S.Y. Litso i maska v povestvovanii F.M. Dostoyevskogo: Po romanu «Unizhennyye i oskorblyennyye» [The face and the mask in F.M. Dostoevsky's narration (based on his novel “The Insulted and Humi-

- liated”)]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*, 2011, no. 1 (13), pp. 64–67. (In Russian).
11. Ruzhitskiy I.V. *Yazyk Dostoyevskogo: idioglossariy, tezaurus, eydos* [Dostoevsky's Language: Idioglossary, Thesaurus, Eidos]. Moscow, LEKSUS Publ., 2015, 543 p. (In Russian).
 12. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Completed Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russian).
 13. Sokolov Vladimir, priest. *Metafizika grekhopadeniya v drame Lermontova «Maskarad»* [Metaphysics of the Fall in the Lermontov's play “Masquerade”]. In: Sokolov Vladimir, priest. *Mistika ili dukhovnost'?: Eresi protiv khristianstva* [Mystery or Spirituality? Heresy Against Christianity]. Moscow, Danilovskiy blagovestnik Publ., 2012, 560 p. (In Russian).
 14. Bondarev Y.V. *Vybor* [Choice]. In: Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Completed Works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, vol. 5, 623 p. (In Russian).

Информация об авторах

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ исторических литературных источников, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Цзинь Лили, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; аспирант. Бинхайский институт внешних дел, политологии и правоведения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: Jinlili8361450@126.com

Вклад в статью: изучение источника, обобщение опыта исследователей, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Хворова Людмила Евгеньевна
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.08.2019 г.
Поступила после рецензирования 10.09.2019 г.
Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the authors

Ludmila E. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Deputy Head of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Contribution: main study conception, historical literature references analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Lili Jin, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Post-Graduate Student. Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China. E-mail: Jinlili8361450@126.com

Contribution: source study, synthesis of researches experience, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6902-8907>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Ludmila E. Khvorova
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Received 6 August 2019
Reviewed 10 September 2019
Accepted for press 21 October 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525
УДК 821.161.1

Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо»

Наталия Владимировна СОРОКИНА, Людмила Евгеньевна АБРАМЕНКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: sorok_tam@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>, e-mail: luda9898@mail.ru

Magical realism traditions in the Dina Rubina's novel "Style of Leonardo"

Nataliya V. SOROKINA, Lyudmila Y. ABRAMENKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: sorok_tam@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>, e-mail: luda9898@mail.ru

Аннотация. Материалом представленного исследования является роман современной писательницы Дины Рубиной «Почерк Леонардо». Цель исследования – анализ указанного романа с точки зрения его преемственности традициям магического реализма. В работе определены черты, сближающие произведение с образцами магического реализма: сочетание ирреального и повседневного, принятие мистического как данности, усложнённый хроно-топ, проспекции и ретроспекции, недосказанность и загадочность в описании характеров и судьбы героев, полифонизм повествования, мифологизм, обращение к народному сознанию, экзистенциальная проблематика и открытый финал. Путём сравнительного анализа установлено, что данная традиция является доминирующей в романе. Вместе с тем отмечается, что роман «Почерк Леонардо» характеризуется синкретичностью. Подробно, от анализа упоминания реальных зеркал до воплощения принципа отражённого, иррационального, пространства, рассмотрен «зеркальный» пласт романа. Даны общие характеристики героям романа, объединяющие их с судьбами и принципами изображения персонажей произведений зарубежной литературы, традиционно рассматриваемых в рамках магического реализма. Отражены такие актуальные для современного литературоведения вопросы, как определение границ магического реализма и его признаков, а также определение места романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» в системе направлений и течений.

Ключевые слова: Дина Рубина; «Почерк Леонардо»; магический реализм; поэтика; мифологизм; синкретичность

Для цитирования: Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е. Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Нефилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 518-525. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525

Abstract. The material of the presented study is the novel by the modern writer Dina Rubina "Style of Leonardo". The aim of the study is to analyze the novel in its continuity with the magical realism traditions. We define the features of magical realism in the novel: a combination of the surreal and the everyday, a mystical acceptance as a fact, complicated chronotope, prospection and retrospection, innuendo and mystery in characters description and fate, polyphonism of storytelling, mythologism, appeal to popular consciousness, existential issues and open end. Using comparative analysis we establish that this tradition is dominant in the novel. The novel "Style of Leonardo" is characterized with syncretism. We consider the "mirror" layer of the novel in detail, from the analysis of real mirrors to the principle of reflected, irrational space. We present general characters features in the novel, these unite destinies and image principles of world literature cha-

racters, traditionally regarded within the framework of magical realism. Such issues as the definition of magical realism boundaries and its features, as well as the definition of the place of Dina Rubina's novel "Style of Leonardo" in the system of directions and trends are relevant for modern literary criticism.

Keywords: Dina Rubina; "Style of Leonardo"; magical realism; poetics; mythologism; syncreticism

For citation: Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Traditsii magicheskogo realizma v romane Diny Rubinoy «Pocherk Leonardo» [Magical realism traditions in the Dina Rubina's novel "Style of Leonardo"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 518-525. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Современной литературе свойствен эклектизм в отношении жанров, стилей и направлений. В значительной степени она опирается на сложившуюся культурную традицию, в той или иной форме обращается к классическим, признанным образцам.

Не стало исключением и творчество Дины Рубиной. Оно многопланово и разнообразно, синкретично. Писательница, сохраняя новаторство и индивидуальность, нередко насыщает свои произведения чертами, роднящими их с классикой.

В романе «Почерк Леонардо» (2007–2008) Рубина воспроизводит традицию магического реализма. Произведение открывает трилогию «Люди воздуха», включающую также романы «Белая голубка Кордовы» (2008–2009) и «Синдром Петрушки» (2010). Цикл романов посвящён творческим, обособленным от мира обывденности и повседневности личностям. Исследуемый роман повествует о непростой судьбе Анны – провидицы, циркачки, математически одарённого человека.

Актуальность данной работы обусловлена востребованностью в современном литературоведении сравнительно-исторического и интертекстуального подходов. Значительная часть художественных произведений нашего времени рассматривается в контексте продолжения, развития различных литературных традиций или же в оппозиции к ним.

Кроме того, вопрос о магическом реализме как течении, его признаках является дискуссионным. Исследованием этой проблемы занимаются О.А. Овчаренко, К.Н. Кислицын, А.В. Биякаева и др. [1–3]. Границы, определяющие данное течение, не до конца осмыслены и обозначены. Очевидно, что круг включаемых в это понятие литературных явлений будет расширяться. Об этом свидетельствует ряд фактов. Ранее было принято

ограничивать магический реализм географически: к нему относили только произведения латиноамериканских писателей. Однако впоследствии решающим стал поэтологический фактор.

Роман «Почерк Леонардо» вызывает опеределённый интерес у исследователей (работы Э.Ф. Шафранской, Т.Г. Прохоровой и Р.Р. Фаттаховой, Г.О. Ефремовой, И.В. Логвиновой) [4–7]. Однако количество работ, посвящённых этому произведению, не позволяет говорить о полной изученности романа.

Вопрос о месте произведения Д. Рубиной в системе литературных направлений и течений на данный момент не решён. Точки зрения, отражённые в научных статьях, разнятся. В критике применительно к роману чаще можно встретить более осторожное определение «мистический роман» [6]. Однако, как представляется, оно носит весьма обобщённый характер и не вполне отражает специфику произведения. Наряду с этим существуют исследования, где используется термин «магический реализм» [7]. Однако речь идёт лишь об элементах данного течения в романе, проводится анализ самых очевидных в этом отношении эпизодов.

Настоящее исследование вносит вклад в решение этой проблемы. В нём впервые последовательно соотносятся черты магического реализма и поэтологическая основа романа. Предлагается принципиально новое решение данного вопроса, позволяющее, с одной стороны, подчеркнуть, что традиция магического реализма является доминирующей в произведении, а с другой – избежать крайностей.

Целью работы является выявление признаков магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» и характеристика специфики их воплощения в произведении.

Магический реализм – одно из самых неоднозначных явлений в литературе. Своими корнями он уходит в двадцатые годы XX века. Первоначально термин использовался по отношению к живописи. Именно в таком контексте его употребил Ф. Роо в книге «Постэкспрессионизм. Магический реализм» (1925). Течение стало ответом на усложняющуюся, перманентно меняющуюся реальность. Пик популярности магического реализма связан с латиноамериканскими романистами шестидесятых-семидесятых годов. Наиболее известным среди них является Габриэль Гарсиа Маркес, автор таких произведений, как «Сто лет одиночества», «Полковнику никто не пишет», «Осень патриарха». В литературоведческой науке магический реализм трактуют как изображение реального мира, в канву которого вплетаются элементы необычного, мистического. О.А. Овчаренко предлагает такую формулу для данного течения: «Человек живёт в реальности, совмещающей в себе современность и историю, сверхъестественное и естественное, паранормальное и обыденное» [1, с. 421].

При анализе поэтики романа «Почерк Леонардо» обнаруживается ряд признаков, которые свидетельствуют о том, что он во многом наследует традиции магического реализма.

Для данного течения характерно изображение не только мистического, но и повседневно-реального. Реалиям действительности уделяется немало внимания. В романе Д. Рубиной действие происходит во второй половине XX века. Реалии советского быта нашли непосредственное отражение в романе. Так, изображается утреннее пробуждение под гимн Советского Союза [8, с. 23]. Один из героев вспоминает, как бабушка его соседей стала женой «врага народа» и от неё отсеклись собственные дети [8, с. 22]. Приёмные родители Анны собираются на концерт Райкина [8, с. 14]. Кроме того, события разворачиваются в реально существующих городах: Киев, Гурьев, Бостон, Монреаль – и многих других.

Границы между действительным и ирреальным в романе иллюзорны. Повествователи постоянно сменяют друг друга, повествование субъективно. Необычное и реальное переходят друг в друга. Рассказчики с неуве-

ренностью свидетельствуют об увиденном ими. Они думают, им что-то могло показаться, что-то они могли неправильно понять. Их повествование иногда становится сбивчивым, наполненным догадками. Пространство романа наполняется также слухами, исходящими от простых людей, окружающих главную героиню, которые оказались не готовы к встрече с необыкновенным. Субъективность и относительность занимают важное место в картине мира, выстраиваемой в русле магического реализма.

В романе мистические мотивы приобретают определяющее значение, являются сюжетообразующими. Один из многочисленных даров, которым наделена Анна, – это дар предвидения и пророчества. Её способности вызывают ряд коллизий и приводят к непониманию между нею и другими людьми. В произведении лейтмотивом звучит слово *странно*. Это слово описывает все ситуации, сопряжённые с главной героиней.

Вся жизнь Анны необычна. Кроме того, она привносит мистику в жизнь других людей. Её появление и её исчезновение в высшей степени загадочны. Перед принятием важного решения взять Анну на воспитание Маша, её будущая приёмная мать, испытывает необъяснимое беспокойство. Зеркало, стоящее в прихожей, кажется ей бездной [8, с. 13]. Следствие и причина меняются местами. Маша подсознательно чувствует, что вскоре в её жизнь войдёт необыкновенное.

Процесс удочерения проходит очень гладко, будто так и должно быть, всё идёт по предначертанному. Жизнь, череда событий словно сами ведут Машу к встрече с Анной. Символично, что главная героиня появляется в жизни Маши и Анатолия спустя ровно год после того, как у пары родился мёртвый ребёнок.

Произведения магического реализма характеризуются хронологической неупорядоченностью. Время в них то откатывается назад, то стоит на месте, то спрессовывается, ускоряя свой бег. В частности, в повести Г.Г. Маркеса «Полковнику никто не пишет» часты экскурсы в прошлое, настоящее же героя подобно сну.

Часты ретроспекции и проспекции и в романе Д. Рубиной. Много внимания уделяется детству Анны и других героев романа.

Главная героиня с детства проявляла свои поразительные способности, чем пугала окружающих. Проспекции используются при рассказе об участии Анны. Практически с начала повествования становится известно, что она бесследно исчезла, предположительно погибла. Так в повествование вводится своего рода хронологическая инверсия. Нарушение хронологии повествования в произведении обусловлено, в том числе, даром Анны. Она связывает разные временные пласты. Героиня не только видит будущее, но и знает людей, которые жили давно, видит их своим особым внутренним зрением.

Посредством воспоминаний изображаются простые, бесхитростные люди, иногда проявляющие примитивное мышление и даже жестокость, а иногда – невероятную стойкость и выдержку. В произведениях магического реализма автор даёт право голоса представителям народного мышления. Обращение к истокам питает данное течение. Традиционный мир предстаёт непохожим на то, что имеет место в уходящей от вековых устоев современности.

В романе представлена целая галерея образов, воплощающих глубинное народное мировоззрение. Прежде всего, это родственники Машиного мужа Анатолия. Они бесхитростны и прямолинейны, как это следует из телефонного разговора в начале романа. По отношению к ним в произведении употреблена следующая интересная фраза: «Живые с покойниками в той родне дружно шагали рука об руку из рода в род, весело переключаясь и переругиваясь, доспоривая, допевая песню и допивая шкалик» [8, с. 12]. Таким образом смыкаются мир мёртвых и мир живых.

Ещё один представитель простого народа в произведении – соседка Шура. Она пытается позаботиться об Анне, но в то же время боится её и испытывает радость, когда ребёнка удочеряют. Мысль о девочке настолько парализует Шуру, что она даже неправильно кладёт крестное знамение. Женщина «ошиблась в направлении» [8, с. 18], что весьма символично, поскольку главная героиня видит мир перевернутым, с оборотной, зеркальной его стороны. В Шуре сочетается природная доброта и опасливость, религиозность и суеверность.

Особый интерес представляет родословная Семёна, фэготиста, друга и возлюбленного Анны. Его родственники – жители российской глубинки, семья Солодовых. Члены этого семейства воплощают в себе одни из наиболее ярких национальных типических черт. Они отражают закрепившееся практически на уровне легенды представление о сложности и противоречивости русского человека, о загадочной русской душе. Сын Геннадий, в юности бывший в высшей степени озорным человеком, настоящим разбойником, повзрослев, уходит в монастырь со строжайшим уставом: молодецкая удаль органично сменяется аскетизмом и бесстрашием. Разумный и благородный глава семейства Василий в состоянии алкогольного опьянения мучает домочадцев. Этот же человек, несмотря на свою инвалидность, высаживает целый фруктовый сад, потому что его душа жаждет дела, он горел этой идеей. Упорство, силу духа, наличие духовных потребностей, тягу к высокому проявляет он, находясь при этом во власти порока. Его теща, Капитолина Тимофеевна, воплощает тип сильной русской женщины. Она способна стерпеть всё, даже отказ от неё собственных детей через газету. Капитолина Тимофеевна постоянно трудится. Василий всю жизнь враждовал со строгой и непримиримой тещей. Когда же она умерла, его охватила глубокая тоска.

В романе причудливо не только время, но и пространство. Особым местом становится цирк, в котором Анна работала. Цирк – это среда, где мистическое совершенно органично входит в обыденную реальность.

Магический реализм мифологизирован, опирается на легенды, сказания, народные мистические представления. В рассматриваемом произведении отражено немало подобных элементов вековой мудрости.

Во-первых, мифологизм прослеживается уже на уровне заглавия. Роман называется «Почерк Леонардо», потому что главная героиня пишет так называемым *зеркальным* почерком. По преданию, такой почерк был у Леонардо да Винчи. Сама фигура великого деятеля Возрождения во многом загадочна, ведь он жил много веков назад, а значит, получить полные достоверные сведения о его личности крайне затруднительно.

Леонардо да Винчи выступает в произведении в качестве своеобразного двойника Анны. Героиня романа – человек эпохи Возрождения. Она чрезвычайно одарённая личность. Она соединяет легендарное прошлое и повседневность. Однако своему времени Анна оказывается не нужна, её не принимают и отвергают.

Во-вторых, один из эпиграфов к роману взят из Библии: «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до восхода зари» [8, с. 9]. История о борьбе с высшими силами получает воплощение в произведении. Анна не желает принимать свой дар, он тяготит её. Вся жизни героини превращается в борьбу.

В-третьих, в романе реализуется бытующий в народной среде тезис о том, что магические способности передаются по наследству. Анна якобы приходится внучкой известному экстрасенсу Вольфу Мессингу. Этим обстоятельством объясняется её дар предвидения, её прозорливость.

В-четвёртых, ключевым в произведении становится образ-символ зеркала, которое «с древнейших времён считалось носителем иррационального начала и играло роль организатора субъективного пространства» [9, с. 308]. В народной традиции данный предмет интерьера считается порталом в иной мир: его закрывают, когда в доме находится покойник; перед ним гадают. Помимо этого, образ в романе служит созданию определённого колорита, поскольку является магическим атрибутом и загадочным предметом.

Зеркала окружают Анну с раннего детства. Большое зеркало стоит в прихожей семьи, которая удочерила девочку. Анна верит, что её родная мать, которая умерла, «в зеркало ушла» [8, с. 51]. Впоследствии главная героиня связывает свою жизнь с изучением оптических свойств зеркал, выстраивает номера с ними. Примечательно, что, по воспоминаниям одного из коллег Анны, каскадёра, она впервые предстала перед ним, появившись будто из зеркала [8, с. 31].

Кроме того, в смысловом поле романа находит отражение представление о том, что талант даётся свыше и о необходимости реализации таланта. Очевидны параллели с библейской притчей, в которой рассказывается о человеке, зарывшем свой талант в землю. Анна постоянно общается с Тем, Кто наде-

лил её необыкновенными способностями, она всячески пытается отвергнуть этот дар. Однако в народной мифологии укоренилось представление, согласно которому противиться судьбе невозможно («От судьбы не уйдёшь»). Конфликтом романа является борьба личности, Анны, с предопределением, права человека самому определять свою судьбу и фатализма.

Наконец, примитивные мифологизированные представления воплощены в портрете Анны. Впервые в романе она предстаёт как девочка с рыжеватыми волосами и зелёными глазами [8, с. 17]. Согласно средневековой традиции, женщины с подобной внешностью считались ведьмами. Данный миф обыгран в романе, ведь Анна действительно оказывается практически ведьмой.

В рассматриваемой литературной традиции мистическое, инфернальное изображается как правдоподобное. Ему не требуется объяснений. Необходимо принять логику этого причудливого мира с реалистическими очертаниями и фантастическими вкраплениями. В романе «Почерк Леонардо» окружающие Анну люди поражены её способностями, стремятся понять их природу, получить хоть какое-то объяснение. Но логика безусловного принятия мистической данности всё же присутствует в произведении: это взгляд на мир маленькой Анны, переданный при помощи несобственно-прямой речи, который характеризуется безусловным принятием всего происходящего.

Более того, все попытки объяснить выходящее за рамки логики не увенчались успехом. Повествователи начинают впадать в сплетни и домыслы. Они не могут точно сказать, привиделось ли им что-то или же это было на самом деле. Благодаря этому жизнь Анны, рассказанная таким образом, обрастает мифами. Автор строит повествование как ряд свидетельств об ирреальном.

Анна является человеком одиноким, что достаточно распространено в традиции магического реализма. Ей приходится нелегко в общении с людьми, однако тех людей, с которыми она сходится, героиня выбирает сама. Анна выбрала и приёмных родителей, и близкого друга. Семён становится самым преданным ей человеком. Он познакомился с Анной, когда та была ещё девочкой. Спустя

много лет она подала ему знак, сказав одно слово, которое сразу напомнило герою о загадочной малышке [8, с. 46].

О.А. Овчаренко в этой связи отмечает, что в произведениях магического реализма нашла отражение «антиэкзистенциалистская идея неестественности одиночества, его разрушительности для личности» [1, с. 422]. К.Н. Кислицын, напротив, пишет о доминировании в рассматриваемой традиции «экзистенциального мировосприятия» [2, с. 276]. Подобные противоречия свидетельствуют о незавершённости процесса выделения признаков, характеризующих данное течение.

В романе Д. Рубиной экзистенциальная проблематика однозначно присутствует. Представлен контраст обычного мира и мира за гранью бытия, мира *зеркального*. Не случаен тот факт, что Анна никогда не была способна сразу узнать себя в зеркале [8, с. 38]. Для неё мгновения до узнавания становятся минутами небытия.

Судьба главной героини в романе до конца не проясняется, сохраняется загадка. Ведётся даже расследование её исчезновения. По слухам, Анна прыгнула с моста на мотоцикле, которым виртуозно умела управлять. Героиня составляла с ним единое целое. Однако ни тело Анны, ни мотоцикл найдены не были. Она словно растворилась. Подобно Ремидиос Прекрасной из романа Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества», которая вознеслась на небо на простынях, Анна воз-

неслась на мотоцикле в неизвестность [10]. Таким образом, финал с полным основанием можно назвать открытым. Это в духе магического реализма, где загадку, тайну предпочитается сохранять до конца.

Заметим, что в романе прослеживаются черты различных литературных традиций, хотя признаки магического реализма являются доминирующими. В частности, такого направления, как романтизм: присутствует двоемирие, главная героиня одинока, является выдающейся личностью и находится в конфронтации с филистерами.

Таким образом, роман Дины Рубиной «Почерк Леонардо» обладает значительным количеством признаков, сближающих его с произведениями магического реализма: сочетание ирреального и повседневного, принятие мистического как данности, проспекции и ретроспекции, полифонизм повествования, мифологизм, отображение народного сознания, обращение к экзистенциальной проблематике, открытый финал. Данные черты позволяют говорить о преемственности традициям рассматриваемого течения. Роман представляет собой индивидуально-авторский, осовремененный вариант магического реализма. Поэтика этого течения превалирует в произведении, однако наряду с ней роман обогащён иными эстетическими установками, являясь синкретичным по своей природе.

Список литературы

1. Овчаренко О.А. Магический реализм // Теория литературы: в 4 т. Т. IV. Литературный процесс / под ред. Ю.Б. Борева. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 421-425.
2. Кислицын К.Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274-277.
3. Биякаева А.В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 70-73.
4. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). СПб.: Своё издательство, 2012. 470 с.
5. Прохорова Т.Г., Фаттахова Р.Р. Особенности повествовательной структуры романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Филология и культура. 2014. № 2 (36). С. 160-165.
6. Ефремова Г.О. Анализ мистического романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 3 (145). С. 104-107.
7. Логвинова И.В. Элементы магического реализма в романах Дины Рубиной // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 17-20.
8. Рубина Д. Люди воздуха: Трилогия в одном томе. М.: Изд-во «Э», 2015. 976 с.
9. Саликова О.Р. Мотив зеркального отражения в романе Л.М. Леонова «Пирамида» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 11 (139). С. 308-313.

10. Маркес Г.Г. Сто лет одиночества. М.: АСТ, 2013. 477 с.

References

1. Ovcharenko O.A. Magicheskiy realizm [Magical realism]. *Teoriya literatury: v 4 t. T. IV. Literaturnyy protsess* [Theory of Literature: in 4 vols. Vol. 4. Literature Process]. Moscow, IWL RAS, "Naslediyе" Publ., 2001, pp. 421-425. (In Russian).
2. Kislitsyn K.N. Magicheskiy realizm [Magical realism]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 1, pp. 274-277. (In Russian).
3. Biyakayeva A.V. Vzaimosvyaz' urovney khudozhestvennoy real'nosti v tekstakh sovremennogo magicheskogo realizma [Interrelation of art reality levels in texts of modern magic realism]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies], 2017, no. 2 (15), pp. 70-73. (In Russian).
4. Shafranskaya E.F. *Sindrom golubki (Mifopoetika prozy Diny Rubinoy)* [Dove Syndrome (Mythopoeitics of Diana Rubina's Prose)]. St. Petersburg, Svoyo Publ., 2012, 470 p. (In Russian).
5. Prokhorova T.G., Fattakhova R.R. Osobennosti povestvovatel'noy struktury romana Diny Rubinoy «Pocherk Leonardo» [Narrative structure features in Dina Rubina's novel "Leonardo's hand"]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2014, no. 2 (36), pp. 160-165. (In Russian).
6. Efremova G.O. Analiz misticheskogo romana Diny Rubinoy «Pocherk Leonardo» [Analysis of mystical novel "The Handwriting of Leonardo" by Dina Rubina]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of Adyghe State University*, 2014, no. 3 (145), pp. 104-107. (In Russian).
7. Logvinova I.V. Elementy magicheskogo realizma v romanakh Diny Rubinoy [Magical realism elements in the novels by Diana Rubina]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities], 2016, no. 4, pp. 17-20. (In Russian).
8. Rubina D. *Lyudi vozdukh: Trilogiya v odnom tome* [People of Air: Trilogy in the Same Volume]. Moscow, "E" Publ., 2015, 976 p. (In Russian).
9. Salikova O.R. Motiv zerkal'nogo otrazheniya v romane L.M. Leonova «Piramida» [Mirroring theme in L.M. Leonov's novel "Pyramid"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 11 (139), pp. 308-313. (In Russian).
10. Markes G.G. *Sto let odinochestva* [One Hundred Years of Solitude]. Moscow, AST Publ., 2013, 477 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сорокина Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, поиск литературы, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Information about the authors

Nataliya V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Contribution: main study conception, literature search, materials processing and editing, source material acquisition, final manuscript approval.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Абраменкова Людмила Евгеньевна, научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: luda9898@mail.ru

Вклад в статью: обзор литературы, анализ художественного текста, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Сорокина Наталия Владимировна

E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Поступила в редакцию 15.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 08.09.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Ludmila Y. Abramenkova, Research Worker of International Scientific Center for the Study of the Creative Heritage of E.I. Zamyatin. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: luda9898@mail.ru

Contribution: literature review, literary text analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Nataliya V. Sorokina

E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Received 15 August 2019

Reviewed 8 September 2019

Accepted for press 25 October 2019

Время и слово в социокультурном пространстве современности

Анатолий Иванович ИВАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-3974>, e-mail: ivanov_ai@bk.ru

Time and word in social and cultural space of the modernity

Anatoly I. IVANOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-3974>, e-mail: ivanov_ai@bk.ru

Аннотация. При обращении к минувшей эпохе чаще всего имеется в виду социально-политическая система и, соответственно, в центре внимания – мнения философов, социологов, политологов и т. д. При этом нередко в стороне остаётся человек, его чувства, мироощущение. Это наглядно проявляется в отношении к недавнему советскому прошлому нашей страны. В связи с этим наряду с освещением проблемы фиксации времени в художественном сознании предпринят анализ духовной жизни переходного времени, главной особенностью которого являются противоречивые оценки 70-летней истории СССР. И дело не только в нигилистическом отношении, в упрощённом отрицании советского опыта, а в игнорировании духовных поисков, истории формирования образов и смыслов, свойственных нашей нации. Минувшее время – это не только экономика и идеология, это и художественная культура. Нигилистическое отношение к советской эпохе – путь к забвению огромного культурного пласта. Это аксиома, которую почему-то нужно доказывать вновь и вновь. Социокультурный подход к осмыслению прошедшего и настоящего времени обладает большей толерантностью в суждениях и, с другой стороны, позволяет восполнить лакуны в общественном сознании, представить духовную жизнь в многообразии, неповторимости. Произведения мастеров слова, экрана, выводы социологов способствуют осмыслению недавнего прошлого и быстроменяющейся действительности переходного времени.

Ключевые слова: художественная и публицистическая рефлексия переходного времени; ценностные ориентиры; советское прошлое

Для цитирования: Иванов А.И. Время и слово в социокультурном пространстве современности // Нефилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 526-536. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-526-536

Abstract. Referring to the past era often intends to show the social and political system and, accordingly, focus is on the opinion of philosophers, sociologists, political scientists, etc. In this case, often on the sidelines is a person, his feelings, and attitude. This is evident in the attitude to the recent Soviet past of our country. In this regard, along with the coverage of the problem of time fixation in the artistic consciousness, we analyze the spiritual life of the transitional period, the main feature of which is the contradictory assessment of the 70-year history of the USSR. And it is not only about the nihilistic attitude, in the simplified denial of the Soviet experience, but also on ignoring the spiritual quest, the history of the formation of images and meanings inherent in our nation. The past time is not only economics and ideology, it is also artistic culture. Nihilistic attitude to the Soviet era is the way to oblivion of a huge cultural layer. It is an axiom which for some reason needs to be proved again and again. The social and cultural approach to the understanding of the past and present time has a greater tolerance in judgments and allows to fill the gaps in the public consciousness, to present spiritual life in diversity and uniqueness. The works of words,

screen masters, sociologists conclusions contribute to the understanding of the recent past and the rapidly changing reality of the transition time.

Keywords: artistic and publicism reflection of the transition time; value orientation; Soviet past

For citation: Ivanov A.I. Vremya i slovo v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennosti [Time and word in social and cultural space of the modernity]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 526-536. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-526-536 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Чтобы знать, куда нам идти,
надо знать, откуда мы пришли.
В.О. Ключевский

Время. Насколько же многомерно это понятие: это и быстро бегущие годы, и медленно тянущиеся секунды. Это оставляющие неизгладимый след события и забывающиеся даты. Запечатлеть время пытались художники, осмыслить время стремились философы, понять – поэты. Вспоминаются строки А.С. Пушкина:

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу... [1, с. 86]

Время в широком смысле издавна привлекало внимание физиков и лириков, фантастов и сказочников, мемуаристов и бытописателей, журналистов и блогеров. Оно запечатлевается в памяти очевидца и в исследовании учёного. Так, одну из статей поэт и критик Серебряного века В. Ходасевич начинает с рассказа о том, что ему довелось побывать на лекции об И. Анненском. В словах лектора ничего не вызывало сомнения, добросовестно излагались факты, и всё же Ходасевич почувствовал, что нарисованная лектором картина Серебряного века слишком отличалась от времени, в котором сам Ходасевич вырос как личность и поэт. «Причина стала мне ясна сразу. Лектор знал символизм по книгам – я по воспоминаниям» [2, с. 154]. В той атмосфере вещи освещались совсем иными лучами, и предметы приобретали новые очертания. Ходасевич знал эпоху лично, по опыту жизни, быта, общения, творчества. Обращение к воспоминаниям самого Ходасевича и его современников, которые по личной памяти запечатлели атмосферу блистательного, ренессансного русского Серебряного века – обращение к *свидетельствам очевидца*. В этих рассказах участников и творцов эпохи отражается постижение не в терминах учёности, а в живом свете личной *памяти*.

Но что оставит в памяти потомков нынешнее время? Конец апреля 2018 года. Публицист, политик Ю. Болдырев начинает свою колонку в «Литературной газете» перечислением недавних событий: «Выборы президента, отравление воздуха газами с мусорных свалок и последовавшие протесты в Подмосковье; пожар-трагедия в Кемерове; очередная провокация с якобы химическим оружием в Сирии; американские санкции и обвал нашего фондового рынка и рубля; бомбометание США и примкнувших в Сирии... Что здесь главное?» [3].

И на этой же апрельской неделе в самом конце телепередачи «Агора», посвящённой 100-летию окончания Первой мировой войны, обретению независимости Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой, судьбе Версальского договора, её участник Анатолий Торкунов, ректор МГИМО МИД РФ, полушутя сказал: «...мы так много говорим об ужасах, которые вокруг нас существуют, что мы сами иногда начинаем себя настраивать на такого рода лад. А в принципе, жизнь идёт нормально. Вот мы выйдем сейчас из студии и увидим: идут улыбающиеся люди, красивые девушки, мужчины с цветами; кто-то спешит на дачу, кто-то – на свидание... Поэтому не хотелось, чтобы в обществе создавалось состояние бесконечного напряжения...» [Телеканал «Культура». 21.04.2018]. И с этим жизнеутверждающим посылом трудно спорить.

Всего лишь двадцать лет нашего столетия вместили немало изменений в самых различных сферах: присоединение Крыма и повышение пенсионного возраста, успехи нанотехнологии и снижение жизненного уровня российских граждан, цифровизация общества и трансформация духовных ценностей. Как обозначить относительно стабильное второе десятилетие XXI века, обыденную жизнь миллионов граждан, в которой ничего кардинально не меняется, несмотря на выборы президента и горящие мусорные свалки? Как повествовать современному Чехову о

«том, что происходит, когда не происходит ничего»? Или как исполнить желание поэта «поймать переход времени в вечность» (выражение поэта Владимира Соколова). В каком реальном мире мы живём, где культурное одичание нередко правит свой пошлый бал? *Какова духовная природа происходящего*, которая, по словам П. Чаадаева, «усматривается при некотором особом озарении»?

Попытаться ответить на эти вопросы пробуют сейчас российские кинодокументалисты. В январе 2018 г. в «Госфильмофонде» прошло Всероссийское совещание кинодокументалистов, созданное правлением Союза кинематографистов. На этом совещании режиссёр Сергей Мирошниченко внёс предложение о запуске пилотного проекта кинолетописи, отражающего важнейшие общественные, производственные, культурные и спортивные события российской жизни в 2018 году. Работа над этим альманахом должна стать коллективным вкладом документалистов в новейшую историю страны, остававшуюся за кадром в течение тридцати последних лет (телевизионные, непригодные для объёмных полотен, сюжеты не в счёт). В случае если президент поддержит проект, в канун нового, 2019 года мы увидим *фреску* «Нас 147 миллионов» [4]. Киноаналитик И. Беляк сказал на этом совещании, что навсегда запомнил слова М. Ромма: «Документальное кино – это школа правды». И добавил: «Правда, художественно осмысленная и запечатленная в документе кинолетописи, служит настоящей основой истории, которую будут знать будущие поколения» [4].

Осмысление современности – сложная задача, даже если речь идёт о каком-либо относительно стабильном периоде. Но эта сложность многократно возрастает, когда имеется в виду *переходное время*. Более семи десятилетий наша страна руководствовалась социалистическими идеями, существовали определенные идеалы. Затем общество ступило на иные пути. До сих пор вопрос о том, при каком строе мы жили четверть века тому назад, можно считать открытым. Если считать, например, что 1970–1980-е гг. были временем развитого социализма, то тогда получается, что это такая «высокая стадия социализма, когда без денег ещё ничего не дают, но и за деньги уже ничего достать

нельзя» [5, с. 196]. На вопросы о «базисе и надстройке» минувшего времени нет ясных ответов. Но их нет и по отношению к нынешнему времени. Роль материально-технических, экономических изменений огромна. Но едва ли меньшее значение имеет духовная сфера, изменения в мировосприятии нашего соотечественника. И в связи с этим современная культура – едва ли не единственный фронт революции сознания. По словам современного писателя, назрела потребность в переоценке недавних событий (крушения советской державы), что «связано не только с ностальгией по Союзу, но и с очевидным разочарованием в капиталистическом проекте» [6, с. 119]. В данном контексте особое значение приобретают вопросы, связанные с поисками новой идентичности, способов существования и выживания в сложных драматических условиях постоянно происходящих изменений, социальных потрясений, *смены идеологических приоритетов*, общественно-политических катаклизмов; вопросы, рассматриваемые в сравнительной ретроспективе. Поэтому помимо внимания к социально-политическим наукам о современности необходимо обращение к художественной культуре, не только отражающей реальность, но и *вызывающей чувства и побуждающей к размышлениям*.

Актуальность обращения к духовной жизни переходного времени заключается, прежде всего, в осмыслении роли и места духовного наследия советского прошлого. Социокультурный анализ, на наш взгляд, предполагает междисциплинарный подход, сводящий вместе не только *размышления* социологов, экономистов, политологов, философов, представителей других гуманитарных специальностей, но и *творчество* мастеров искусства. Объём одной статьи позволяет остановиться главным образом только на этой проблеме – *отношении к прошлому*. На глазах современников это прошлое именовалось и переименовывалось неоднократно – «тоталитарный режим», «времена застоя», «секонд хенд» и т. д. Встречались попытки определить, что такое «советский», а что такое «совковый». В 1990-е гг. преобладало негативное к нему отношение, в нулевые – неопределённо-туманное. В 2010-е гг. зазвучали голоса о том, что неплохо бы по-

хозяйски, разумно отнестись к тому, что было создано старшим поколением, обозначилось стремление показать на киноэкране героическое прошлое страны. В потоке суждений нередко смешивались факты и приметы экономической, политической и культурной жизни. И всё яснее становилось, что советское прошлое – это не только «железный занавес», тиски цензуры, нехватка колбасы, но и не только полёт Гагарина, спортивные достижения, огромные тиражи книг...

Когда задумываешься о том, в каком же обществе мы живём, и какой была недавняя советская действительность, вспоминается образ «полутораглазого стрелца» из одноимённой книги Бенедикта Лившица (1933). И вот почему. В книге автор стремился осознать особенности искусства начала XX века. Ещё свежа была память о событиях, в ней описанных. Многие их участники были живы. Но решительно изменился литературный быт. Пути прежних соратников разошлись. И потому недавнее прошлое оценивалось ими по-разному. Ещё не сложилось историческое отношение к нему. Некоторые критики восприняли «Полутораглазого стрелца» как реставрацию прошлого, хотя Бенедикт Лившиц как раз пытался встать на историческую точку зрения, дать как можно больше фактов и проанализировать их. Он хорошо видел у футуристов расхождение теории с практикой, отделял декларации от реальных достижений [7].

В конце второй главы Лившиц расширяет название своей книги: «<...> на встречу Западу, подпираемые Востоком, в безудержном катаклизме надвигаются залитые ослепительным светом праистории атавистические пласты, делювиальные ритмы, а впереди, размахивая копьём, мчится в облаке радужной пыли дикий всадник, скифский воин, обернувшись лицом назад и только полглаза скосив на Запад, – полутораглазый стрелец!» [8, с. 80].

Этот полутораглазый скифский воин видится в расхождении оценок минувшего. Кажется, прошло время огульного очернительства, и в фильмах, вышедших в 2017 году, «Время первых», «Салют-7», «Движение вверх», зазвучала гордость за былое величие. Но, видимо, не пришло ещё время дать объективную оценку советскому строю, о чём

свидетельствует одна из недавних юбилейных дат. Речь идет о 25-летию распада СССР (2016 г.).

На годовщину крупномасштабного события, повлиявшего на ход дальнейшей истории не только России, но и всего мира, откликнулись буквально все российские СМИ. В телевизионных дебатах, аналитических статьях звучали и приверженность ушедшему в прошлое коммунистическому строю, и оптимистичный взгляд в будущее, и критика существующего строя. Самое беглое упоминание о важнейших публикациях и передачах заняло бы немало места. И всё же обратимся к некоторым из них.

Так, например, телепрограмма «Время покажет» (Первый канал) 8 декабря 2016 г. началась с того, что были представлены результаты опроса, проведённого среди жителей России, из которых более половины (56 %) хотели бы вернуть Советский Союз. В студии размышляли о том, чего не хватает людям и что именно они хотели бы вернуть из своего прошлого. Кто-то упомянул утраченные социальные блага – бесплатное образование, здравоохранение, детское саморазвитие, путёвки на курорты. Кто-то высказался об отсутствии на сегодняшний день той самой национальной идеи или мечты, другие – о пресловутой нестабильности. Одно было неоспоримо: что-то в стране нужно менять, совершенствовать, и наша великая отчизна, по мнению ведущих телепрограммы, уже смело движется в этом направлении.

Подводя итоги обсуждения, ведущий Артём Шейнин сказал: «На мой взгляд, Советский Союз – это великая часть нашей истории, наполненной как трагедиями, так и великими победами. Но Советский Союз изначально существовал, потому что был введён идеей. Ради этой идеи приносились колоссальные страшные жертвы. Но эта идея постепенно становилась буржуазной, постепенно уходила. Исчезло понимание, ради чего жертвовать. И тогда появился Горбачёв, который абсолютно извратил идею, попытавшись её изменить. Она не подлежала реконструкции, и вся эта придуманная структура стала сыпаться. В конечном итоге, люди потеряли смысл существования. Великая империя исчезла. Выводы, которые нужно сделать сейчас, – о том, что страшным является

отсутствие развития, отсутствие сменяемости элит. Уже сейчас в стране начинаются существенные изменения кадровой политики и, в целом, колоссальные изменения. Но этих изменений мало, если не появится идея и понимание – ради чего создается современный русский проект», – завершил он на общеприимительной ноте¹.

На телеканалах ТВЦ и «Звезда» при обсуждении истории и судьбы СССР звучали вопросы, ставшие типичными: «Почему и как развалился СССР? Кто виноват в крахе второй сверхдержавы XX века – 70-летнее правление коммунистической партии или разрушительное воздействие извне?»

Результатами проведенного опроса «Хотите ли Вы лично возрождения СССР?» поделился ТВ-Центр. Цифры, приведенные в программе «Право голоса», оказались весьма характерными: 79 % – за возрождение СССР, и всего лишь 21 % – против. Кстати, результаты другого такого опроса, проведенного социологами «Левада-Центр» в 48 регионах нашей страны, которые были опубликованы на сайте телеканала «Звезда», были близки к приведенным ТВ-Центром: 68 % опрошенных заявили, что мечтают о возрождении Советского Союза. Такие результаты невольно заставляют задуматься о причинах, их порождающих.

25-летие распада СССР не обошли вниманием все федеральные газеты. Значительный резонанс вызвала статья М.С. Горбачёва «25 лет спустя: правда и уроки», опубликованная в «Российской газете». В ней бывший президент СССР поделился собственными мыслями о распаде Советского Союза, а также о том, кто виноват, и можно ли было это предотвратить. В частности, «виновницей» развала он считает Россию: «Если бы не позиция России, у сепаратистов других республик никогда не хватило бы сил развалить Союз», – написал М.С. Горбачёв в статье. Некоторую долю своей вины он, тем не менее, признал, но истинными «предателями» рухнувшей страны назвал Бориса Ельцина и его сообщников. На всё чаще звучащие во-

просы в обществе о том, следовало ли применять силу для сохранения Советского Союза, М.С. Горбачёв дает прямой ответ: «Как и тогда, сегодня я убеждён: этого делать было нельзя. Это пахло пожаром в большом доме, проще говоря – войной. На такой риск в стране, перегруженной проблемами, конфликтами, оружием, нельзя было идти» [9].

Вполне естественным было ожидание публикаций, выражающих точку зрения руководителей страны. И в «Российской газете» появилась статья «Песков рассказал об отношении Путина к распаду СССР». В ней, со слов пресс-секретаря главы государства, прозвучавших в интервью телекомпании «Мир», можно было узнать, что «президент Путин по-прежнему считает, что это была катастрофа для тех народов, которые жили под крышей одного союзного государства. Это была катастрофа, которая значительно отбросила нас в нашем развитии» [10]. Однако здесь же Д.С. Песков отметил, что, по мнению президента, говорить о возрождении прежнего Союза не приходится – это попросту невозможно. В суждениях, высказанных в оппозиционных СМИ, наиболее частыми были упреки и сожаления именно по поводу столь лаконичной оценки советского прошлого, данной Президентом страны.

Отечественные средства массовой информации, официально поддерживающие нейтралитет и не касающиеся политической темы, в свою очередь, также не обошли стороной годовщину распада СССР, но в несколько другом – культурном – контексте. «The Village» к 25-летию августовского путча опубликовали материал «Что читать и смотреть о ГКЧП и развале СССР», где, помимо того, ради чего всё и затевалось – списка книг и фильмов на соответствующую тематику, – приводилась краткая историческая справка об упоминаемых событиях 1991 года. Кроме того, «The Village» решили вспомнить Советский Союз по любимым многими советским фильмам в цикле статей «Назад в СССР: Хорошие и неочевидные советские фильмы», состоящем из трёх частей, в каждой из которых приводились названия и краткие справки известных и не слишком известных фильмов, снятых в советскую эпоху [11]. К числу «историко-культурных»

¹ «Время покажет» – Россия: вчера, сегодня и завтра. Выпуск от 08.12.2016 // Телепроекты. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/rossiya-vchera-segodnya-i-zavtra-vremya-pokazhet-vypusk-ot-08-12-2016> (дата обращения: 04.04.2019).

воспоминаний о Советском Союзе добавляется сообщение в “The Village” об открытии на ВДНХ ресторана кухонь бывших республик СССР.

Обращение к исторической вехе – распаду СССР – наверное, и не могло вызвать единодушия в соотечественниках. Для одних это стало подлинной трагедией, крушением привычного социалистического уклада жизни, для других – временем надежд и больших ожиданий. Не были подведены какие-либо определённые итоги более чем семидесятилетнего существования государства. И, пожалуй, наиболее общим местом в прозвучавших спорах и дискуссиях была мысль о необходимости извлечь уроки из минувшей эпохи, чтобы выстроить достойное настоящее и будущее. Мысль в принципе не новая, но уместно прозвучавшая.

Отношение к прошлому, конечно же, – это не только отрицание его или восхваление. И перестроечная эпоха – это не только деятельность М.С. Горбачёва, а послесоветская – Б.Н. Ельцина. Об этих политических деятелях совсем недавнего времени написаны тома. Но так ли объективны, скажем, воспоминания лиц, приближённых к ним – А.Н. Яковлева, В.В. Костинова, А.В. Коржакова и др.? Наверное, настанет время и для того, чтобы дать слово деятелям культуры и искусства для более глубокого осмысления и переходной эпохи, и минувшей советской реальности.

Возможна ли полная, объёмная картина, дающая представление о минувшей эпохе, не только в ставших привычными за 70 лет идеологических, политических спорах и оценках, в суждениях с классовых позиций? Ведь прошлое – это *аромат* или *дух времени*, что в немецком языке именуется как *Zeitgeist*. Герой романа Михаила Елизарова «Библиотекарь» открывает книгу Памяти. С сохранением авторской орфографии приводим объёмный отрывок, своего рода причудливый калейдоскоп понятий, явлений, предметов быта советского времени:

«Книга словно открыла артезианский колодец, из которого устремился безудержный поток позабытых слов, шумов, красок, голосов, отмерших бытовых мелочей, надписей, этикеток, наклеек... В эфире – пионерская зорька, орешек знаний твёрд, но все же

мы не привыкли отступать, в аэропорту его встречали товарищи Черненко, Зайков, Слюньков, Воротников, Владислав Третьяк, Олег Блохин, Ирина Роднина пишется с большой буквы, Артек, Тархун, Байкал, фруктово-ягодное мороженое по 7 копеек, пломбир в шоколаде и на палочке – 28, кружка кваса 6 копеек, молоко в треугольных пакетах, кефир в стеклянной бутылке с зелёной крышечкой, жевачка бывает апельсиновой и мятной, чехословацкие ластик тоже можно есть, в киоске Союзпечати продаются переводные картинки, тонкие как масляная плёнка, лучшая брызгалка делается из бутылки от синьки, дымовушка из скорлупы шарика пинг-понга, самострел с деревянной бельевой прищепкой, ключи от квартиры носят на шнурке, варежки на резинках, плетёная ручка, чёртик из капельницы, настольный футбол, отряд, наш девиз: ни шагу назад, ни шагу на месте, только вперёд и только все вместе, помните через века, через года, о тех, кто уже не придёт никогда, пионеры-герои Володя Дубинин, Марат Казей, Лёня Голиков, Валя Котик, Зина Портнова, Олег Попов, Лелек и Белек, Кубик Рубика, переливные календарики, планетарий, фильмы по диапроектору, журналы «Весёлые картинки», «Мурзилка», «Юный Техник» с фокусками на обложке, велосипеды «Орлёнок», «Салют» и «Десна», в будни «Приключения Электроника» и «Гостя из будущего», по пятницам «В гостях у сказки», в субботу «Абвгдейка», в воскресенье «Будильник», неделя – это разворот дневника...» [12, с. 72]. Наверное, автор намеренно использовал такое написание девизов и лозунгов советского времени вперемешку с игрушками и привычными тогда предметами быта. Но всё ли будет понятным для нынешних двадцатилетних?

Прошлое – это и *звуки времени*, и перемены в общественном сознании, которые они передавали. У Эдуарда Лимонова в произведении «У нас была Великая Эпоха» читаем о послевоенном времени: «В углу комнаты, на чемоданах (позже на тумбочке) находился приёмник и постоянно каркал, играл, вещал и пел. Зелёный глазок приёмника то щурился до кошачьей узкости, то растягивался на всю возможную округлость окислившимся пятком. Звуки из приёмника поступали через уши в голову не подозревающего о процессе

ребёнка и откладывались там слоями, как, говорят, знание иностранного языка откладывается в мозг спящего со включённым магнитофоном студента. Если бы возможно было звукососом (что-то вроде пылесоса) высосать мозг автора сейчас, то с самого дна высосались бы мешки песен, симфоний, опер, радиопостановок, докладов и балетов... Балетов, и опер, и симфоний транслировалось всё большее количество, ибо, убедившись в собственном величии, власть вскоре замкнулась в одиночестве, почил в спокойствии где-то на аллегорических вершинах Кремля и самовыражалась уже не в военных маршах, но в «Спящих красавицах», «Князе Игоре» и прочих сладколягих пышностях пыльного классицизма. Кто-то умно и тихо сменял уже декорации. Пылких и слишком энергичных подростков Сашу Матросова и Зою Космодемьянскую (какая фамилия! «космос» и «демоны»!) сменял инфантильный и послушный Пятнадцатилетний капитан или вовсе сливающиеся с фоном дети капитана Гранта. То есть народ спешно выпихивали со сцены. Война прошла, и вся эта публика была не нужна, статисты должны были очистить площадку» [13, с. 30].

Прошлое – это *представление о времени потомков*, это и *собственное восприятие времени, личные впечатления*. Как, например, у современного писателя А. Лапина: «Сам я представляю время как часовой круг: стрелка пошла вниз – к лету, вверх – к зиме. А личные отношения с ним у меня, наверное, не оригинальны. Тебе всегда кажется: впереди еще ого-го. А потом обнаруживаешь, что всё уже в прошлом. Но понятие времени не чисто физическое или даже философское. Оно во многом определяется количеством событий, впечатлений, эмоций, то есть интенсивностью жизни» [14].

Время, отдаляющее нас от советской эпохи, каким-то образом меняет оптику, приглашает нас по-другому взглянуть на то, что вчера ещё отрицалось с порога. Примером тому, на наш взгляд, могут послужить недавние столичные фотовыставки, посвящённые минувшей советской эпохе. В августе 2019 г. в Музее Москвы проходила выставка «Родное ретро. 1962–2002. Московская сага фотографа Михаила Дашевского». Автор – доктор технических наук, крупнейший специалист в

области виброзащиты зданий, еще в начале 60-х заболевший светописью и вступивший в 1969-м в легендарный фотоклуб «Новатор». В фокусе – 40 лет из жизни Белокаменной: от уютной патриархальной Солянки до бунтующей столицы 90-х и сноса пятиэтажек в начале нулевых. На вопрос журналиста газеты «Культура» «Что важно для Вас как репортёра?» М. Дашевский ответил: «Со своими героями нахожусь по одну сторону баррикад, ощущаю внутреннюю, духовную связь. Это мои люди, а я – их хроникёр. Не воспринимаю съёмку как поездку на сафари: лишь бы у человека был рот открыт пошире, лицо поглупее, тогда, мол, в редакции похвалят. Вообще, у меня часто нет никакого экшна. Вот снимок под названием «С работы»: пассажиры автобуса едут домой. Тихая жизнь сама по себе. Называю это документальным импрессионизмом. Главное – собственное впечатление, которое нужно передать зрителю». Отвечая на вопрос о любимом фотографе, М. Дашевский поделился впечатлениями от альбома Уильяма Кляйна, который побывал в Советском Союзе. Работы У. Кляйна привлекли внимание тем, что они «лишены идеологичности, «чернухи», просто цепко схвачены детали. Например, по Киевскому вокзалу идёт мужик, на голове – две шляпы, одна на другой, видимо, некуда было положить. Брессона подобные вещи не интересовали» [15].

Или другой пример. 13 ноября 2013 г. исполнилось 90 лет легендарному фотокорреспонденту «Известий» Сергею Смирнову. Этот человек, прошедший Великую Отечественную и отдавший фотоискусству почти 70 лет, снимал Маленкова и Хрущёва, Брежнева и Андропова, Черненко и Горбачёва, Ельцина и Путина, Юрия Гагарина и Фиделя Кастро... Но этот фотограф «не всегда ходил по паркету, снимая советское руководство и выдающихся деятелей культуры». С. Смирнов гордился тем, что снял «двух пастухов – самого северного – ненца Ивана Леткова, пасшего оленей, и самого южного – в Туркмении. Самый западный маяк нашей Родины – «Брюстерорт» в Калининградской области на Балтийском море и его смотрителя Сергея Теряева, и самый восточный пограничный наряд на острове Кунашир в Тихом океане. Гордился тем, что совершил «путешествие

на лошадях в горы Памира, где первым сделал очерк «Бальзам поднебесных скал» о ныне знаменитом мумиё – тогда о нём никто ничего не знал...» [16].

В 2014 г. в Московском выставочном зале «Новый Манеж» состоялась первая большая ретроспектива автора знаменитых кадров «Человек родился» (1969) и «Смерть солдата» (1942) Анатолия Гаранина, снимавшего в своё время Сталина, Кастро, Будённого. Он сопровождал Хрущёва во время визита в Америку в 1959 г., этому репортажу был посвящён целый номер журнала «Советский Союз», где А. Гаранин тогда работал. Автор заметки о выставке фоторабот Гаранина подчеркнула следующее: «Издание, ориентированное на иностранную аудиторию, демонстрировало преимущества социалистического строя. Фотографии Анатолия Сергеевича, соответствовавшие формату, ничуть не выглядели наигранными. Даже официоз он снимал так, что невольно вызывал улыбку: чего стоит кадр с Брежневым, закуривающим сигарету (1966). Добрый, светлый, очень человечный – таким благодаря фотографиям предстает образ самого автора» [17]. Свежесть взгляда на привычные городские пейзажи, умение подмечать необычные детали повседневной жизни стали характерными чертами для лучших фотографов мира. Для советского фотоискусства весьма важным было стремление уйти от показательной красоты, плакатности.

Вглядываясь в фотографии, запечатлевшие советское прошлое, понимаешь, что есть взгляд политика, диссидента, а есть взгляд художника, доброго художника. Размышляя о фотоработах 80–90-х годов, К. Воротынцев, в частности, заметила: «В современных репортажах внимание к «маленькому человеку», кажется, отошло на второй план. Конечно, в конкурсы попадают шокирующие кадры из горячих точек. Они бьют резко, наотмашь, но лишены полутон. Другая крайность – чисто формальные эксперименты, когда авторы с головой уходят в геометрию и цвет, почти превращая фото в абстрактную живопись. Снимки по-настоящему хороши – глупо отрицать обратное. И всё же «маленького человека» стало на удивление мало. Почему? Наверное, нужно уметь совмещать социальное и лирическое, быть не только шу-

стрым репортёром, но и поэтом. Тогда получится из мелочи вывести целую философию – а заодно растрогать публику» [18]. Соглашаясь с размышлениями К. Воротынцевой о советской фотожурналистике, хочется подчеркнуть значимость *внимания к человеку*, жившему в то время. Напомним, что в историю журналистики редакторство А. Аджубея вошло именно появлением в газетах «Комсомольская правда» и «Известия» фотографий не плакатных, а живых людей.

Нигилистическое отношение к нашему прошлому только потому, что оно было советским, оказалось довольно живучим. Так, в передаче «Памяти Муслима Магомаева» (канал ОТР, 17.08.2019 г., 21.45) один из ведущих, Юрий Николаев, подчеркивая талантливость, неповторимость популярного певца, подчеркнул, что при этом он *никогда не был советским*. Это выражалось, в частности, в том, что после второго отделения концертов Муслим Магомаев, отпустив аккомпаниаторов, исполнял то, что было для него дорогим. Как становится «ясным» из последовавшей затем записи, М. Магомаев исполнял популярные зарубежные песни. Замечательно пел. А дальше зазвучали известные песни и среди них – на слова Роберта Рождественского. Спрашивается, зачем популярному в советские времена телеведущему было нужно подчеркивать несоветскость Магомаева? И куда отнести его песни «Бухенвальдский набат», «Куба – любовь моя» и др.? Как же тогда именовать творчество поэтов и композиторов, писавших для Магомаева, – Н. Добронравова и Р. Рождественского, А. Бабаджаняна и А. Пахмутовой?

Не меньше подобного рода вопросов вызывает встретившийся в Интернете броский заголовок «Возвращение в совок: почему россияне рвутся в СССР» («Интернет-газета «Ридус», 14.08.2019). Основанием для такого заголовка послужила статья В. Познера «О советском наследии» – отклике на одно из распоряжений Минобрнауки о порядке проведения встреч своих сотрудников и работников подведомственных ему организаций с иностранцами. В соответствии с документом встречи российских учёных с их иностранными коллегами должны проводиться по особым правилам. В частности, приказ предписывает работникам территориальных ор-

ганов Минобрнауки и подведомственных ему организаций проводить такие встречи не на рабочем месте только «при условии получения соответствующего разрешения» от своего руководства. После же встречи в Минобрнауки должен быть представлен отчёт о ней. <...> К участию во встречах с иностранцами предписано допускать только включённых в специальные списки лиц, при этом в каждой встрече должно участвовать «не менее двух человек, имеющих отношение к обсуждаемым вопросам».

«Читал я это, – пишет В. Познер, – и перед глазами возникло советское прошлое со «специально оборудованными» комнатами для встреч с иностранцами, в которых должны были принимать участие не менее двух советских людей (чтобы в случае чего один мог бы настучать на другого), вспомнил, как надо было получать разрешение от начальства, если только что-то касалось соприкосновения с иностранцами, вспомнил, как мы, молодые журналисты Агентства печати «Новости» (АПН), должны были получить разрешение заместителя председателя агентства (генерала КГБ), чтобы сыграть баскетбольный матч с американскими журналистами, работавшими в Москве, вспомнил отдельную комнату в агентстве для «закрытой литературы», которая была доступна только по разрешению свыше – речь шла о еженедельных общественно-политических журналах, вспомнил, как глушили «вражьи голоса» – передачи на русском языке «Голоса Америки», Би-Би-Си, «Дойче Велле» и других, словом, вспомнил весь этот бред, всю эту паранойю, от которой, казалось, мы избавились. Ан нет. Отбросить то, чему тебя учили, отказаться от тех норм, с которыми жили все, в том числе ты, невероятно трудно.

И вопрос не в том, что такие решения принимают плохие люди, не в том, что им такие порядки представляются правильными, вопрос в том, что это советское наследие,

которое ещё живо. Оно, конечно, исчезнет, но не завтра» [19]. На наш взгляд, вопрос как раз и в том, что «плохие решения» принимают «плохие люди», и почему они их принимают. Но вернёмся к заголовку. Почему действия чиновников дали основание говорить о *россиянах*, которые *рвутся в совок*?

Преодолеть нигилистическое отношение к прошлому в наше переходное время помог бы не политический, не идеологический, а социокультурный подход, который позволит точнее обозначить направления поиска, формирование смыслов, свойственных нашей нации в переломные моменты. К слову сказать, в советские времена не раз задумывались о бережном отношении к прошлому. Например, в конце XX века стали активно реставрировать, восстанавливать дворянские усадьбы. При этом вроде бы не подчеркивалось, что это усадьбы крепостнической или капиталистической России. Или другой пример. В 1970 г. был выпущен альбом «Страницы великой культуры. От древнейшей русской рукописной книги до первой записи, сделанной советским человеком в космосе. Альбом к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина». Естественно, название обязывало уделить внимание основателю советского государства. Но в альбоме всего несколько его автографов, остальное – автографы М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, Н.И. Лобачевского, М.И. Глинки, Ф.М. Достоевского, П.И. Чайковского, А.П. Чехова, А.А. Блока, И.П. Павлова, К.Э. Циолковского, И.В. Курчатова, С.П. Королёва, Ю.А. Гагарина. Имена, олицетворяющие культуру, науку, технику совсем недавнего прошлого. Надо ли при этом напоминать известные слова А.С. Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории ни дворянства»? [20, с. 155]. Наверное, надо, потому что нужны они в наше время.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 3. Стихотворения 1827–1836. 496 с.
2. Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. 226 с.
3. Болдырев Ю. Свой-чужой // Литературная газета. 2018. № 16 (6640). 18–24 апр.
4. Коленский А. Документальное кино – это школа правды // Культура. 2018. 19 янв.
5. Пучков Д.Г., Попов М.В. Диалектика. Ключ к истине. СПб.: Питер, 2018. 384 с.

6. Рудалёв А. Литература бежит в сторону идеологии // Октябрь. 2018. № 1. С. 117-119.
7. Урбан А. Метафоры ожившей материк // Лифшиц Б. Полутораглазый стрелец. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 32-33.
8. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1991. 350 с.
9. Горбачёв М. 25 лет спустя: правда и уроки // Российская газета – Федеральный выпуск № 7158 (290). 2016. 21 дек. URL: <https://rg.ru/2016/12/21/mihail-gorbachev-nelzia-svodit-itogi-perestrojki-k-raspadu-soiuza.html> (дата обращения: 04.04.2019).
10. Латухина К. Песков рассказал об отношении Путина к распаду СССР // Рубрика: Власть. URL: <https://rg.ru/2016/12/21/peskov-rasskazal-ob-otnoshenii-putina-k-raspadu-sssr.html> (дата обращения: 04.04.2019).
11. Таежная А. Назад в СССР: Хорошие и неочевидные советские фильмы. Ч. 1–3 // Рубрика: Смотрим дома. URL: <https://www.the-village.ru/village/weekend/great-movies/231241-sovetskoe-kino> (дата обращения: 04.04.2019).
12. Елизаров М. Библиотекарь. М.: Ад Маргинем Пресс, 2008. 443 с.
13. Лимонов Э. У нас была Великая эпоха. М.: Амфора, 2002. 191 с.
14. Лапин А.: «Ковал роман как дамасский клинок» // Аргументы недели. Черноземье. 2019. № 11 (656). 21–27 марта.
15. Воротынцева К. Всё начиналось с «Комсомольца» // Культура. 2019. 22 янв.
16. Тюренков М. Выдержка временем // Культура. 2013. 13 нояб.
17. Воротынцева К. С человеческим лицом // Культура. 2014. 4 июля.
18. Воротынцева К. Изложить мотивы // Культура. 2019. 31 июля.
19. Познер В. О советском наследии // Познер Online. Официальный сайт Владимира Познера. 2019. 14 авг. URL: <https://pozneronline.ru> (дата обращения: 04.04.2019).
20. Пушкин А.С. Наброски статьи о русской литературе // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 7. Критика и публицистика. 446 с.

References

1. Pushkin A.S. Stikhi, sochinyonnyye noch'yu vo vremya bessonnitsy [Poems composed at insomnia nights]. In: Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 3. Stikhotvoreniya 1827–1836* [Completed Works: in 10 vols. Vol. 3. Poems 1827–1836]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Department, 1977–1979, 496 p. (In Russian).
2. Khodasevich V. *Literaturnyye stat'i i vospominaniya* [Literature Articles and Memories]. New York, Chekhov Publ., 1954, 226 p. (In Russian).
3. Boldyrev Y. Svoy-chuzhoy [Friend-or-foe]. *Literaturnaya gazeta* [Literature Newspaper], 2018, no. 16 (6640), 18–24 Apr. (In Russian).
4. Kolenskiy A. Dokumental'noye kino – eto shkola pravdy [Documentaries is a truth school]. *Kul'tura* [Culture], 2018, 19 Jan. (In Russian).
5. Puchkov D.G., Popov M.V. *Dialektika. Klyuch k istine* [Dialectics. Key to the Truth]. St. Petersburg, Piter Publ., 2018, 384 p. (In Russian).
6. Rudalyov A. Literatura bezhit v storonu ideologii [Literature leads to the ideology]. *Oktyabr'* [October], 2018, no. 1, pp. 117-119. (In Russian).
7. Urban A. Metafora ozhivshy materik [Continent of Alive Metaphor]. In: Lifshits B. *Polutoraglazyy strelets* [Strelets with One and a Half Eye]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1989, pp. 32-33. (In Russian).
8. Livshits B. Polutoraglazyy strelets. Vospominaniya [Strelets with One and a Half Eye. Memories]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1991, 350 p. (In Russian).
9. Gorbachyov M. 25 let spustya: pravda i uroki [25 years later: truth and lessons]. *Rossiyskaya gazeta – Federal'nyy vypusk* [Russian Newspaper – Federal Issue], no. 7158 (290), 2016, 21 Dec. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2016/12/21/mihail-gorbachev-nelzia-svodit-itogi-perestrojki-k-raspadu-soiuza.html> (accessed 04.04.2019).
10. Latukhina K. Peskov rasskazal ob otnoshenii Putina k raspadu SSSR [Peskov told about Putin's attitude to the dissolution of the Soviet Union]. *Rubrika: Vlast'* [Rubric: Authority]. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2016/12/21/peskov-rasskazal-ob-otnoshenii-putina-k-raspadu-sssr.html> (accessed 04.04.2019).
11. Tayezhnaya A. Nazad v SSSR: Khoroshiye i neochevidnyye sovetskiye fil'my. Ch. 1–3 [Back to the USSR: Good and Unevident Soviet films]. *Rubrika: Smotrim doma* [Rubric: Watching at Home]. (In Russian). Available at: <https://www.the-village.ru/village/weekend/great-movies/231241-sovetskoe-kino> (accessed 04.04.2019).

12. Elizarov M. *Bibliotekar'* [Librarian]. Moscow, Ad Marginem Press, 2008, 443 ps. (In Russian).
13. Limonov E. U nas byla Velikaya epokha [We Had the Great Epoch]. Moscow, Amfora Publ., 2002, 191 p. (In Russian).
14. Lapin A.: «Koval roman kak damasskiy klinok» [Forged the novel as Damascus blade]. *Argumenty nedeli. Chernozem'ye* [Week Facts. Black Earth], 2019, no. 11 (656), 21–27 Mar. (In Russian).
15. Vorotyntseva K. Vsyo nachinalos' s «Komsomol'tsa» [It has all begun with “Komsomolets”]. *Kul'tura* [Culture], 2019, 22 Jan. (In Russian).
16. Tyurenkov M. Vyderzhka vremenem [Cure time]. *Kul'tura* [Culture], 2013, 13 Nov. (In Russian).
17. Vorotyntseva K. S chelovecheskim litsom [With a human face]. *Kul'tura* [Culture], 2014, 4 Jul. (In Russian).
18. Vorotyntseva K. Izlozhit' motivy [Give reasons]. *Kul'tura* [Culture], 2019, 31 Jul. (In Russian).
19. Pozner V. O sovetskom nasledii [On Soviet heritage]. *Pozner Online. Ofitsial'nyy sayt Vladimira Poznera* [Pozner Online. Official Site of Vladimir Pozner], 2019, 14 Aug. (In Russian). Available at: <https://pozneronline.ru/2019/08/26161/> (accessed 04.04.2019).
20. Pushkin A.S. Nabroski stat'i o russkoy literature [Articles drafts on Russian literature]. In: Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 7. Kritika i publitsistika* [Completed Works: in 10 vols. Vol. 7. Critics and Publicities]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Department, 1977–1979, 446 p. (In Russian).

Информация об авторе

Иванов Анатолий Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ivanov_ai@bk.ru

Вклад в статью: идея, анализ современной публицистики, концептуализация взглядов деятелей художественной культуры, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-3974>

Поступила в редакцию 26.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 22.08.2019 г.

Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the author

Anatoly I. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: ivanov_ai@bk.ru

Contribution: idea, modern publicism analysis, artistic culture figures opinions conceptualisation, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-3974>

Received 26 July 2019

Reviewed 22 August 2019

Accepted for press 9 September 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-537-548
УДК 908 (470.326)

Библиотеки дворянских усадеб в культурной среде Тамбовской губернии конца XVIII – XIX вв.

Людмила Алексеевна ПРОНИНА, Ольга Владимировна ГОРЕЛКИНА
ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 17
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0963-4133>, e-mail: ProninaLuda2014@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0873-8873>, e-mail: Knigpam@tambovlib.ru

Libraries of noble estates in the cultural environment of the Tambov Governorate in the late 18th – 19th centuries

Lyudmila Alekseevna PRONINA, Olga Vladimirovna GORELKINA
Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin
17 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0963-4133>, e-mail: ProninaLuda2014@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0873-8873>, e-mail: Knigpam@tambovlib.ru

Аннотация. Авторами анализируется понятие «культурная среда», выделяются её компоненты и на примере Тамбовской губернии показывается её развитие. Утверждается, что библиотеки дворянских усадеб играли важную роль в развитии культурной жизни провинции, выполняли мемориальную, информационную и социализирующую функции. Выделены тенденции в формировании личных коллекций, ядро фонда библиотек, что позволило определить состав культурного наследия – издания, которые распространялись на протяжении XIX–XXI веков. Сделан вывод о самых популярных авторах, книгах, читательской моде. Авторами воссоздана объективная картина создания и функционирования усадебных библиотек в данный период как элемента культурной среды. Ряд технологий по созданию личных библиотек можно использовать в настоящее время, а методики семейного чтения применимы в продвижении чтения, книги, книжной культуры.

Ключевые слова: библиотеки дворянских усадеб; культурная среда; Тамбовская губерния

Благодарности: статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-09-00484.

Для цитирования: Пронина Л.А., Горелкина О.В. Библиотеки дворянских усадеб в культурной среде Тамбовской губернии конца XVIII – XIX вв. // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 537-548. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-537-548

Abstract. The authors analyze the concept of «cultural environment», highlight its components on the example of the Tambov Governorate, show its progress. The libraries of the noble estates played an important role in the development of cultural life in province, performed memorial, informational and socializing functions. We reveal the trends in the development of personal collections, the core of the library fund, which allowed to determine the structure of the cultural heritage – publications distributed over the 19th–21st centuries. We make the conclusion about most popular authors, books and reading fashion. The authors reconstructed an objective picture of establishing and functioning of estate libraries in this period as an element of the cultural environment. A number of technologies for creating personal libraries can be used at present. Family reading techniques are applicable in promoting reading, books and book culture.

Keywords: libraries of noble estate; cultural environment; Tambov Governorate

Acknowledgements: the study was funded by grant of RFBR 19-09-00484.

For citation: Pronina L.A., Gorelkina O.V. Biblioteki dvoryanskikh usadeb v kul'turnoy srede Tambovskoy gubernii kontsa XVIII – XIX vv. [Libraries of noble estates in the cultural environment of the Tambov Governorate in the late 18th – 19th centuries]. *Neofilologiya – Neophilology*,

2019, vol. 5, no. 20, pp. 537-548. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-537-548 (In Russian, Abstr. in Engl.)

XVIII–XIX века отличаются расцветом русской культуры. Можно приводить многочисленные примеры из разных сфер искусства, литературы, образования, культуры, множество имён, вошедших в список выдающихся персон, чьё творчество, произведения, научные работы ныне составляют культурное наследие. Постепенно происходит насыщение культурного пространства лучшими образцами, формируется и развивается сеть учреждений культуры и образования, меняются коммуникативные каналы продвижения информации, система взаимоотношений человек–человек, человек–культура. Возникают библиотеки, в том числе и личные, которые появляются преимущественно в дворянских усадьбах. Воссоздание картины создания и функционирования усадебных библиотек в данный период как элемента культурной среды позволяет выявить издания гражданской печати, представляющие национальную ценность, научный интерес, изучить владельческие библиотеки и явления книжной культуры, определить приоритетные направления в комплектовании усадебных библиотек, круг чтения и т. д.

В настоящее время общеизвестно, что человеческая деятельность во многом зависит от состояния культурной среды, которая весьма разнообразна. Качество жизни зависит от качества окружающей его культурной среды [1]. Уточним содержательные характеристики понятия «культурная среда» для дальнейшего анализа провинциальной культурной среды конца XVIII – начала XX века и определения роли и места библиотек дворянских усадеб в её развитии.

Под средой «...мы подразумеваем пространство, мир, сферу, окружение, с которым взаимодействует тот или иной субъект» <...> среда представляет собой некую субстанцию, которая, в отличие от пустоты пространства, обладает определёнными свойствами, влияющими на взаимодействие между объектами...» [2, с. 82]. Н.И. Кареев пишет: «Среда – это... то, среди чего или в чём что-нибудь находится или происходит то, что окружает предмет, своего рода окружение предмета» (цит. по [3, с. 97]). Т.М. Дридзе

выделила четыре вида сред, одна из которых информационно-символическая среда, основу которой составляет культура и все её производные, в том числе традиции, обычаи, историческая память, средства массовой коммуникации и т. д. [4]. Э.А. Орлова понимает под средой «организованную в пространстве и времени совокупность освоенных культурных объектов: предметов, идей, образов; критериев оценки, используемых людьми в профессиональной области и быденной жизни» [5, с. 69]. А.И. Арнольдов утверждает, что «культурная среда включает социально-культурные объекты, связанные с созданием и распространением культурных ценностей. Но главное, что её характеризует – это отношения людей, материальные и культурно-бытовые условия их повседневной жизни, её духовно-нравственная атмосфера» [6, с. 192].

Анализируя социальные черты культурной среды, А.Я. Флиер даёт следующее определение и выделяет её структуру: «Культурная среда – это комплекс культурных предпочтений населения, локализованного в границах определённого пространства. ...Структурно культурная среда состоит из четырёх составляющих: 1) символической деятельности, выполняющей функции обучения людей нормам предпочитаемого социального поведения; 2) нормативного социального поведения как такового; 3) языка, с помощью которого осуществляется информационное обеспечение социальных взаимодействий; 4) нравов, с помощью которых осуществляется регуляция социальных взаимодействий» [7]. На основе анализа позиций ряда авторов И.В. Макеева делает вывод: «Под культурной средой понимается динамичная система, включающая материальные и духовные предметы человеческой деятельности, детерминированные географическими и историческими условиями формирования; регулирующие жизнедеятельность социальных объектов, определяющие их потребности, интересы и ценностные ориентации и обеспечивающие воспроизводство всех сторон общественной жизни» [2, с. 85-86].

Терминологический анализ показал, что культурная среда – это динамичное, изменчивое образование, которое меняется с социальным сознанием людей и общества в целом. Мы выделяем следующие компонентные характеристики: объекты, создающие и распространяющие культурные ценности, культурные предпочтения, отношения людей. Мы согласны с А.Я. Флиером, что «она является по существу одной из сфер концентрации социального сознания, ориентированного на обеспечение конструктивной коллективной жизнедеятельности людей, их коммуникации и взаимодействия, что достигается посредством регулирования их социального поведения» [7]. Из четырёх составляющих культурной среды мы выделяем компонент, куда относят религиозные, этнографические, военные ритуалы и т. п., а также вербальные произведения и невербальные художественные тексты. Отдельные коллекции книг и личные, учебные и общественные библиотеки мы отнесли к первой составляющей, где в основе символическая деятельность, выполняющая функцию обучения нормам поведения. Следовательно, культурная среда выполняет функцию культурной обучающей системы. Благодаря символической деятельности культурная среда формируется, насыщается, развивается, вводит в культурный оборот лучшие образцы искусства, литературы и т. п., превращаясь в продуктивную среду обучения, воспитания, социализации. Постепенно формируется культурное пространство без территориальных границ и временных рамок. Культурное пространство мы классифицируем как органическое целое, где все составные части объединены общими ценностями, имеющее свою структуру, функции, динамику, воплощающее образную модель окружающей действительности. Культурное пространство – это среда повседневного обитания людей, поэтому ту часть пространства, которая находится в непосредственной близости к человеку и им осваивается, мы определяем, как культурную среду.

Безусловно, культурная среда конкретной территории обладает, с одной стороны, универсальными характеристиками, с другой – уникальными (общее – особенное). Тогда накапливаемое культурное наследие

можно считать «генетическим кодом», с которым закрепляется своеобразие историко-культурных средовых образований территории (региона, поселения, города, страны и мира в целом).

В конце XVIII – XIX веках происходят значительные изменения в российской провинции. Данные изменения стали возможными в связи с активизацией культурной жизни территорий. Рассмотрим, что происходило в Тамбовской губернии в данный период. Указом от 15 октября 1779 г. было создано Тамбовское наместничество, преобразованное в 1796 г. в Тамбовскую губернию. Мы не ставим перед собой задачу детального анализа происходивших процессов. Выделим несколько событий, явлений, которые изменили культурную среду региона. Тамбовская губерния – аграрный регион, но уже в XVIII веке увеличивается количество граждан, занятых в торгово-промышленной деятельности, возрастает количество мукомольных мельниц, винокуренных, стекольных, кирпичных заводов, железоделательных, химических мануфактур, появляется бумажная фабрика и т. п. Успешное развитие стимулировало рост городов как центров административного, хозяйственного и духовного развития региона. Культурный потенциал в первую очередь формировался именно в городах, одновременно происходят изменения в социальной структуре населения. В XVIII веке в Тамбовской губернии получают поместья Меншиковы, Потемкины, Салтыковы, Боратынские, Строгановы, Воронцовы, Гагарины, Долгорукие, Урусовы и многие другие родовитые вельможи, представители небогатых дворянских родов, военные, чиновники. Накануне реформы 1861 года в губернии насчитывалось более 800 усадеб, которые предназначались для постоянного проживания или для летнего пребывания. Многие из них были рентабельными хозяйствами, приносящими владельцам хороший доход. Усадьба – это особое место, где одновременно решаются хозяйственные, социальные, культурные, бытовые и прочие проблемы. Данные вопросы отражают уклад жизни, взгляды, духовные ценности, уровень образования, начитанности, предпочтений владельцев. Достаточно детально эволюционные процессы в дворянских имениях Централь-

ного Черноземья в 50–90-е гг. XIX века рассматривает В.А. Шаповалов. Он раскрывает процессы модернизации дворянского хозяйства в данный период, роль и место помещенных дворян в структурах местного управления и самоуправления, трансформации помещичьей повседневности и социально-психологической адаптации помещенного дворянства [8].

Жизнь в дворянской усадьбе была связана с литературой, театральными постановками, музыкой, живописью, архитектурой, садово-парковым искусством, генеалогией, религией и т. д. Провинциальные усадьбы с элементами усадебной культуры, коллекциями картин, предметов декоративно-прикладного искусства, личными книжными коллекциями, библиотеками, которые собирались несколькими поколениями и передавались по наследству, бережно хранившимися семейными документами, являются частью нашего культурного наследия и исторической памяти. «Можно сказать, что усадьба представляет собой в некотором смысле художественный перекресток. ...Она домовито сводит под своей кровлей самые разные потоки: русскую школу и россику, произведения старые («родительские», «дедовские») и современные, высокого, среднего и даже посредственного качества, высокопрофессиональные и доморощенные...» [9, с. 25]. Мы выделяем следующие события, которые повлияли на культурную жизнь провинции, становление и развитие дворянских усадеб и на состояние провинциальной культурной среды. Во второй половине XVIII века появляются городские театры. Инициатором создания тамбовского театра был Г.Р. Державин, который открылся 28 июня 1786 г. Он же сыграл большую роль и в продвижении музыкального искусства: по его инициативе в доме губернатора еженедельно проводились концерты. В этот период Г.Р. Державин с помощью известного книгоиздателя Н.И. Новикова открывает типографию (1787 г.). Позднее она издавала произведения, переведённые местными дворянами Никифоровыми, М.Г. Орловой, В.В. Голициной, А.С. Муравьёвой и др. («История короля Генриха Великого» А. Перефиса, «Позорища природы» и «О воспитании девиц» Ф. Фенелона и др.). С 1 января 1788 г. начинает выходить первая

провинциальная газета «Тамбовские известия». В конце XVIII века местные писатели, создающие художественные произведения, стали популярными и за пределами губернии. Так, например, «Арфаксад» П. Захарьина неоднократно переиздавался и стал одним из популярных произведений того времени. В 1791 г. И.Г. Рахманинов перевозит типографию из Петербурга в своё имение Казинка под Козловым (ныне г. Мичуринск). Он начинает издавать собрания сочинений Вольтера, но по доносу козловского городского типографию закрывают. Однако отпечатанные тома начинают распространяться, часть тиража остаётся в типографии, где в 1794 г. была уничтожена пожаром. Книготорговая сеть в данный период была представлена двумя книжными лавками, но основными источниками поступления книг и журналов была подписка через комиссионеров или зарубежных книгопродавцев, издателей, покупка на ярмарках. Культура русской провинции испытала подъём после победы в Отечественной войне 1812 года. В 1815 г. открывается Тамбовский городской театр, в 1817 г. – тамбовское отделение Библийского общества, пропагандирующее христианское вероучение, распространяя Библию и книги церковного содержания. В начале XIX века появляются специализированные заведения для вечернего досуга дворян. Первоначально это был карточный клуб в доме Дмитрия и Федора Протасевых (одноклассники М.Ю. Лермонтова), позднее (1823 г.) в Лебедяни учреждается скаковое общество, проводятся промышленные и сельскохозяйственные выставки. В 1838 г. начинают выходить «Тамбовские губернские ведомости» [10].

В этот период существовала цифирная школа, сохранившаяся до конца XVIII века, позднее открывается духовная семинария, гарнизонная (на базе цифирной) и солдатская школы, школа при воеводской канцелярии, с 1806 г. организовываются церковно-приходские училища, в 1778 г. появляется частная дворянская школа пастора Ягана Фукса. Большинство помещиков давали домашнее образование, приглашая учителей, в том числе из-за границы. В 1786 г. ко дню коронации императрицы Екатерины II в г. Тамбове были открыты четырёхклассные главные на-

родные училища, учителя были присланы из Петербурга. В 1825 г. открывается гимназия (преобразована из главного народного училища), в 1802 г. – дворянский училищный корпус, позднее преобразованный в кадетский, в 1832 г. в г. Козлове возникает школа живописи и рисования и т. д. К 1856 г. в губернии насчитывалось 107 учебных заведений, что свидетельствует о постепенном развитии системы образования. В 30-е гг. XIX века складывается система почтового обслуживания, что привело к появлению культуры написания писем, почтальоны доставляют журналы, продают книги, календари, лубочные картинки. Государственное и частное меценатство дало новый толчок культурной жизни провинции.

Таким образом, в XIX веке провинциальные центры все активнее вовлекались в экономическое и общественное обновление, происходили перемены в содержании и структуре духовной жизни местного сообщества. Мы видим, что культурная среда развивается: появляются новые учреждения культуры и образования, активизируются культурные процессы, всё больше людей (хотя круг культурных деятелей ещё узок) вовлекаются в культурную деятельность, порой совмещая функциональные обязанности: судья-поэт, чиновник – учитель гимназии и т. д. Анализируя культурные процессы и явления, происходящие в Тамбовской губернии, можно выделить несколько специфических черт провинциальной культуры. В провинции складывается свой, особый темп культурного движения и функционирует механизм «скрытого времени». Мы имеем ситуацию сохранения забытых школ и стилей, а взаимодействие традиционной культуры, культурного опыта и творческих новаций, новшеств образует единство нового качества. Складываются объективные предпосылки для появления разных библиотек. В Тамбовской губернии в дворянских усадьбах традиционно создавались библиотеки, в каждом учебном заведении имелись собственные библиотеки, а первые публичные библиотеки появились в губернии в начале XIX века, опережая многих «соседей».

Большой интерес представляют личные библиотеки в дворянских усадьбах, от состояния которых зависело образование, раз-

витие театральной, музыкальной культуры, процессы социализации детей в рамках развития семейного чтения и т. п. Поэтому нами предпринимается попытка воссоздания объективной картины появления и функционирования усадебных библиотек конца XVIII – начала XX века, выявления книжных памятников и редких изданий, установление репертуара библиотек, традиций чтения. Таким образом, сохраняя культурное наследие, мы можем трансформировать предшествующий опыт собирания и использования книжных коллекций в различных целях с учётом современного уровня развития культурной среды.

Значительную часть культурного наследия российской провинции составляют фонды личных библиотек. Они стали активно формироваться во второй половине XVIII века. В этот период развиваются частные типографии, увеличивается тираж светских книг, возрастает количество иностранной литературы, которую привозили или выписывали из-за границы. Больше внимания уделяется образованию, самообразованию, науке, культуре. В доме каждого образованного человека хранились печатные и рукописные книги, газеты, журналы, ноты, альбомы по искусству и др. Практически в каждой семье имелись финансовые возможности для приобретения книг, журналов. Библиофильство получило широкое распространение, а библиотека становится характерным атрибутом дворянской усадьбы. Как правило, такие библиотеки были родовыми и собирались на протяжении жизни всеми членами семьи, книги в них активно читались и использовались для образования, самообразования, воспитания и проведения досуга. Владельцы заказывали переплёты книг, экслибрисы. Именно по ним и можно установить владельцев, сформировать владельческие коллекции в дальнейшем и выявить предпочтения. В Тамбовской губернии дворянские усадьбы превратились в центры культуры, а губерния по праву может считаться территорией книжной культуры.

К сожалению, целостную картину состояния личных библиотек дворянских усадеб воссоздать достаточно сложно: многие коллекции были разделены, переданы новым владельцам, часть библиотек конфискованы после революции 1917 года и переданы в му-

зеи, публичные библиотеки, проданы через сеть книжных магазинов, часть – погибла в пожарах и т. п. Но по собранной и проанализированной информации можно определить ряд характерных черт личных библиотек в дворянских усадьбах. Установлено, что библиотеки имелись в усадьбах Воейковых, Муравьевых, Ниловых, Никифоровых, Рахманиновых, Воронцовых, Бенкендорфов, Голицыных и др. Частично о составе личных библиотек можно судить по библиотеке Н.И. Кравцова, участника войны 1812 года, дипломата, друга А.С. Пушкина, который завещал её городу Кирсанову (его имение «Любичи» находилось рядом). 782 книги были переданы городу: это книги по богословию и истории церкви, философии, психологии, логике, истории, правоведению и общественным наукам, географии, этнологии, путешествиям, естествознанию, словесности, воспитанию, обучению, мемуарная литература, биографии, книги для юношества и периодические издания на русском, немецком, французском языках [11]. Сохранились сведения о наличии усадебных библиотек Араповых, Одоевских-Масовых, Сатиных. Хорошую нотную библиотеку имел И.А. Верстовский, а его имение «Селиверстово» являлось центром музыкальной культуры. Размеры и состав усадебных библиотек определялись предпочтениями владельцев, их материальным положением, доступом к источникам пополнения, читательской модой и т. д. Личные библиотеки имели и духовные лица. Так, сохранился реестр келейных книг игумена Козловского Троицкого монастыря Варлаама, епископа Феофила [10, с. 49].

Источниками комплектования личных библиотек была подписка и покупка в книжных лавках или на ярмарках, в том числе и региональных. Так, активно функционировали Знаменская ярмарка, Макарьевская ярмарка в г. Лебедянь, лавки Нилова и Толмачева. Сохранились сведения, что Приказ общественного призрения в 1791 г. выписал для Тамбовского наместничества книг на 250 руб. 65 коп. Владельцы библиотек приобретали книги в столице, заказывали из-за рубежа, покупали по предварительной подписке от издателей [10].

В настоящее время значительная часть из уцелевших фондов личных библиотек

дворянских усадеб находится в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина (ТОУНБ): частично издания были переданы в публичную библиотеку владельцами или наследниками, частично поступили в библиотеку как конфискованные, некоторые издания приобретены через букинистические магазины в 60–70-е гг. прошлого столетия.

В рамках исследования фонд был условно поделён на 2 части: издания на русском языке, вторая – на иностранных языках. Первая часть была проиндексирована, частично установлена владельческая принадлежность, что позволило выделить коллекции. Вторая часть прошла обработку частично: была отражена только в инвентарной книге. Нами проанализирована данная часть фонда – около 7000 экземпляров на иностранных языках, которые просмотрены *de visu*.

На первом этапе выделялись владельческие коллекции (по пометам, экслибрисам или опосредованным путём – по воспоминаниям владельцев, упоминаниям и т. д.), отдельные книжные памятники и редкие издания на русском языке, которые отражены в каталоге отдела редких книг. На втором этапе в рамках реализации проекта анализу подвергся фонд на иностранных языках по следующим параметрам: по годам издания, языкам, содержательным характеристикам. Полученные результаты позволяют установить источники комплектования, хронологические границы собирания библиотеки, читательские предпочтения, читательскую моду, выделить книжное ядро коллекций.

Активно собирали свои коллекции дворяне, находившиеся на государственной или военной службе. Они передавались из поколения в поколение, а самым продуктивным был XIX век. Но большинство библиотек дворянских усадеб начинали собираться в конце XVIII века, что соотносится с тенденциями в других регионах страны (табл. 1). В этот период происходят изменения в культурной среде, что стимулирует книжное собирательство.

Первоначально было выделено 8 владельческих коллекций, отобраны книги преимущественно на русском языке. В дальнейшем отобрана литература на иностранных языках, которая частично дополнила существ-

вующие коллекции. Но, главное – были идентифицированы еще 17 владельцев: коллекции составили от 1 издания (например, Куракин, Колычев и др.) до 149 книг (из библиотеки Ланских).

В XVIII веке количество книг на иностранных языках превышало русские издания, но в середине XIX века доля отечественных изданий начинает доминировать. Наиболее были распространены издания на французском, немецком языках. Позднее добавляется английский, но встречаются издания на итальянском, греческом, испанском и других языках (табл. 2). Большинство книг покупалось на ярмарках, в книжных магазинах и привозились из-за границы. Но есть сведения, что некоторые издания выписывались и поступали в библиотеку усадьбы по почте.

На первом этапе предпочтение отдавалось изданиям на немецком языке (со времён Петра I), затем – на французском, что было модным на протяжении XIX – начала XX века. Однако сохранились воспоминания графа М.Д. Бутурлина: «В нашем семействе в употреблении был английский язык. Моя мать объясняла мне много позднее, что причиной выбора этого языка... было то, что в то время не было лучших книг для детского возраста... Английские книжки... были изящно изданы и с раскрашенными картинками...» (цит. по [8, с. 316]). В 1843 г. культурной книгой (читательская мода) в дворянской среде становится роман «Робинзон Крузо» Д. Дефо с рисунками Ж.И. Гранвиля. Ин-

тересно, что данное произведение входит в круг чтения детей и в XX, и в XXI веках. Постепенно появляется детская и юношеская литература на русском языке: возникает модная романтическая традиция (например, произведение А. Погорельского «Чёрная курица, или подземные жители»), написанная в 1829 г., которая читается уже 190 лет), появляется историческая повесть (например, повесть Ю. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»). П.П. Семёнов-Тян-Шанский вспоминал: «Все бывшие у нас литературные книги я читал много раз, прежде всего Пушкина, а затем всех предшествующих ему поэтов: Дмитриева, Державина, Ломоносова, басни Крылова, Хемницера, трагедии Озерова, «Душеньку» Богдановича и даже Тредиаковского, который меня очень забавлял» [8, с. 317]. Данные издания входят в имеющиеся коллекции ТОУНБ, они неоднократно переиздаются и входят в круг чтения и современных детей, и юношества.

В 60-е гг. XIX века на книжном рынке появились издания М.О. Вольфа, которые отличались высоким полиграфическим качеством. Весьма популярны «Волшебные сказки» Ш. Перро с иллюстрациями Г. Доре, переведённые с французского И.С. Тургеневым, «Голубая», «Розовая», «Золотая» библиотеки и др. (некоторые мы можем встретить в коллекциях ТОУНБ). В дворянских усадьбах по подписке распространяются детские журналы «Детский отдых», «Семейные вечера» и «Детское чтение».

Таблица 1

Коллекции на иностранных языках по годам издания

Всего	XVII век	XVIII век	1 половина XIX века	2 половина XIX века	1900–1917 гг.	После 1917 г. (XX век)	Отобрано для отражения в ИПС
7160	1	613	1749	2996	46	1755	1083
	0,01 %	8,56 %	24,43 %	41,84 %	0,65 %	24,51 %	15,13 %

Таблица 2

Структура коллекций по языкам

Всего	Немецкий язык	Французский язык	Английский язык	Итальянский язык	Другие
7160	1464	4460	717	16	503
	20,5 %	62,3 %	10,0 %	0,2 %	7,0 %

Многие коллекции имели свои экслибрисы, что помогло исследователям определить имя владельца. Рассмотрим историю личной библиотеки графа Дмитрия Петровича Бутурлина (1763–1829). Он – выходец из потомственного дворянского рода, крестник Екатерины II, мог сделать блистательную карьеру, но Дмитрий Петрович оставляет службу, Петербург и перебирается в Москву, где поселяется в родовой усадьбе в Немецкой слободе, где главным его занятием стало собирание и изучение древних книг, составление каталогов и библиографических заметок. Во время московского пожара 1812 года его библиотека полностью сгорела. По возвращении в Москву он начал собирать новую библиотеку: собрание, насчитывающее около 33 тысяч книг и рукописей, было не менее ценным, чем первое. Позднее книжное собрание Д.П. Бутурлина было распродано партиями в Париже с аукциона. Редчайшие экземпляры книг коллекции Д.П. Бутурлина уцелели до наших дней благодаря тому, что были подарены знакомым, друзьям, родственникам. В селе Воронцовка Тамбовской губернии, родовом имении графа Артемия Ивановича Воронцова (1748–1813), на дочери которого Анне Артемьевне Воронцовой (1777–1854) в 1793 г. женился Дмитрий Петрович Бутурлин, имелась богатая библиотека, где были книги с экслибрисами Д.П. Бутурлина. Существование «воронцовских» владельцев прекратилось с наступлением революционных событий 1917 года. Имение было разграблено. В отделе редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина хранится книга А. Ферранда «Дух истории, или морально-политические письма» (Париж, 1805) с экслибрисом графа Д.П. Бутурлина на форзаце и надписью на авантитуле «Анна Воронцова, графиня Бутурлина» на французском языке (рис. 1, 2). На верхней крышке переплета книги М. Гиббона «История упадка и падения Римской империи» (Париж, 1789) имеется вензельный суперэкслибрис Д.П. Бутурлина: первая четверть XIX века (рис. 3). По мнению исследователей, суперэкслибрис Д.П. Бутурлина встречается крайне редко.

Рис. 1. Экслибрис Д.П. Бутурлина

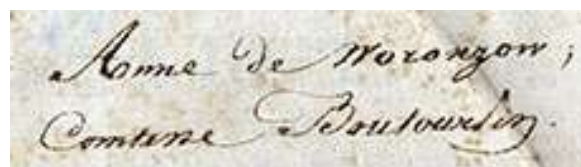

Рис. 2. Надпись чернилами на французском языке

Рис. 3. Суперэкслибрис Д.П. Бутурлина

Уцелели книги, а также информация о книгах из коллекции Алексея Владимировича Вышеславцева (1831–1888), искусствоведа, писателя, путешественника, мецената, коллекционера. В его личной библиотеке насчитывалось более трёхсот томов: это книги по древнехристианскому, византийскому, русскому, итальянскому искусству, по культуре Франции, Германии, Нидерландов и других европейских стран. В 1895 г. был издан «Систематический каталог художественно-исторической библиотеки Алексея Владимировича Вышеславцева», содержащий 305 названий книг и периодических изданий из его личной библиотеки на русском, французском, немецком, итальянском, английском языках по истории искусств европейских стран, где было указано, что согласно решению Алексея Владимировича Вышеславцева его семья передаёт его библиотеку в книгохранилище Тамбовской народной читальни. Каталог включал описания книг, периодических изданий, репродукции картин, портреты и фотографии. Были выделены следующие разделы: 1. Общая история искусств. 2. Биографии. 3. Древнее искусство и археология. 4. Древнехристианское и византийское искусство. 5. Русское искусство. 6. История итальянского искусства. 7. Итальянские художники. 8. История искусства во Франции, Германии и Нидерландах. 9. Музеи и галереи. 10. Учебники и руководства. 11. Периодические издания. Отличительной особенностью всех экземпляров личной библиотеки Вышеславцева является суперэкс-либрис «А. В.» или готический «А. W», указывающий на их владельческую принадлежность (рис. 4).

Среди сохранившихся коллекций выделяется библиотека Г.Р. Державина, которая насчитывает около 300 экземпляров. Среди них следует отметить «Сочинения Г.Р. Державина» в 5-ти томах (СПб., 1808–1816). Первые четыре тома вышли в свет в 1808 г., последний пятый том – в 1816 г. Особый интерес представляет 5-й том из собрания сочинений Г.Р. Державина, изданный в 1816 г. в Петербурге в типографии В. Плавильщикова. Известно, что издание пятитомника было закончено за месяц до смерти поэта. На имеющемся в библиотеке пятом томе стоит автограф «Г. Державин». В составе «держав-

винской» коллекции 33 названия журналов XVIII – первой четверти XIX века: «Вечерняя заря», «Зеркало света», «Зритель», «Московский журнал», «Муза», «Санкт-Петербургский вестник», «Утренние часы», «Сын Отечества», «Любитель словесности» и др. На корешках журналов «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Цветник», «Московский зритель» имеется суперэкс-либрис «Г. Д.» (Гавриил Державин), свидетельствующий о принадлежности к библиотеке поэта – государственного деятеля. Большинство изданий имеют статус книжного памятника или относятся к особо редким изданиям.

Состав фонда библиотек повторяется у разных владельцев. Можно выделить книжное ядро коллекций: например, сочинения Вольтера, Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Дон-Кихот, Робинзон Крузо, «Деяния Петра Великого с дополнениями» и др. [10, с. 460, подтверждено анализом фонда ТОУНБ]. Мы видим, что встречаются и нелегальные издания (например, Вольтер). В состав библиотек входили календари академического и энциклопедического типа, учебники, справочная литература, периодические издания (популярны «Экономический магазин» Н.И. Новикова, «Зеркало света», «Санкт-Петербургский вестник», «Московский журнал» и др.). Большинство изданий сегодня входят в состав классических произведений и составляют ядро культурного наследия. Следовательно, личные библиотеки изначально выполняли мемориальную функцию, являлись инструментом сохранения исторической памяти и важнейшим компонентом культурной региональной среды.

Рис. 4. Суперэкс-либрисы А.В. Вышеславцева

В XVIII–XIX веках чтение можно рассматривать как фактор социализации детей и подростков. Социализация – длительный процесс усвоения новых знаний, приобретения опыта, восприятия норм поведения и нравственных ценностей. Дети часто находились на домашнем обучении, проводили много времени с родителями. Именно поэтому чтению вслух в дворянской семье уделялось такое внимание. Кроме того, чтение в кругу семьи – это не только общение старших-младших, способ передачи ценностей, традиций, исторической памяти, но и духовное развитие детей, и их нравственное становление. Совместное чтение становилось традицией, нормой проведения досуга с максимальным воспитательным эффектом. «В процессе чтения книг вслух происходило формирование основных стереотипов сознания, которые затем проявлялись в действиях, культурном поведении людей, моде, морали, отношении к тем или иным социальным явлениям» [12]. Чтение было систематическим, читались и отечественные и зарубежные авторы, книги разных жанров, газеты и журналы, разнообразная детская литература. Были весьма популярны «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, произведения И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, М.Ю. Лермонтова и др.

Во многих воспоминаниях дворян описывается традиция семейного чтения. И. Бестужев-Лада пишет: «...Вечер. Семья в сборе. Ужин и разные домашние хлопоты позади. Все сидят на своих любимых местах в уютном покое. Горит лишь одна лампа, под которой кто-то из членов семейства – чаще, понятно, глава семьи, но это совсем необязательно, – читает вслух книгу. А все слушают и затем обсуждают услышанное» (цит. по [12]).

Семейное чтение способствовало и другим традициям: музыкальным вечерам, играм в литературное лото и постановкам спектаклей в домашних театрах. Активно собирался фонд нот, пьес, а усадебный дом превращался в популярный музыкальный, литературный салон, где собирались многочисленные гости, в том числе и видные деятели русской и европейской культуры. Таким образом, в провинции постепенно формировалась и развивалась особая информационно-образовательная, культурная среда.

После революции 1917 года и установления советской власти в г. Тамбове в 1918 г. книги, картины, предметы декоративно-прикладного искусства и другое имущество было конфисковано и вывезено в гг. Тамбов, Москва. Часть из них попала в фонды краеведческого музея, картинной галереи и публичной библиотеки.

Таким образом, через историю возникновения библиотек в дворянских усадьбах и развития личного собирательства книг можно проследить, как формируется культурный мир, самобытно-региональная культурная среда, но в которой прослеживаются и общероссийские культурные тенденции. Провинциальная культурная среда – уникальна, многоаспектна по содержанию, полифункциональна. В дореволюционной России именно в провинции формировались традиции семейного чтения, книжной культуры, собирания личных библиотек. Изучение, анализ, обобщение провинциального опыта дореволюционной России позволяют сегодня понять, как следует взаимодействовать с читателями, как развивать способности читателя, как формировать компетенции у библиотекарей и руководителей детского чтения, родителей. Кроме того, воссоздание объективной картины культурной среды той эпохи позволит скорректировать компоненты современной культурной среды.

Список литературы

1. Пронина Л.А. Качество культурной среды: проблемы измерения // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324. № 6. С. 65-73.
2. Макеева И.В. Обзор направлений в исследовании культурной среды // Вестник ЧитГУ. 2007. № 4 (45). С. 81-86.
3. Пономарёва А.В. Н.И. Кареев о понятии «культурная среда» и её роли в формировании человеческой личности // Обсерватория культуры. 2005. № 4. С. 96-98.

4. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145-152.
5. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек / Акад. наук СССР, Ин-т философии. М., 1987. 192 с.
6. Арнольд А.И. Человек и мир культуры. М.: Просвещение, 1992. 362 с.
7. Флиер А.Я. Культурная среда и её социальные черты // Знание. Понимание. Учение. 2013. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/Filer_Cultural_Miliew/ (дата обращения: 15.07.2019).
8. Шаповалов В.А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. 544 с.
9. Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
10. Медведева О.В. Библиотечное дело как часть историко-культурного наследия Тамбовской губернии (XVIII – начало XX в.). Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. 237 с.
11. Кирсановская центральная библиотека: 100 лет (1897–1997) / сост. А.Я. Черенкова, В.С. Свешникова. Кирсанов, 1997. 5 с.
12. Лякишова С.И. Усадебные библиотеки и домашнее чтение дворян как образец книжной культуры России XIX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. 05.25.03 – библиотековедение, библиографоведение и книговедение. Орел, 2009. 16 с.

References

1. Pronina L.A. Kachestvo kul'turnoy sredy: problemy izmereniya [Quality of cultural environment: problems of measurement]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2014, vol. 324, no. 6, pp. 65-73. (In Russian).
2. Makeyeva I.V. Obzor napravleniy v issledovanii kul'turnoy sredy [A review of some trends in research of cultural environment]. *Vestnik CHitGU* [Bulletin of Chita State University], 2007, no. 4 (45), pp. 81-86. (In Russian).
3. Ponomaryova A.V. N.I. Kareyev o ponyatii «kul'turnaya sreda» i eyo roli v formirovanii chelovecheskoy lichnosti [N.I. Kareev on term “cultural environment” and its role in the formation of human’s personality]. *Observatoriya kul'tury* [Culture Observatory], 2005, no. 4, pp. 96-98. (In Russian).
4. Dridze T.M. Sotsial'naya kommunikatsiya kak tekstovaya deyatel'nost' v semiosotsiopsikhologii [Social communication as text activity in semiosociopsychology]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1996, no. 3, pp. 145-152. (In Russian).
5. Orlova E.A. *Sovremennaya gorodskaya kul'tura i chelovek* [Modern City Culture and Human]. Moscow, 1987, 192 p. (In Russian).
6. Arnoldov A.I. *Chelovek i mir kul'tury* [Human and Culture World]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1992, 362 p. (In Russian).
7. Fliyer A.Y. Kul'turnaya sreda i eyo sotsial'nyye cherty [Cultural environment and its social features]. *Znaniye. Ponimaniye. Ucheniye* [Knowledge. Understanding. Learning], 2013, no. 2. (In Russian). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/Filer_Cultural_Miliew/ (accessed 15.07.2019).
8. Shapovalov V.A. *Pomestnoye dvoryanstvo Evropeyskoy Rossii v 50–90-e gg. XIX veka (po materialam tsentral'no-chernozemnykh guberniy)* [Landed Gentry of European Russia in 50–90s of 19th Century (as Exemplified in Materials of Central Black Earth Governorates)]. Belgorod, Publ. House “Belgorod” of Belgorod State National Research University, 2014, 544 p. (In Russian).
9. Evangulova O.S. *Khudozhestvennaya «Vselennaya» russkoy usad'by* [Art “Universe” of Russian Estate]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. (In Russian).
10. Medvedeva O.V. *Bibliotechnoye delo kak chast' istoriko-kul'turnogo naslediya Tambovskoy gubernii (XVIII – nachalo XX v.)* [Library Science as a Part of Historical and Cultural Heritage of Tambov Governorate (18th – Early 20th Century)]. Tambov, Pershin R.V. Publ., 2007, 237 p. (In Russian).
11. Cherenkova A.Y., Sveshnikova V.S. (compilers). *Kirсанovskaya tsentral'naya biblioteka: 100 let (1897–1997)* [Kirsanov Central Library: 100 years (1897–1997)]. Kirsanov, 1997, 5 p. (In Russian).
12. Lyakishova S.I. *Usadebnyye biblioteki i domashneye chteniye dvoryan kak obrazets knizhnoy kul'tury Rossii XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Estate Library and Home Reading of Noble as an Example of Book Culture in Russia of 19th Century. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Orel, 2009, 16 p. (In Russian).

Информация об авторах

Пронина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор, директор. Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ProninaLuda2014@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание части текста и редактирование статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0963-4133>

Горелкина Ольга Владимировна, заведующий отделом редких книг. Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: Knigpam@tambovlib.ru

Вклад в статью: поиск и анализ исторических литературных источников, анализ и структурирование терминологии, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0873-8873>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Пронина Людмила Алексеевна
E-mail: ProninaLuda2014@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.07.2019 г.
Поступила после рецензирования 23.08.2019 г.
Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the authors

Lyudmila A. Pronina, Doctor of Philosophy, Professor, Director. Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ProninaLuda2014@yandex.ru

Contribution: study conception, literature analysis, part of text drafting and manuscript editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0963-4133>

Olga V. Gorelkina, Head of Rare Books Department. Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation. E-mail: Knigpam@tambovlib.ru

Contribution: historical literature references search and analysis, terminology search and analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0873-8873>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Lyudmila A. Pronina
E-mail: ProninaLuda2014@yandex.ru

Received 25 July 2019
Reviewed 23 August 2019
Accepted for press 9 September 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-549-557
УДК 008

Личная библиотека как отражение истории жизни и творчества А.В. Вышеславцева

Людмила Николаевна ПАТРИНА, Марина Викторовна САБЕТОВА

ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 17

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8892-4544>, e-mail: lnp@tambovlib.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0217-6424>, e-mail: sabetova@tambovlib.ru

Personal library as a reflection of the life and work history of A.V. Vysheslavtsev

Lyudmila N. PATRINA, Marina V. SABETOVA

Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin

17 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8892-4544>, e-mail: lnp@tambovlib.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0217-6424>, e-mail: sabetova@tambovlib.ru

Аннотация. Проанализирована история жизни и творчества А.В. Вышеславцева, рассмотрено значение его личной библиотеки для профессиональных занятий и художественных увлечений. Показано, что большую роль в воспитании эстетического вкуса и любви к прекрасному в семье Вышеславцевых сыграло чтение. Усадебная библиотека родового имения Волхонщина аккумулировала огромное количество изданий на русском и иностранных языках. Большое значение в пополнении собрания редкими зарубежными книгами сыграл дядя А.В. Вышеславцева, закупавший литературу в ходе своих зарубежных командировок. На основании биографического исследования были выявлены обстоятельства появления «Очерков пером и карандашом из кругосветного плаванья», оценена их художественная и научная ценность. Изучены причины зарубежных путешествий А.В. Вышеславцева, приведён обзор купленных за рубежом книг. Анализ тематического состава библиотеки говорит о многообразии читательских интересов её владельцев. Здесь присутствовали книги по истории европейского, византийского и русского искусства. Собираемое несколько десятилетий, это собрание может выступать одним из элементов трансфера знаний в российскую провинцию. На основе изучения зарубежных книг А.В. Вышеславцев строил научную деятельность, подготовил ряд серьёзных исследований по истории западного искусства. Наследие А.В. Вышеславцева, без сомнения, имеет важное историко-культурное и краеведческое значение, раскрывает творческую лабораторию одного из самых известных искусствоведов России XIX века.

Ключевые слова: А.В. Вышеславцев; личная библиотека; Нарышкинская библиотека; Тамбовская губерния; книжная коллекция; литература на иностранном языке

Благодарности: статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-09-00484.

Для цитирования: Патрина Л.Н., Сабетова М.В. Личная библиотека как отражение истории жизни и творчества А.В. Вышеславцева // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 549-557. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-549-557

Abstract. We analyze A.V. Vysheslavtsev life history and creativity, and consider the importance of his personal library for professional pursuits and artistic hobbies. It is shown that reading played an important role in the upbringing of aesthetic taste and love of the beautiful in the Vysheslavtsev family. The estate library of the family estate Volkhonshchina accumulated a huge number of publications in Russian and foreign languages. Great importance in replenishing the rare foreign books collection played A.V. Vysheslavtsev's uncle, who bought literature in the course of his foreign

trips. On the basis of biographical research, the circumstances of the appearance of “Essays with quill and pencil out of circumnavigation of the world” we reveal their artistic and scientific value. We study the reasons of A.V. Vysheslavtsev’s foreign travels, and give the review of the books bought abroad. The analysis of the thematic composition of the library shows the diversity of readers’ interests of its owners. There were books on the history of European, Byzantine and Russian art. Collected for several decades, this collection can act as one of the elements of knowledge transfer to the Russian province. On the basis of studying foreign books A.V. Vysheslavtsev built scientific activity, prepared a number of serious studies on the Western art history. The heritage of A.V. Vysheslavtsev, without a doubt, has important historical, cultural and local history significance, reveals the creative laboratory of one of the most famous art critics of Russia of the 19th century.

Keywords: A.V. Vysheslavtsev; personal library; Naryshkin library; Tambov Governorate; book collection; foreign language literature

Acknowledgements: the study was funded by RFBR grant 19-09-00484.

For citation: Patrina L.N., Sabetova M.V. Lichnaya biblioteka kak otrazheniye istorii zhizni i tvorchestva A.V. Vysheslavtseva [Personal library as a reflection of the life and work history of A.V. Vysheslavtsev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 549-557. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-549-557 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Труды Алексея Владимировича Вышеславцева внесли огромный вклад в историографию искусства стран Западной Европы. А.В. Вышеславцев впервые познакомил российских читателей с полной биографией Рафаэля, отдельными школами живописи Италии. Его плодотворная деятельность была отмечена как современниками, так и потомками.

В 1890 г. в Санкт-Петербурге выходит биографический труд Михаила Петровича Соловьева, впервые представляющий полную историю жизни «писателя, историка искусств» А.В. Вышеславцева [1]. Автор хорошо знал героя своей книги, поэтому в произведение вошло множество малоизвестных подробностей жизни Алексея Владимировича. Изданный через два года после смерти А.В. Вышеславцева этот труд способствовал увековечению творчества знаменитого искусствоведа.

В советское время изучение биографии Алексея Владимировича продолжалось на страницах общих трудов по истории искусства. Исследователей интересовали истоки и значение творческой деятельности [2], высоко оценивались вышеславские «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания» [3, с. 478]. Однако по-настоящему комплексных исследований вклада в искусство Алексея Владимировича представлено не было.

На современном этапе отмечается рост интереса к творчеству А.В. Вышеславцева.

Среди общих работ стоит отметить публикацию И.И. Тучкова [4], посвященную анализу художественной деятельности Алексея Владимировича, особенностям его взгляда на историю итальянского Ренессанса. Появляются исследования специфики читательских интересов, источников творчества знаменитого искусствоведа. В 2018 г. на базе Тамбовского областного краеведческого музея была открыта выставка «Неизвестный Вышеславцев»¹. На выставке были представлены копии картин Алексея Владимировича, часть его личной библиотеки. Комплексным изучением книжных собраний А.В. Вышеславцева занимаются также сотрудники Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина [5]. В рамках реализации исследовательского проекта «Усадебные библиотеки Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века как элемент провинциальной культурной среды» были атрибутированы книги из личной коллекции А.В. Вышеславцева, уточнена специфика его читательских интересов.

Алексей Владимирович Вышеславцев родился 20 мая 1831 г. в имении Караул Кир-

¹ Презентация выставки «Неизвестный Вышеславцев: книги из коллекции Алексея Владимировича Вышеславцева в фонде научной библиотеки Тамбовского областного краеведческого музея» // Тамбовский областной краеведческий музей. URL: http://tambov-museum.ru/museum_news/exhibitions/exhibitions_archive/2016/vysheslavtsev_konvoluyut.html (дата обращения: 15.07.2019).

сановского уезда Тамбовской губернии. Особая атмосфера быта усадьбы способствовала развитию деятельной и созидательной личности. «Там были неведомы ни семейные распри, ни сутяжничества с соседями, ни крепостные злоупотребления», – писал биограф А.В. Вышеславцева М.П. Соловьев [1, с. 11].

Однако спокойствие караульской жизни длилось недолго. Обременённость долгами заставила В.С. Вышеславцева продать имение Чичериным и переехать в родовое имение семьи Волхонщина. Окрестности имения не были так великолепны, как в Карауле, а архитектурные достоинства поместья были откровенно скромны, однако владельцам удалось перекрёстно обустроить имение. «Стены были увешаны французскими гравюрами духовного и светского содержания, семейными портретами большого размера и миниатюрной, итальянской гуашью, и, главным образом, рисунками дочерей, отличавшихся вообще любовью и способностью к живописи». В доме имелась копия Мадонны della Sedia, чтимой в народе как икона «Трёх Радостей» [1, с. 14].

Художественные интерьеры волхонщинской усадьбы воспитывали особый тип личности, связанный с любовью к прекрасному. Интерес к искусству А.В. Вышеславцев проявлял с юных лет. Оригиналы картин российских живописцев, украшавшие усадебные комнаты, оставляли яркие впечатления. Особое внимание молодого человека привлекала «сделанная гуашью небольшая картинка» в спальне бабушки. На холсте были изображены кучи поверженных колонн, капителей, и над их холмообразной массой возвышалась обезглавленная колонна. «Эта картинка так врезалась в моей памяти, – вспоминал А.В. Вышеславцев в дальнейшем, – что всякие развалины, о которых мне впоследствии рассказывали, я не иначе мог себе вообразить, как в этом виде» [1, с. 13].

Большую роль в воспитании эстетического вкуса и любви к прекрасному у А.В. Вышеславцева сыграло чтение. Гордостью семьи была прекрасная библиотека с множеством зарубежных изданий. Здесь хранилась «Description de l’Egypte», многотомное «Путешествие по Греции» Анахарсиса младшего с рисунками. Многие из этих книг были куплены в Европе дядей Вышеславцева

[1, с. 14, 15]. Путешествуя за границей, он привозил в тамбовскую провинцию зарубежные издания и неизменно отдавал их Вышеславцевым.

В 1839 г., в связи с переездом отца в Волхонщину, семья Вышеславцева окончательно обустроилась на новом месте. Прекрасное домашнее обучение позволило успешно сдать экзамены для поступления, сначала в Тамбовскую губернскую гимназию, а затем в Московский дворянский институт (1848). После его окончания Алексей выбирает медицинскую специальность и поступает на медицинский факультет Московского университета.

В 1854 г. А.В. Вышеславцев был назначен врачом в Полтавский пехотный полк и практически сразу переброшен на один из самых опасных участков Крымской войны² в район Малахового кургана. Однако А.В. Вышеславцев довольно стойко переносит военные невзгоды. В одном из писем отцу он отмечал: «Жизнь севастопольская была очень полезна для меня. Где страдаешь, где плачешь, где боишься, где удивляешься, где приходишь в восторг, а где в полное негодование, там учишься. Всякое из этих чувств имело законную причину, следовательно, всякое из этих чувств было искренним, а там, где душа сотрясается искренним чувством, она живёт» [6, с. 12]. Ужасы войны воспитали деятельную личность, укрепили необходимость ценностного отношения к жизни, значение прекрасного для развития человека.

В 1857 г. А.В. Вышеславцев получает назначение на должность судового врача корвета «Новик» в составе русской эскадры и отправляется в кругосветное путешествие [7, с. 327]. Эскадру вёл лично прославленный адмирал Д.И. Кузнецов. Официальным целью похода русских кораблей являлось посещение восточного побережья Империи и акклиматизация флага в японских и китайских портах. Однако были очевидны геополитические задачи путешествия. После проигранной Крымской войны России требовалось сохранить своё влияние в ключевых для себя регионах. Одним из средств стали гума-

² Вышеславцев Алексей Владимирович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIIа. Спб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1892: Выговский – Гальбан. С. 587.

нитарные миссии, направленные на популяризацию русского присутствия в иностранных портах, создание экономических договоренностей и торговых партнёрств. Идеологическим центром проводимой политики являлось морское ведомство во главе с великим князем Константином Николаевичем, а главным распорядителем и инструментом – созданная в 1856 г. акционерная компания «Русское общество пароходства и торговли» [8, с. 32]. В состав кузнецовской эскадры Ведомство включало самые современные на тот момент винтовые суда, что явилось важным аспектом для демонстрации возможностей русского флота после неудачной войны на Чёрном море.

Через Босфор и Дарданеллы эскадра проследовала в средиземноморье, где А.В. Вышеславцев впервые посещает европейские города. Особенно поражает его Париж, его памятники и богатая культурная жизнь. В столице Французской республики он пребывает целый месяц. Там Алексей Владимирович впервые «окунается в водоворот жизни центра европейской культуры и воспринимает неизгладимые первые впечатления перлов древнего и нового искусства» [1, с. 35].

Именно в Париже А.В. Вышеславцев пишет первые письма о жизни за границей. В последующем они будут опубликованы в «Русском вестнике» и первых двух изданиях монографии «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания» (1862) [9].

Выход в Атлантику и путешествие вдоль побережья Африки отмечены новыми впечатлениями. Автор записывает историю отдельных стран, знакомится с этнографическими подробностями из жизни населявших их народов, их бытом, характером, знакомится с аборигенным населением побережья. Наиболее значимые наблюдения тщательно фиксируются в кратких очерках, а способности к рисованию позволяют А.В. Вышеславцеву подготавливать сопроводительные картины к своему тексту. Прибытие на мыс Доброй Надежды и путешествие к Сингапуру и Таити оставляют особенные эмоции. А.В. Вышеславцев подробно описывает жизнь коренного населения, делится своими впечатлениями о необычных народах.

Завершается кругосветка русской эскадры подходом к берегам Японии. Здесь А.В. Вы-

шеславцев знакомится с достоинствами традиционного японского искусства, делает зарисовки местных пейзажей, фиксирует быт Страны восходящего Солнца. Однако отбытие из Японии и путешествие к родным берегам не стали поводом для радости. В нескольких днях пути от побережья Российской империи А.В. Вышеславцев стал свидетелем страшной аварии клипера «Пластун». Взрыв парового котла и потеря плавучести судна приводит к гибели нескольких членов экипажа. Трагедия происходит прямо на глазах команды «Новика».

На основе материалов, собранных в ходе своего путешествия, А.В. Вышеславцев подготавливает свою первую монографию. Книга готовится за счет средств Морского ведомства. Стратегически оценивая проекты по популяризации достижений русских мореплавателей, в Ведомстве высоко оценили идею издания А.В. Вышеславцева.

Научно-популярные «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания» вышли в 1862 г. и практически сразу понравились публике. Импонировал живой непосредственный язык автора, популярный характер изложения. Немалое значение имело и красочное оформление книги рисунками автора. В тексте встречается 27 литографий-вклеек, нарисованных А.В. Вышеславцевым в ходе путешествия. Здесь были и изображения зарубежных городов (*Сингапур*, *Рио-де-Жанейро* и др.), этнографические виды местных жителей («*Индусы. (Жонглеры)*»), «*Гиляки*», «*Японцы. Эддо*»), пейзажные зарисовки («*Остров Вознесенья*», «*Императорская гавань*», «*Магелланов пролив*» и др.). «Рядом с поэтическими описаниями картин тропической природы вы находите главнейшие исторические сведения о странах, им посещённых... и всё это рассказано просто... живым, увлекательным языком», – отмечалось в Морском сборнике³.

Исследователь М.П. Соловьев, анализируя специфику чтения «Очерки пером и карандашом...», писал: «Масса разнообразных сведений из истории, географии естественных наук, введенных им в книгу, указывает, что он справедливо указывал на распространение её в среде учащегося юношества, в которой она... пользуется значительной попу-

³ Морской сборник. 1862. № 11. С. 25.

лярностью, наравне с «Фрегатом Палладой», и едва ли не привлекая к себе большее внимание» [1, с. 45]. С некоторыми дополнениями книга была переиздана в 1866 г.

В 1861 г. А.В. Вышеславцев оставляет службу и окончательно переезжает в родовое имение Волхонщина Тамбовской губернии. Здесь он служил мировым посредником при Тамбовском уездном земстве [1, с. 47].

В 1869 г. умирает Владимир Сергеевич Вышеславцев, и на помощь брату в Волхонщину переезжает сестра Анна. Уже через год Алексей Владимирович получает назначение на должность гражданского чиновника в Варшаву, однако болезнь не даёт совершить переезд. Не в силах продолжать профессиональную деятельность, А.В. Вышеславцев уезжает на лечение в Вену, и, пройдя курс необходимой терапии, отправляется в путешествие по Италии, где впервые начинает изучать историю итальянского Возрождения. А.В. Вышеславцев посещает музей Палаццо Питти во Флоренции, осматривает фрески Лоренцетти в Пизе. Однако главным событием его итальянского путешествия стало изучение творчества Микеланджело и Рафаэля в Риме. Он начинает копировать рисунки, собирает исследовательскую литературу.

По возвращении на родину А.В. Вышеславцев часто мучается от невыносимых головных болей, однако находит в себе силы продолжать исследовательскую деятельность. В 1874 г. он повторно отправляется на лечение за рубеж, где им был выбран французский курортный городок Ментона с мягким средиземноморским климатом. В местных лавках А.В. Вышеславцев покупает литературу, знакомится с ментонским искусством.

В 1879 г. Алексей Владимирович отправляется в Константинополь и Сицилию, где оценивает особенности культуры Италии, делает первые обобщения о связи византийского и римского искусства. Итогом его работы становится новая книга с символическим названием «Между храмов и развалин» [10], принесящая Вышеславцеву заслуженный успех.

В период своих итальянских путешествий он вновь и вновь обращается к изучению творческой биографии великого художника («царя искусства»). «Цель моей жизни теперь написание биографии Рафаэля, — подчерки-

вал он. — Окончив это, я могу спокойно сказать: ныне отпускаешь» [1, с. 91]. Над биографией великого живописца А.В. Вышеславцев трудился несколько лет. При этом работа с новейшей литературой в своей домашней библиотеке имела здесь ключевое значение. В течение своей жизни он собрал «замечательно полную драгоценную библиотеку по истории искусства», около 4 тыс. фотографий, значительное количество картин и коллекцию мелких античных скульптур, та纳грских и римских статуэток. Каждый февраль он уезжал в Тамбов «читать новые книги», а в мае переселялся в Волхонщину писать своё сочинение [1, с. 92]. Однако, закончив труд всей своей жизни, Вышеславцев так и не успел увидеть его издания. 22 апреля 1888 г. Алексея Владимировича не стало. Только через год после его смерти в свет вышел «Рафаэль».

Исполняя последнюю волю А.В. Вышеславцева, его семья предоставляет в хранилище Народной читальни собрание книг из его личной библиотеки. В 1895 г. к переданной коллекции администрация библиотеки издает систематический каталог⁴.

Каталог систематизирован по 16 разделам, включающим общие книги по истории искусств (45 книг), биографии (46–55), древнему искусству и археологии (56–102), древнехристианскому и византийскому искусству (103–121), русское искусство (122–134), историю итальянского искусства (135–183), итальянских художников (184–247), историю искусства во Франции, Германии и Нидерландах (248–268), музеи и галереи (269–280), учебники, руководства (281–295), периодические издания (296–304).

В собранной коллекции книг преобладали издания по истории западноевропейского искусства, новейшая на тот момент историография древнехристианского, русского и византийского художественного творчества. Данное собрание демонстрирует высокий интерес узкоспециализированными темами истории культуры на европейском континенте. Примечательно, что если отдел русского искусства включал 8 книг, история итальян-

⁴ Систематический каталог художественно-исторической библиотеки Алексея Владимировича Вышеславцева [переданной Тамбовской народной читальне]. СПб., 1895. 25 с.

ского искусства – 11 изданий, то история искусства Франции, Германии и Нидерландов скорее сопоставима с русской коллекцией (20 книг).

Отдельно стоит выделить монографии по древнехристианскому византийскому искусству, отражающие 20 изданий, преимущественно на иностранных языках. Из русских изданий здесь представлены книга Н.П. Кондакова «История византийского искусства» (Одесса, 1876), А. фон Фрикена «Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства» (Москва, 1872–1885) [11; 12]. Последний труд был особенно популярен среди искусствоведов России, так как впервые знакомил русского читателя с римскими катакомбами и настенной живописью пещер.

Среди других изданий, размещённых в каталоге, выделяются 6 книг с информацией о европейских музеях. Здесь представлены собрания из Лондонской национальной галереи, Французского алеманжского музея и др. Возможно, интерес к этим музеям был сформирован у А.В. Вышеславцева в ходе его путешествия по загранице в 1857 г. Все перечисленные музеи отражают маршрут «Пластуна» и, скорее всего, были приобретены А.В. Вышеславцевым в ходе экспедиции.

Для эффективного поиска нужных изданий в каталоге был предусмотрен авторский указатель. В совокупности он объединяет более 250 итальянских, немецких, французских писателей, внесших значительный вклад в теорию архитектуры, реставрации, искусства. В основном это были известные современники А.В. Вышеславцева, большинство из которых он знал по их ранним работам. Здесь присутствовали французский историк, специалист по византийскому искусству Шарль Байет (Bayet, Ch.), идеолог неоготики, основоположник архитектурной реставрации Виолле-ле-Дюк (Eugène Emmanuel Viollet-le-Duc), французский гистолог, физиолог Маттиас-Мария Дюваль (Duval, Mathias), написавший фундаментальный труд по анатомии для художников. Анализ авторского состава каталога говорит о разнообразии читательских интересов А.В. Вышеславцева, интересе ко всей актуальной историографии проблем западноевропейского искусства и теории художественного творчества.

Примечательной особенностью каталога является наличие в нём книг, изданных после смерти А.В. Вышеславцева. Все они помечены суперэкслибрисами Алексея Владимировича и переданы в Нарышкинскую библиотеку в составе его коллекции. Это указывает на то, что даже после смерти книжное собрание Вышеславцева продолжало пополняться его родственниками. Так, в библиотеку Алексея Владимировича были добавлены четыре тома “*Gazette des beaux-arts Courrier Europeen de l'art et de la curiosite*”⁵ – периодического издания Европейской художественной галереи, труд Евгения Мунца (Eugene Muntz) “*Histoire de l'art pendant la Renaissance*”, издания Bayet Ch. “*L'art Byzantin*” [13; 14].

Основной массив издания, помещённый в каталог, отражает продукцию ведущих книгоиздательских фирм зарубежной Европы. В собрании книг можно встретить издания “E.A. Seemann Verlag” – немецкой издательской компании, специализировавшейся в области истории искусств, итальянского издательства “Loescher”, ведущего активную книжную торговлю в Турине, Риме, Флоренции. Заметное место также занимали книги французских типографий: французского акционерного общества по изданию, распространению книг и периодической печати “Hachette”, “La Librairie Hachette”, книгоиздательства “V-vr Jules Renouard”. Данные издатели сотрудничали с ведущими искусствоведами Европы, что не могло не привлечь внимание А.В. Вышеславцева к продукции этих типографий.

Бережное отношение к книгам являлось одной из характерных черт использования литературы Алексеем Владимировичем. Несмотря на прикладное значение купленных книг, А.В. Вышеславцев практически не оставил пометки в книгах личной коллекции. Большинство книг и уважей были заключены в добротные кожаные переплёты с золотым обрезом (кожа вишнёвого цвета, иногда пергамент), суперэкслибрисы “AB” или “AW” на корешках. Переплёты заказывались в крупном издательстве «Переплётная Э. Шварца и Штольпа в Одессе». Выбор места переплёта,

⁵ Gazette des beaux-arts Courrier Europeen de l'art et de la curiosite. Trenteunième année – troisième période. Tome premier. P.: Sceaux. Imprimerie Charaire et fils, 1889–1892.

по всей видимости, был связан со спецификой заграничных путешествий А.В. Вышеславцева. Во второй половине XIX века через Одессу осуществлялось большинство зарубежных ресурсов [15]. По всей видимости, забота о сохранности книг заставляла Вышеславцева переплетать их сразу по приезду в Россию.

Книжное наследие А.В. Вышеславцева находилось в Художественном отделе Нарышкинской библиотеки. Первоначально книгооборот отдела строился только на коллекции Алексея Владимировича. Однако в последующем состав библиотеки был дополнен новыми изданиями. В отчетах правления общества по организации народных чтений указывалось, что в библиотеку были приобретены «Художественные сокровища России», изданные под редакцией И.С. Остроумова⁶,

⁶ Тамбовское губернское общество по устройству народных чтений. Отчёт общества по устройству народных чтений в городе Тамбове и Тамбовской губернии за 1904 год. Тамбов: Тип. губернского земства, 1906. С. 87.

«Словарь русских художников» и специальный журнал «Русского Библиофила»⁷.

Рассмотрение качественного состава книжных собраний А.В. Вышеславцева говорит о богатстве и многообразии его читательских интересов. Здесь присутствовали книги по истории европейского, византийского и русского искусства. Собираемое несколько десятилетий это собрание может выступать одним из элементов трансфера знаний в российскую провинцию. На основе изучения зарубежных книг строилась научная деятельность Алексея Владимировича, он подготовил ряд серьёзных работ по истории западного искусства. Наследие Вышеславцева, без сомнения, имеет важное историко-культурное и краеведческое значение, раскрывает творческую лабораторию одного из самых известных искусствоведов России XIX века.

⁷ Отчёт правления общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1912 год. Тамбов: Типография губернского земства, 1914. С. 31.

Список литературы

1. Соловьев М.П. Алексей Владимирович Вышеславцев: Для близких людей. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 95 с.
2. Козлова В.М. Тамбовская областная картинная галерея. Русское искусство XVIII – начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1976. 94 с.
3. Сидоров А.А. Рисунки русских мастеров (вторая половина XIX века). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 556 с.
4. Тучков И.И. Алексей Владимирович Вышеславцев как историк искусства // Образы Кавказа. Музейные раритеты XIX века. М.: Три квадрата, 2018. С. 287-307.
5. Патрина Л.Н., Житин Р.М. Книжные собрания дворянских библиотек Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века. Проблема реконструкции и анализа книжного наследия // Румянцевские чтения – 2019: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 277-280.
6. Вышеславцев А.В. Сутки на Малаховом кургане. 20 мая 1855 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1856. 17 с.
7. Ивлева С.Е. «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857–1860-х годах» Алексея Вышеславцева в России и в Дании (к истории иллюстрированного издания 1860-х годов) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 326-334.
8. Степанов Д.А. Учреждение Русского общества пароходства и торговли (1856–1857) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). С. 30-38.
9. Вышеславцев А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб.: Тип. Морского министерства, 1862. 652 с.
10. Вышеславцев А.В. Между храмов и развалин. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1880. 77 с.
11. Кондаков Н.П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1876. 276 с.
12. Фрикен А.Ф. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. М.: К.Т. Солдатенков, 1872–1885. Т. 1–4.
13. Muntz E. Histoire de l'art pendant la Renaissance. P.: Librairie de L. Hachette et C-ie, 1889. 744 p.
14. Bayet Ch. L'art Byzantin. P.: A. Quantin, Imprimeur-Editeurs, 1889. 320 p.
15. Блинова Л.Н. Русские паломники в Одессе на пути к святым местам. URL: <http://www.ippo.ru/old/history/ippo-palomnichestvo/4/odessa/5/index.html> (дата обращения: 18.06.2019).

References

1. Soloviev M.P. *Aleksey Vladimirovich Vysheslavtsev: Dlya blizkikh lyudey* [Alexey Vladimirovich Vysheslavtsev: for Closest People]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich's Typography, 1890. (In Russian).
2. Kozlova V.M. *Tambovskaya oblastnaya kartinnaya galereya. Russkoe iskusstvo XVIII – nachala XX veka* [Tambov Regional Art Gallery. Russian Art 18th – Early 20th Century]. Leningrad, RSFSR Artist Publ., 1976. (In Russian).
3. Sidorov A.A. *Risunki russkikh masterov (vtoraya polovina XIX veka)* [Drawings of Russian Masters (Second Half of the 19th Century)]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. (In Russian).
4. Tuchkov I.I. Aleksey Vladimirovich Vysheslavtsev kak istorik iskusstva [Alexey Vladimirovich Vysheslavtsev as an art historian]. *Obrazy Kavkaza. Muzeynnye raritety XIX veka* [Images of the Caucasus. Museum Rarities of the 19th Century]. Moscow, Three Squares Publ., 2018, pp. 287-307. (In Russian).
5. Patrina L.N., Zhityn R.M. Knizhnye sobraniya dvoryanskikh bibliotek Tambovskoy gubernii kontsa XVIII – nachala XIX veka. Problema rekonstruktsii i analiza knizhnogo naslediya [Book collections of noble libraries of Tambov Governorate late 18th – early 20th century. The reconstruction problem and book heritage analysis]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rumyantsevskiy chteniya – 2019»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Rumyantsev Readings – 2019”]. Moscow, 2019, pp. 277-280. (In Russian).
6. Vysheslavtsev A.V. *Sutki na Malakhovom kurgane. 20 maya 1855* [Day and Night on the Malakoff Kurgan. May 20, 1855]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Typography, 1856. (In Russian).
7. Ivleva S.E. «Ocherki perom i karandashom iz krugosvetnogo plavaniya v 1857–1860-kh godakh» Alekseya Vysheslavtseva v Rossii i v Danii (k istorii illyustrirovannogo izdaniya 1860-kh godov) [“Essays with quill and pencil out of circumnavigation of the world in the 1857–1860” by Alexey Vysheslavtsev in Russia and Denmark (to the history of the illustrated edition of the 1860s)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy* [St. Petersburg and the Northern Europe Countries], 2004, no. 5, pp. 326-334. (In Russian).
8. Stepanov D.A. Uchrezhdenie Russkogo obshchestva parokhodstva i trgovli (1856–1857) [Establishment of the Russian society of shipping and trade (1856–1857)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 22 (237), pp. 30-38. (In Russian).
9. Vysheslavtsev A.V. *Ocherki perom i karandashom iz krugosvetnogo plavaniya v 1857, 1858, 1859 i 1860 godakh* [Essays with quill and pencil out of circumnavigation of the world in 1857, 1858, 1859 and 1860]. St. Petersburg, Naval Ministry Typography, 1862. (In Russian).
10. Vysheslavtsev A.V. *Mezhdru khramov i razvalin* [Between Temples and Ruins]. Moscow, (M. Katkov) University Typography, 1880. (In Russian).
11. Kondakov N.P. *Istoriya vizantiyskogo iskusstva i ikonografii po miniatyuram grecheskikh rukopisey* [History of Byzantine Art and Iconography from Miniatures of Greek Manuscripts]. Odessa, Ulrich and Schulze Typography, 1876. (In Russian).
12. Friken A.F. *Rimskie katakomby i pamyatniki pervonachal'nogo khristianskogo iskusstva* [Roman Catacombs and Monuments of Original Christian Art]. Moscow, K.T. Soldatenkov Publ., 1872–1885, vols. 1–4. (In Russian).
13. Muntz E. *Histoire de l'art pendant la Renaissance*. Paris, Librairie de L. Hachette et Cie Publ., 1889, 744 p. (In French).
14. Bayet C. *L'art Byzantin*. Paris, A. Quantin, Imprimeur-Editeurs Publ., 1889, 320 p. (In French).
15. Blinova L.N. *Russkie palomniki v Odesse na puti k svyatym mestam* [Russian Pilgrims in Odessa on the Way to the Holy Places]. (In Russian). Available at: <http://www.ippo.ru/old/history/ippo-palomnichestvo/4/odessa/5/index.html> (accessed 18.06.2019).

Информация об авторах

Патрина Людмила Николаевна, заместитель директора по научной работе. Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: lnp@tambovlib.ru

Вклад в статью: поиск литературы, проведение биографического исследования, написание части статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8892-4544>

Сабетова Марина Викторовна, заместитель директора по библиотечной работе. Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sabetova@tambovlib.ru

Вклад в статью: анализ литературы, книжных коллекций, написание части статьи, оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0217-6424>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Патрина Людмила Николаевна

E-mail: lnp@tambovlib.ru

Поступила в редакцию 25.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 23.08.2019 г.

Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the authors

Lyudmila N. Patrina, Deputy Director for Scientific Work. Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation. E-mail: lnp@tambovlib.ru

Contribution: literature search, biographical study processing, part of article drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8892-4544>

Marina V. Sabetova, Deputy Director for Library Work. Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation. E-mail: sabetova@tambovlib.ru

Contribution: literature, book collection analysis, part of article drafting, article design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0217-6424>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Lyudmila N. Patrina

E-mail: lnp@tambovlib.ru

Received 25 July 2019

Reviewed 23 August 2019

Accepted for press 9 September 2019

Личная библиотека Г.Р. Державина как отражение литературных интересов и художественного творчества поэта

Руслан Магомедович ЖИТИН, Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, e-mail: istorik08@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, e-mail: a-topil@yandex.ru

G.R. Derzhavin's personal library as a reflection of poet's literary interests and artistic creativity

Ruslan M. ZHITIN, Aleksey G. TOPILSKY

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, e-mail: istorik08@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, e-mail: a-topil@yandex.ru

Аннотация. Посвящено изучению личной библиотеки Г.Р. Державина. Актуальность исследования определяется высокой историко-культурной значимостью книжных собраний Гавриила Романовича. Реконструкция изначальной его коллекции – одно из важнейших направлений исследования книжной культуры конца XVIII века и, безусловно, ключевой сюжет изучения источников творчества поэта. Проанализировано тематическое разнообразие сохранившихся книг, выявлена история появления державинской коллекции, её судьба после смерти Г.Р. Державина. Установлено, что державинская библиотека была передана Д.В. Поленову – известному дипломату и библиофилу своего времени, а затем поступила в Нарышкинскую особую библиотеку города Тамбова. Изучение качественно-количественного состава переданных коллекций позволило установить сохранность 293 томов из его собрания. Коллекцию отличают особые коричневые кожаные переплёты с форзацами из декоративной бумаги (предположительно ручной работы), множество подносных экземпляров. Часть журнальных конволютов из державинской коллекции переплетены в твёрдую картонную бумагу с нанесением прямоугольного ярлыка-наклейки начала XIX века, отражающего название журнала, год издания и суперэкслибрис «Г. Д.» (Гавриил Державин). Анализ книг из державинской библиотеки продемонстрировал значительное разнообразие читательских интересов Г.Р. Державина. В его библиотеке сохранилось немало редких прижизненных экземпляров од, писем, эпиграмм, посланий известных авторов XVIII века, огромное количество периодических изданий. Метод поэкземплярного анализа литературы дал возможность выявить и проанализировать авторские маргиналии на книгах поэта, их значение для характеристик литературного творчества поэта.

Ключевые слова: Г.Р. Державин; Д.В. Поленов; личная библиотека; Тамбовская губерния; книжная культура; бытование книги

Благодарности: статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-09-00484.

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г. Личная библиотека Г.Р. Державина как отражение литературных интересов и художественного творчества поэта // Нефилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 558-565. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-558-565

Abstract. We study G.R. Derzhavin's personal library. The study is relevant due to the high historical and cultural significance of Gavriil Romanovich's book collections. Reconstruction of his original collection – one of the most important areas of research of book culture of the late 18th century and, of course, the key story of the study of poet creativity sources. We analyze the the-

matic diversity of the preserved books, the history of the Derzhavin collection, its fate after the death of G.R. Derzhavin. Derzhavin's library was transferred to D.V. Polenov – well-known diplomat and bibliophile of his time, and then entered the Naryshkin special library of Tambov. The study of the qualitative and quantitative composition of the transferred collections allowed to establish the safety of 293 volumes from his collection. The collection is distinguished by special brown leather bindings with flyleaf of decorative paper (presumably handmade), a lot of tray copies. Part of the journals convolutes from Derzhavin's collection are bound in hard cardboard paper with a rectangular label-sticker of the early 19th century, reflecting the name of the journal, the year of publication and superexlibris "G. D." (Gavriil Derzhavin). Analysis of Derzhavin's books from the library demonstrated a significant diversity of reading interests of G.R. Derzhavin. His library has preserved many rare lifetime copies of odes, letters, epigrams, messages of famous authors of the 18th century, a huge number of periodicals. The method of instance analysis of literature made it possible to identify and analyze the author's marginalia on the poet's books, their significance for the characteristics of the poet's literary work.

Keywords: G.R. Derzhavin; D.V. Polenov; personal library; Tambov Governorate; book culture; book existence

Acknowledgements: the study was funded by grant of RFBR 19-09-00484.

For citation: Zhitin R.M., Topilsky A.G. Lichnaya biblioteka G.R. Derzhavina kak otrazheniye literaturnykh interesov i khudozhestvennogo tvorchestva poeta [G.R. Derzhavin's personal library as a reflection of poet's literary interests and artistic creativity]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 558-565. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-558-565 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Личные книжные интересы Г.Р. Державина – заслуживающий внимания элемент творческой биографии великого писателя и государственного деятеля. За свою долгую жизнь Державин собрал огромную библиотеку, по составу литературы считавшейся одной из лучших в России конца XVIII века. В его собрании были аккумулированы уникальные издания на русском и европейском языках, крупнейшая коллекция периодики своего времени, личные литературные опыты поэта. После смерти Г.Р. Державина его библиотека стала частью личных коллекций К.М. Бороздина и Д.В. Поленова, а затем была передана в Нарышкинскую особую библиотеку города Тамбова. На данный момент реконструкция изначального состава державинских собраний – одно из важнейших направлений изучения книжной культуры конца XVIII века и, безусловно, ключевой сюжет изучения источников его литературного творчества.

Жизненный путь Г.Р. Державина тесно связан с судьбами Тамбовского края. В 1886 г. Гавриил Романович получил перевод из Олонецкого наместничества в город Тамбов «отправлять ту должность в Тамбовском наместничестве»¹. Тамбовский период службы

Державина занял всего два года, однако это правление стало важной вехой в истории края. При новом наместнике строятся церкви, начинается свою работу «вольная» типография, открылся театр, появляется народное училище [1, с. 392-402]. При этом активная государственная деятельность Державина на посту наместника не стала препятствием для его творческих увлечений. На тамбовской земле были написаны драма «Пролог», оды «На смерть графини Румянцевой», «Осень во время осады Очакова», «Властителям и судиям» и множество других произведений [2, с. 17].

Активная во многом инновационная деятельность Тамбовского наместника не только принесла Державину славу деятельного и умного чиновника, но становится причиной его конфликта с местным дворянством. После выявления нарушений при закупке провианта для действующей армии Державин был обвинён в злоупотреблении властью и в 1789 г. освобождён от должности².

В своих многочисленных командировках Г.Р. Державин неизменно перевозил часть своего книжного собрания. Уже находясь в Тамбове, его библиотека продолжала пополняться изданиями как региональных, так и центральных типографий России. После увольнения с должности тамбовского наме-

¹ И пыль веков от хартии отряхнув...: хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов: Изд. центр ТГПИ, 1993. С. 69.

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 2. Оп. 10. Д. 7. Л. 5.

стника и переезда в Санкт-Петербург державинское собрание перевозится вначале в Санкт-Петербург, а спустя некоторое время в родовое имение своей супруги в с. Званка Новгородской губернии³.

После смерти Г.Р. Державина его книжная коллекция переходит к Прасковье Николаевне Львовой (1793–1839) и её мужу, крупному российскому археологу, историку Константину Матвеевичу Бороздину. Он первым приступил к систематизации владельческой библиотеки знаменитого поэта. Однако полностью эту работу Бороздин не завершил. После его смерти (1848 г.) к описанию богатой библиотеки приступил Д.В. Поленов – душеприказчик и опекун младшей дочери Бороздиных Елены. Дмитрий Васильевич создал опись личных бумаг Г.Р. Державина и подготовил их для передачи в собрание Московского публичного музея. До конца своей жизни Д.В. Поленов старался передать оставшуюся коллекцию в общественное использование, однако так и не успел это сделать⁴. По словам Пекарского, «Поленов с величайшей готовностью предоставлял исследователям пользоваться своей библиотекой, радушно делился с ними сведениями своими по библиографии»⁵.

В начале 1850-х гг. книги из собрания Д.В. Поленова были перевезены в имение Ольшанка, где они соединились с обширной библиотекой Воейковых. Таким образом, в Ольшанке одновременно были собраны четыре крупные частные собрания – части державинской и бороздинской коллекций, поленовской и воейковской библиотек. После строительства Нарышкинской библиотеки все эти книги были пожертвованы в дар городу Тамбову⁶.

Национализация Нарышкинской читальни не могла сказаться на сохранности её фонда. В тридцатых годах во многих буки-

нистических магазинах Москвы советский писатель, библиофил В.Г. Лидин обнаружил множество старинных книг. Их отличал штамп «Нарышкинская особая библиотека в г. Тамбове» и характерный экслибрис-монограмма «ДВП». В большинстве случаев это были первые издания русских поэтов и путешествия русских мореплавателей. Среди продававшейся литературы В.Г. Лидин обнаружил издания с явными владельческими признаками Гавриила Романовича. Их судьба не известна до сих пор, как и многих других произведений из державинской библиотеки [3, с. 44].

В настоящее время известно 293 тома книг и журналов из державинской библиотеки. В процессе библиографической работы издания этой коллекции были выставлены в особый расстановочный ряд под общим названием «Книги и журналы Г.Р. Державина»⁷. Коллекцию отличают особые коричневые кожаные переплёты с форзацами из декоративной бумаги (предположительно ручной работы), множество подносных экземпляров. Часть журнальных конволютов из державинской коллекции переплетены в твёрдую картонную бумагу, с нанесением прямоугольного ярлыка наклейки начала XIX века, отражающей название журнала с названием журнала, годом издания и супер-экслибрисом «Г. Д.» (Гавриил Державин).

Первая часть собрания Державина была атрибутирована А.И. Сапоговым. Этот труд стал важной частью многолетней работы Александра Ильича по изучению и систематизации коллекции книг из фондов тамбовских библиотек. Специально для реконструкции державинской коллекции А.И. Сапоговым была предложена авторская методика, отражённая им в ряде газетных публикаций [4, с. 3].

Все книги из собрания Гавриила Романовича включают в себя издания с несомненной принадлежностью великому поэту. Их легко опознать по фирменному экслибрису Державина, владельческим надписям и пометам, а также по особым переплётам, отличающим державинскую коллекцию. Сейчас доподлинно неизвестно, где заказывал переплетение своих книг великий писатель, одна-

³ Книги и журналы из библиотеки Г.Р. Державина: каталог коллекции. Тамбов: Изд. дом «Мичуринск», 2014. С. 5.

⁴ Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1893. С. 3-4.

⁵ Поленов Дмитрий Васильевич // Русский биографический словарь А.А. Половцова. СПб.: Плавильщиков – Примо, 1905. Т. 14. С. 474.

⁶ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 54. Оп. 1. Д. 6485.

⁷ Книги и журналы из библиотеки Г.Р. Державина ... С. 3.

ко все переплёты отличало использование первоклассной кожи и дорогого пергамента.

Особую ценность державинской коллекции придаёт значительное количество прижизненных изданий стихов Державина, а также те книги, которые были переданы поэту в качестве подарка. Часть собственных произведений Гавриил Романович самостоятельно переплетал в конволюты. Особую роль здесь играют «Речи и слова торжественных собраний различных учреждений» [5], где помещён ряд произведений Г.Р. Державина (Например: «*Ода на победы француз в Италии, фельдмаршалом графом Суворовым...*»). Именно с этого конволюта в своё время началась сложная работа А.И. Сапогова по атрибуции книг из державинской библиотеки⁸.

В коллекции Г.Р. Державина имеется множество журналов, оставивших яркий след в истории российской журналистики [4, с. 3]. В собрании поэта имелось более 30 наименований периодических изданий, выпускавшихся в России с середины XVIII по первое десятилетие XIX века. К сожалению, ни одна из многочисленных подшивок с периодикой не сохранилась полностью. Кроме того, даже для имеющихся в распоряжении библиотекарей изданий существует проблема атрибутирования по чертам владельческого использования. Если ряд журналов («*Сын Отечества*», «*Цветник*», «*Вестник Европы*» и др.) имеют чёткие владельческие признаки (суперэкслибрис «Г. Д.»), то другие издания не содержат характерные для коллекции штампы и маргиналии и могут быть лишь косвенно отнесены к коллекции Державина по характерному коричневому кожаному переплетению с «мраморной» или «петушковой» бумагой на форзацах.

Однако даже имеющаяся в распоряжении специалистов подборка периодики позволяет сделать выводы о специфике читательских интересов великого поэта. Здесь присутствовали и литературоведческие издания (среди них выделяются «*Вечерняя заря*», «*Зеркало света*», «*Зритель*», «*Московский журнал*», «*Муза*», «*Санкт-Петербургский вестник*»), и научно-популярные журналы («*Ежемесячное сочинение к пользе и увеселе-*

нию служащих»), издание исторических источников («*Древняя российская вивлиофика*»).

Особое место в библиотеке Гавриила Романовича занимали издания, выпускаемые близкими друзьями поэта. Одно из них – «*Экономический магазин*». В качестве приложения к Московским ведомостям этот журнал издавался Н.И. Новиковым, близким знакомым Г.Р. Державина. Составителем и редактором издания выступил также небезызвестный поэту А.Т. Болотов. «*Магазин*» являлся одним из первых в России периодических изданий по теории и практике сельского хозяйства, развитию которого Державин всецело способствовал.

Огромное значение для биографов великого поэта имеет коллекция периодики, в которой опубликованы прижизненные издания произведений Г.Р. Державина. Среди конволютов тамбовской коллекции Державина имеются два одинаковых номера журнала «*Старина и новизна*», в котором помещалось первое печатное произведение Гавриила Романовича «*Ироида, или письмо Вивлиды к Кавну*» [6]. «Тот факт, что Державин хранил два экземпляра «*Старины и новизны*», – писал А.И. Сапогов, – лишний раз подчеркивает внимание Державина к своему первому печатному опыту» [4, с. 3].

Уникальность сохранившегося номера повышает и тот факт, что ранние произведения поэта не сохранились. В 1770 г., возвращаясь из охваченной эпидемией чумы Москвы, Г.Р. Державин сжёг свой сундук с личными документами – в том числе переводными стихами с немецкого [7, с. 23].

Отличительной чертой имеющегося в распоряжении специалистов первого издания «*Ироиды*» – собственноручные пометы автора, свидетельствующие о повторной правке уже изданного произведения. Исправления, оставленные поэтом, носят, в основном, стилистический характер без добавления новых абзацев или переписывания существующих предложений. Такая правка скорее корректировала и уточняла смысл стихотворения. Вместо «*умилительности твоего лица*» внесено «*приятности лица твоего*», «*разжѣнное моѣ тобою наполняющее сердце*» заменяется «*моѣ тобою наполненное сердце*». Скорее всего, автор стремился к большей простоте построения фразы и хотел избежать излиш-

⁸ Книги и журналы из библиотеки Г.Р. Державина ... С. 3.

ней тенденциозности своей мысли. Однако самым интересным можно считать то, что, внося исправления, Г.Р. Державин перечеркнул фразы «Переведено с немецкого» в конце произведения. Это существенно дополняет творческую характеристику первого произведения поэта. По всей видимости, стихотворение было наполнено личным содержанием, связывало Г.Р. Державина с сильным чувством или воспоминаниями, что приобрело отдельный смысл и звучание, сильно отличавшиеся от оригинала.

Интересно, что исправление «Ироиды», по всей вероятности, не было знакомо и автору крупнейшего биографического труда о Гаврииле Романовиче Якову Гроту. По предположению А.И. Сапогова, «...второй экземпляр с авторской правкой «Письма» остался вне поля зрения редактора» [4, с. 3]. При этом это письмо было единственной публикацией данного стихотворения. Оно не входило ни в девяти томное собрание сочинений Г.Р. Державина, ни в другие сборники стихов, вышедших как при жизни, так и после смерти поэта. В публикациях прижизненных произведений Г.Р. Державина издание его стихотворных переводов считалось второстепенным занятием и не вызывало интереса у его издателей.

Помимо маргиналий на странице «Ироиды» авторские пометы сохранились и на публикации стихотворения «На отбытие их императорских высочеств великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича», изданного в журнале «Сын Отечества» [8]. Имеющиеся исправления несут всё ту же стилистическую правку, демонстрируя, насколько серьёзно автор относился к своему творчеству, как скрупулёзно и вдумчиво он работал над текстом своих произведений.

Большое значение для тамбовского краеведения имеет первая публикация «Речи на открытии в Тамбовском народном училище», размещённая в одном из номеров «Зеркала света» за 1788 год [9, с. 248-249]. История появления произведения тесно связана с историей нашего края. Речь была произнесена при открытии тамбовского народного училища Захарьиным [10, с. 137]. «Но как одному дворцу не было приличного места, где бы ему ту речь по состоянию его сказать можно было (ибо в церкви нельзя, ...он был не цер-

ковнослужитель; в школе тоже неуместно, ибо не был ни учителем и ни по чему не принадлежал к чиновникам сего заведения), а для того выдумал, чтоб он на таком месте сказал её, которое может принадлежать всему народу» [11, с. 45]. Выступление произвело настолько огромное впечатление, что современники даже приписывали авторство речи самому Г.Р. Державину. Отмечались эстетичность цельности композиции, качество слога. В последующем произведение выдержало ряд переизданий, было переведено на иностранные языки.

Отдельным аспектом работы с книжным собранием Г.Р. Державина является атрибуция книг поэта, которые ранее принадлежали другим владельцам. Сюда относятся подаренная поэту литература, а также букинистические издания, специально купленные для своей библиотеки. Тематика и содержание данных коллекций показывают как широкие интересы владельца собрания, так и его компаративные связи. В составе коллекции поэта можно заметить книги из библиотеки Н.А. Львова – близкого друга Гавриила Романовича, одного из талантливейших людей эпохи российского просвещения. Разносторонний и увлечённый Н.А. Львов занимался архитектурой, археологией, химией, геологией, механикой, собирал народные песни, что отразилось на разнообразии подаренного Г.Р. Державину собрания книг. «Сей человек, – писал Г.Р. Державин, – принадлежит к отличным и немногим людям потому, что одарён был... чувствительностью к той изящности, которая, с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. Люди, словесностью, разными художествами и... мастерствами занимавшиеся, часто прибегали к нему на совещание, и часто приговор его превращали себе в закон» [12, с. 212-213].

В библиотеке Г.Р. Державина находятся знаковые произведения, сделавшие Н.А. Львова известным. По своему значению и влиянию, безусловно, выделяется труд «О пользе употребления русского земельного угля» [13], впервые активизирующий необходимость разработки собственно российских месторождений угля и условий для его переработки. Книга практически сразу привлекла к себе внимание общественности, так как со

всей очевидностью показала «выгоду использования угля против дров», его значение для развития отечественной промышленности и сельского хозяйства. Именно публикация этой монографии привлекала внимание к угольным месторождениям России и послужила толчком к разведке угольных залежей в Московской, Тульской, Калужской и Тверской губерниях [14].

Среди других книг из библиотеки Н.А. Львова Г.Р. Державин хранил «Школу деревянной архитектуры» Ф. Каунтерро (М., 1794), трагедию «Фемист и Иеронима» В.И. Майкова (М., 1787), «Героическую песнь на победу, одержанную российским воинством над турецкими силами, за Дунаем в 28 день июня 1791 года» (М., 1792), «Разные письма по делам хозяйственным, судебным, торговым, вексельным, долговым и договорным» (СПб., 1791). Наличие в библиотеке Г.Р. Державина столь разных по тематике произведений свидетельствует о разносторонности, энциклопедической подготовке поэта, широте его вкусов и интересов.

Среди книг, принадлежавших великому поэту, следует отметить Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова в 6-ти томах. Это было пятое по порядку и первое научное издание собрания сочинений Михаила Васильевича, осуществлённое Академией наук в 1784–1787 гг. Предисловием к изданию стала статья М.И. Верёвкина «Жизнь покойного М.В. Ломоносова», подготовленная на основании записей Я.Я. Штелина, архивных материалов Заиконоспасского монастыря и опроса лиц, знавших поэта. Открывал собрание гравированный на фронтисписе портрет М.В. Ломоносова работы Х.А. Вортмана [15]. Безусловную библиографическую ценность имеет рукописное письмо Н.А. Львова Г.Р. Державину, написанное им на форзаце четвёртого тома этого собрания. Место размещения письма было выбрано, по всей видимости, не случайно, ведь 4-й том был посвящён любимому увлечению Н.А. Львова – изучению «металлов, солей, камней, руд» [15].

Важной задачей, связанной с изучением коллекции Гавриилы Романовича, является восстановление лакун в собрании поэта, изучение судьбы его книг и журналов. Качест-

венно-количественные характеристики возможных потерь державинской коллекции можно оценить по рассказу В.Г. Лидова «Душенька у ног Державина». История появления этого произведения связана с личными впечатлениями автора от увиденных на книжных развалах Москвы букинистических изданий с явными владельческими признаками Гавриила Романовича. В числе прочих на продажу были выставлены «Стихотворения Анакреона Тийского», выпущенные в 1794 г. в переводе Николая Львова. Ценность книге придавал собственноручный инскрипт Львова: «Любезному Другу моему Гавриилу Романовичу. Числа 12. С. П.-бург». Надпись явно позволяла атрибутировать «Анакреон» в состав коллекции Г.Р. Державина [3, с. 44]. Среди других открытий В.Г. Лидов отметил «Душеньку» И.Ф. Богдановича с авторской надписью на титуле: «Гавриле Романовичу Державину приносит сама Душенька». Это было первое издание заметного произведения «Душенька» (1783), подаренное автором самому Г.Р. Державину. На первой чистой странице выявленной книжки находилась несколько раз правленная дарственная надпись Г.Р. Державина. Первый вариант инскрипта, по всей видимости, был зачёркнут самим автором. В результате чего разбору подвергались только слова: «Её превосходительству Дарье Алексеевне Дьяковой автор...». На нижней части страницы в дарственном исполнении надписи было вписано двестише:

Пышная надпись черна
В память Душеньке дана [3, с. 45].

Собрание книг и журналов, хранящихся в Тамбове, представляет значительный научный интерес. Изучение данной коллекции позволяет восстановить творческую лабораторию великого поэта, изучить его читательские пристрастия, степень внимания к русской и зарубежной литературе, уточнить обстоятельства создания ряда произведений. Рассмотрение конкретного состава выявленных державинских собраний говорит о широких читательских интересах Г.Р. Державина, энциклопедическом знании и высоком художественном вкусе владельца библиотеки.

Список литературы

1. Мецержаков Ю.В. Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786–1788). Тамбов: ООО «Юлис», 2006. 443 с.
2. Чернов А.С. Светоч, зажжённый Державиным. 225-летняя история типографии «Пролетарский светоч». Тамбов: б.и., 2012. 267 с., ил.
3. Лидин В.Г. Друзья мои – книги! Рассказы книголюбца. М.: Современник, 1976. 381 с.
4. Сапогов А.И. Личные книги Г.Р. Державина // Тамбовская жизнь. 1993. 14 июля.
5. Державин Г.Р. Речи и слова торжественных собраний различных учреждений [Конволют. 40 аллигаторов]. [Б. м.], [1764–1823]. 285 с.
6. Державин Г.Р. Ироида, или письмо Вивлиды к Кавну // Старина и новизна. 1773. Ч. 2. С. 31–50.
7. Запатов А.В. Поэты XVIII века (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин). М.: МГУ, 1979. 313 с.
8. Державин Г.Р. На отбытие их императорских высочеств великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича // Сын Отечества. 1814. Кн. 5. С. 251–252.
9. [Захарьин П. Речь на открытии в Тамбовском народном училище] // Зеркало света. 1786. Ч. 3. С. 248–249.
10. Державин Г.Р. Сочинения Державина: с объяснительными примечаниями [и предисловием] Я. Грота: [в 9 т.]. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1864–1883. Т. 9. 1883. 806 с.
11. Буторов А. Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. М.: АСТ, Астрель, 2012. 708 с.
12. Державин Г.Р. Память другу // Державин Г.Р. Стихотворения. М.: Изд-во худ. лит., 1958. 638 с.
13. Львов Н.А. О пользе и употреблении русского земляного угля. СПб.: Тип. И.К. Шнора, 1799. 80 с.
14. Янин Е.П. Николай Александрович Львов (к 200-летию издания книги «О пользе и употреблении русского земляного угля») // Геологический вестник центральных районов России. 2000. № 1. С. 37–43.
15. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде ещё не напечатанных творений: [в 6 ч.]. СПб.: Изданием Императорской Академии наук, 1784–1787.

References

1. Meshcheryakov Y.V. *Gavriil Romanovich Derzhavin. Tambovskiy period deyatel'nosti (1786–1788)* [Gavriil Romanovich Derzhavin. Tambov Period of Activity (1786–1788)]. Tambov, Yulis Publ., 2006, 443 p. (In Russian).
2. Chernov A.S. *Svetoch, zazhzhyonny Derzhavinym. 225-letnyaya istoriya tipografii «Proletarskiy svetoch»* [The Torch Lit by Derzhavin. 225-Year History of the Typography “Proletarian Torch”]. Tambov, 2012, 267 p. (In Russian).
3. Lidin V.G. *Druz'ya moi – knigi! Rasskazy knigolyuba* [My Friends – Books! The Stories of the Bibliophile]. Moscow, Sovremennik Publ., 1976, 381 p. (In Russian).
4. Sapogov A.I. *Lichnye knigi G.R. Derzhavina* [G.R. Derzhavin's Personal books]. *Tambovskaya zhizn' – Tambov Life*, 1993, 14 Jul. (In Russian).
5. Derzhavin G.R. *Rechi i slova torzhestvennykh sobraniy razlichnykh uchrezhdeniy* [Speeches and Words of Solemn Meetings of Various Institutions]. s.l.n.d., 285 p. (In Russian).
6. Derzhavin G.R. *Iroida, ili pis'mo Vivlidy k Kavnu* [Iroid or Vivlida's letter to Kavnu]. *Starina i novizna* [Old Man and Novelty], 1773, pt 2, pp. 31–50. (In Russian).
7. Zapadov A.V. *Poety XVIII veka (M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin)* [Poets of the 18th Century (M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1979, 313 p. (In Russian).
8. Derzhavin G.R. *Na otbytie ikh imperatorskikh vysochestv velikikh knyazey Nikolaya Pavlovicha i Mikhaila Pavlovicha* [In memoriam of their Imperial Highnesses Grand Dukes Nikolay Pavlovich and Mikhail Pavlovich]. *Syn Otechestva – Son of the Fatherland*, 1814, bk 5, pp. 251–252. (In Russian).
9. Zakharyin P. *Rech' na otkrytii v Tambovskom narodnom uchilishche* [Speech at the opening at the Tambov National School]. *Zerkalo sveta* [Mirror of Light], 1786, pt 3, pp. 248–249. (In Russian).
10. Derzhavin G.R. *Sochineniya Derzhavina: s ob'yasnitel'nymi primechaniyami Y. Grota. T. 9. 1883* [Derzhavin's Writings: with Explanatory Notes by Y. Grot. Vol. 9. 1883]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1864–1883, 806 p. (In Russian).
11. Butorov A. *Russkiy byt v vospominaniyakh sovremennikov. XVIII vek* [Russian Life in the Memoirs of Contemporaries. 18th Century]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2012, 708 p. (In Russian).
12. Derzhavin G.R. *Pamyat' drugu* [Memory friend]. In: Derzhavin G.R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1958. (In Russian).

13. Lvov N.A. *O pol'ze i upotreblenii russkogo zemlyanogo uglya* [On Benefits and Use of Russian Earth Coal]. St. Petersburg, I.K. Shnor's Typography, 1799, 80 p. (In Russian).
14. Yanin E.P. Nikolay Aleksandrovich L'vov (k 200-letiyu izdaniya knigi «O pol'ze i upotreblenii russkogo zemlyanogo uglya») [Nikolay Aleksandrovich Lvov (to the 200th anniversary of the book "On Benefits and Use of Russian Earth Coal")]. *Geologicheskiiy vestnik tsentral'nykh rayonov Rossii – Geological Bulletin of the Central Regions of Russia*, 2000, no. 1, pp. 37-43. (In Russian).
15. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochineniy Mikhayla Vasil'evicha Lomonosova, s priobshcheniem zhizni sochinitelya i s pribavleniem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvoreniy* [Completed Works of Mikhail Vasilyevich Lomonosov, with Introduction of the Life of Writer and Addition of Many of His Yet Nowhere Printed Works]. St. Petersburg, Means of Imperial Academy of Sciences, 1784–1787. (In Russian).

Информация об авторах

Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: istorik08@mail.ru

Вклад в статью: поиск литературы, написание части статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: работа с архивными источниками, написание части статьи, оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Топильский Алексей Геннадьевич
E-mail: a-topil@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 23.08.2019 г.

Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, Candidate of History, Research Worker of Center for Fractal Modeling of Social and Political Processes. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: istorik08@mail.ru

Contribution: literature search, part of article drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>

Aleksey G. Topilsky, Candidate of History, Senior Lecturer of General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: a-topil@yandex.ru

Contribution: work with archival sources, part of article drafting, manuscript design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Aleksey G. Topilsky
E-mail: a-topil@yandex.ru

Received 25 July 2019

Reviewed 23 August 2019

Accepted for press 9 September 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-566-573
УДК 008+025.177

Иностранные фотографы в Сибири: фотография как средство дегуманизации

Евгений Петрович ЕКИМОВ

ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»
670013, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В–1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0998-7318>, e-mail: prosepoetry@yandex.ru

Foreign photographers in Siberia: photography as a mean of dehumanization

Evgeniy P. EKIMOV

East Siberia State University of Technology and Management
1-40V Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Republic of Buryatia, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0998-7318>, e-mail: prosepoetry@yandex.ru

Аннотация. Культурологическое исследование посвящено анализу деятельности иностранных фотохудожников на территории Сибири со второй половины XIX века по настоящее время. Основное внимание уделено проблеме дегуманизации российского общества и культуры России средствами зарубежного фотоискусства. На основе реальных фотоматериалов, опубликованных в сети Интернет, автор составил список всех посещавших Сибирь западных фотографов и доказал их деструктивные и контркультурные, политические и нехудожественные цели, направленные на ослабление российской государственности и дегуманизацию российских народов, которые и подтверждены итоговыми соответствующими публикациями за рубежом. Некоторые материалы исследования являются документами Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) и вводятся в научный оборот впервые. До сих пор деятельность зарубежных фотографов в Восточной Сибири рассматривалась в основном по специальности история, исключительно как источниковедческая база в положительном ключе. Новизна настоящего культурологического исследования заключается в том, что зарубежная фотография Восточной Сибири рассматривается с точки зрения задач, поставленных перед иностранными фотографами их зарубежными заказчиками, а также с эстетических и художественных позиций. Таким образом, доказывается отрицательный характер деятельности иностранных фотографов на территории Восточной Сибири.

Ключевые слова: фотографы; Сибирь; Транссиб; культура; Бурятия; пропаганда; Иркутск; фотография; дегуманизация; ссылка

Для цитирования: Екимов Е.П. Иностранные фотографы в Сибири: фотография как средство дегуманизации // Нефилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 566-573. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-566-573

Abstract. This cultural research is the analysis of the foreign photographers' activities in Siberia from the second half of the 19th century to the present time. We consider the issue of dehumanization of Russian society and culture by means of foreign photography. On the basis of real photographs published on the Internet, the author compiled a list of all Western photographers who visited Siberia and proved their destructive and countercultural, political, and non-artistic goals aimed at weakening the Russian state and Russian people dehumanization; we confirmed it by the final relevant foreign publications. Some research materials are documents of the State Archive of the Republic of Buryatia and are the first time in scientific discourse. Until now, researchers considered the activities of foreign photographers in Eastern Siberia mainly in the specialty of history, exclusively as a source base positively. The novelty of this cultural research lies in the fact that foreign photography of Eastern Siberia is considered from the perspective of the tasks set for for-

eign photographers by their foreign customers, as well as from aesthetic and artistic positions. Thus, we prove the negative nature of the foreign photographers' activities in Eastern Siberia.

Keywords: photographers; Siberia; Trans-Siberian Railway; culture; Buryatia; propaganda; Irkutsk; photography; dehumanization; exile

For citation: Ekimov E.P. Inostrannyye fotografy v Sibiri: fotografiya kak sredstvo degumanizatsii [Foreign photographers in Siberia: photography as a mean of dehumanization]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 566-573. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-566-573 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Сибирь – это название обширной территории в северной Азии, которая ограничена естественными препятствиями: с запада Уральскими горами, с востока водораздельными хребтами, с севера Северным Ледовитым океаном, а с юга засушливыми пустынями Средней Азии, Монголии и Китая. Благодаря своей труднодоступности и изолированности эта земля обросла мифами и легендами, и в разное время её называли «Гипербореей», «Тартарией», «Осью Истории», «Страной мрака» и «Сердцем Земли» [1].

С давних времён эта малоизученная территория привлекала внимание исследователей со всего мира. Однако сведения, описываемые разными путешественниками, не отражали объективной картины, а наоборот, изобиловали эмоциональными описаниями субъективных впечатлений, что порождало ещё больше легенд о загадочных людях и сказочных животных, якобы обитавших здесь. Даже тогда, когда уже наступил прогрессивный XIX век, люди продолжали верить в мистических существ Сибири («Берёзовское чудо»)¹. Всё изменилось с изобретением фотографии.

Здесь следует отметить, что ещё 1841 г., когда российский учёный Гамель собирал сведения о дагерротипии во Франции и Великобритании [2], в Москве и Петербурге уже работали иностранные фотографы. Одним из первых был французский отставной инженер-поручик фотограф Альфред (Адольф) Яковлевич Давиньон. В Москве и Петербурге А.Я. Давиньон имел немалый доход, поскольку дагерротипия вызвала огромный интерес публики, о чём свидетельствует увлечённость фотографией царской семьи, а также потому, что у него практически не было конкуренции в этих огромных городах России. Тем не менее, летом 1845 г.

он предпринял поездку в Сибирь до самого Иркутска.

Второй француз, профессор и путешественник фотограф Жюль Легра (1866–1939), совершил фотографическую экспедицию в Сибирь в конце 1890-х гг. С 1915 г., как специалист по России, Жюль Легра был направлен туда «в качестве военного наблюдателя, потом назначен лейтенантом 1-го полка латышских стрелков, позднее прикомандирован в качестве офицера штаба первого сибирского корпуса. После социалистической революции 1917 г., в августе 1918 г. присоединился к миссии генерала Жанена по «конвоированию» Колчака. В последние годы жизни он много писал о русской культуре [3].

В 1885 г. в газетах появились сообщения о пребывании в Сибири фотографов из США – Джорджа Кеннана (1845–1924) и Джорджа Фроста. По кратким сообщениям в «Хрониках» газет того времени можно проследить маршрут путешественника: «Из Читы пишут, что 26 ноября был дан неким господином Н. обед и бал в честь знаменитых путешественников Кеннана и Фроста»². Однако позднее выяснилось, что фотографа не интересовали красоты природы. У Дж. Кеннана и сопровождавшего его фотохудожника Дж. Фроста были вполне конкретные политические задачи: их интересовала сибирская ссылка и социальное благосостояние населения края: «Из Минусинска извещают, что город посетили в половине января американские путешественники Кэннан и Фрост. Корреспондент наш замечает: это едва ли не первые из путешественников, которых интересуется не одна мёртвая природа, а преимущественно живые люди», – информировала газета «Сибирь» в феврале 1886 г.³

Экспедиция Дж. Кеннана щедро финансировалась через американское периодиче-

¹ Тайна Югорской земли // Техника – молодёжи. 1978. № 6. С. 51.

² Сибирь. 1886. № 2. 12 янв. С. 7.

³ Сибирь. 1886. № 7. 16 фев. С. 9.

ское издание «Журнал столетия» (Magazine century), сам Дж. Кеннан хорошо владел разговорным русским языком и уже имел опыт пребывания на русской равнине, то есть фактически являлся специалистом по России и готовил материалы для формирования протестных движений и революционной ситуации в Российской империи. Впоследствии двухтомное издание Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» было запрещено в России для распространения и чтения на всех языках и сегодня является библиографической редкостью.

В полицейских донесениях «о неблагонадёжном гражданине Северо-Американских Штатов Джордже Кеннана» до сведения начальства доводилось подозрение, что ранние статьи журналиста Дж. Кеннана, осуждающие ссыльных преступников, являлись лишь способом для внушения доверия полицейскому департаменту, а по факту имели целью сбор фотографий, порочащих российское государство [4; 5]. И действительно, «...из России Кеннан привёз несколько чемоданов сибирских газет, писем, мемуаров и официальных документов, характеризующих разные неприглядные аспекты сибирской ссылки» [6].

20 сентября 1909 г. в Иркутске в помещении музея Географического общества (Восточно-Сибирский отдел) состоялась первая международная фотографическая выставка, на которой француз Г. Эссен поделился фотографиями транссибирской железной дороги, что говорит о доверии властей к иностранцам. Значение сибирской железной дороги в те времена недооценивалось, так как, в принципе, должен был бы действовать запрет на её фотографирование, потому что, по сути, она являлась не только стратегическим военным объектом, но и объектом, в котором концентрировались все достижения русской инженерной мысли.

Кроме Г. Эссена строительство русской железной дороги фотографировал американец Уильям Генри Джексон. Именно он запечатлел знаменитого казака Александра Николаевича Кенике, который совершил переход на лошади от Петербурга до Читы и тоже был фотографом. «Снимками последнего проиллюстрирована книга в Китае: «Воспоминания и рассказы 1901–1902 гг.», написанная полковником А.В. Верещагиным

(братом известного художника-баталиста)». Также уже построенный Транссиб в 1901 и 1909 гг. фотографировал знаменитый американский фотограф Холмс Элиас Бертон [7]. В 1902 г. Сибирь фотографировал Джон Фостер Фрейзер, который также опубликовал по итогу книгу «Реальная Сибирь», в которой он сравнивал Сибирские города с городами Дикого Запада Северной Америки, сетовал на дороги, тараканов и отсутствие высокого воспитания у сибирских жителей.

Таким образом, со строительством транссибирской железнодорожной магистрали интерес к природе Сибири и Забайкалья резко возрос. И хотя для того, чтобы заниматься фотографией в России, требовалось особое разрешение полицейского департамента, иностранцы беспрепятственно увозили изображения не только инженерных сооружений Транссиба, но также сведения о численности и уровне материальной культуры населения края, что позволило в дальнейшем властям государств Антанты без особых опасений вводить свои оккупационные войска. Именно знания возможностей Транссибирской магистрали позволили интервентам спланировать вывоз за границу золотого запаса Российской империи.

Иногда Российские власти опрометчиво сами нанимали иностранных фотографов. Так, в 1866 г. с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири штаб Восточно-Сибирского военного округа нанял прусского подданного для произведения фотосъёмки видов по рекам Шилке и Амуру. Иностраный фотограф заключил договор с началом навигации до конца года пройти сплавом путь от Сретенска до Николаевска и сделать до 200 снимков водного пути. Фотографии де Брандиса относятся к числу неподписанных работ, их судьба остаётся неизвестной. Однако несомненно, что они представляли огромный интерес не только для русского военного штаба, но естественно и для военных разведок других государств. Часть этих фотографий предположительно есть в альбоме, выпущенном книготорговцем Риккером в 1870 г., об этом свидетельствует аннотация альбома, в которой автором иллюстраций назван некий Брэн, о котором нет никакой информации.

После революции 1905 г. цензура в России ужесточилась. В 1907 г. полицейскому управлению предписано внести в табель срочных донесений и фотографию, с указанием названия производства, его владельца и количества служащих⁴. Тем не менее, фотографировать иностранцам было разрешено. 11 апреля 1908 г. в Верхнеудинский департамент полиции поступил циркуляр относительно прошения французского фотографа Павла Плено, где отмечается, что последний действует по заданию Французского правительства для производства снимков азиатской России в кинематографических целях. Предписано таковое разрешение П. Плену выдать, но внимательно следить за деятельностью француза⁵.

3 сентября 1908 г. Верхнеудинскому Уездному начальнику поступило предписание военного губернатора о содействии экспедиции французского исследователя майора Де Буяна, который по ходатайству посла Франции в Санкт-Петербурге должен был совершить миссию для изучения этнографических, геологических, археологических, экономических и сельскохозяйственных особенностей региона⁶.

В областном краеведческом музее Иркутска 25 марта 2011 г. прошла выставка фотографии времен гражданской войны. На выставке были представлены фотографии французских фотографов, служивших при полках, посланных Францией, как союзницы России по Антанте, на помощь А.В. Колчаку, предоставленные французской ассоциацией «Альянс Франсез». Всего при Колчаке служили 12 фотохроникеров только из Франции⁷. Кроме французов, конвоирование А.В. Колчака с золотом обеспечивали Британия, США, Япония и Чехословакия. При них также находились профессиональные фотографы. На одной из фотографий А.В. Колча-

ка 1919 г. в Омске указан автор Кови, эта фамилия имеет английское происхождение⁸.

В советский период внимание властей к информационной безопасности усилилось, а военное применение фотографии получило дальнейшее развитие. Так, например, 13 ноября 1926 г. ЦИК СНК Бур-АССР издаёт обязательное постановление № 455, на основании которого разрешения на открытие фотостудий выдаёт административный отдел НКВД. Фотостудии обязывают вести специальные книги по установленной форме. Негативы хранятся 2 года. Книги и негативы предоставляются для осмотра по требованию «адмнадзора». Членам фотокружков разрешения на фотографирование выдаются на 6 месяцев. Для учёта снимков ведётся особая книга. Любители освобождены от 2-летнего обязательного хранения негативов. Для фотографирования массовых мероприятий и демонстраций необходимо получать разрешение НКВД. При закрытии фотомастерской книги учёта сдаются на хранение в НКВД. Разрешения на фотографирование войск выдаются политотделами частей⁹.

Постановлением Совета труда и обороны СССР о порядке производства фото- и киносъёмок воинских частей и военных сооружений было предписано: «воспретить под страхом уголовной ответственности производство фото- и киносъёмок воинских частей... и имеющих стратегическое значение технических сооружений железных дорог без специального на то разрешения Политического Управления РВС СССР или подведомственных ему органов». (Зам. председателя Совета труда и обороны А. Рыков, секретарь Л. Фотиева. Москва, Кремль, 14 декабря 1923 г. Собрание законов и распоряжений Правительства за 1924 г. № 17, ст. 166) [3]. Съёмка внутренней жизни РСФСР регламентировалась обязательным постановлением Президиума Московского Совета РК и КД от 27 февраля 1925 г. о порядке производства в Москве и Московской губернии фото-кино-

⁴ ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 337. Оп. 2. Д. 694. Л. 92.

⁵ Там же. Л. 131.

⁶ Там же. Л. 241.

⁷ В Иркутске можно посмотреть фотографии времен гражданской войны // Комсомольская правда. 2011. 25 марта. URL: <https://www.irk.kp.ru/online/news/857389/> (дата обращения: 20.09.2017).

⁸ Награды императорской России 1702–1917 гг. URL: <http://medalirus.ru/fotografii/admiral-kolchak.php> (дата обращения: 20.09.2017).

⁹ Обязательное постановление ЦИК СНК БУРАССР. Верхнеудинск, 13 ноября 1926 г. Зампредседателя ЦИК и СНК Убугунов, Управделами Головачев // Бурят-монгольская правда. 1926. № 281 (954). С. 6.

съёмок внутренней жизни РСФР (Зам. председателя И. Любимов, секретарь В. Каравайкова)¹⁰.

О военном применении фотографии упоминается ещё в дореволюционный период в периодическом журнале «Фотограф-любитель», в № 6 за июнь 1906 г. (с. 176), в № 5 за май 1906 г. (с. 150) и в № 1 за ноябрь 1909 г. (с. 25). В советское время военное применение фотографии получает дальнейшее развитие¹¹. Например, в 1927 г., в Иркутске для подготовки женщин для службы во вспомогательных рядах советских войск, «Окросоавиохим» организует фотографический кружок для обучения женщин фотографической работе (для авиации)¹².

Однако и в этот период иностранные фотографы продолжали вести свою работу в районе Транссиба. Так, например, известно путешествие 1917–1918 гг. фотографа Джеймса Максвелла Прингла, который проехал на поезде через всю Россию и Сибирь. В 1919 г. в Сибири фотосъёмку проводило американское общество защиты животных, однако сфотографированы в основном интервенты чехи и французы. В 1931 г. американка Маргарет Берк-Уайт фотографировала Магнитогорск (юг Урала). В 1953–1954 гг. Мартин Манхоф путешествует по Советскому Союзу, снимая бурятские степи из окна поезда. В 1965 г. Сибирь фотографировал Кен Причард. В этом же году Байкал снимал немецкий фотограф Питер Ричард.

В период с 1965 по 1974 г. Сибирь, Дальний Восток и Байкал фотографировал американец Дин Конгер. В 1968 г. Иркутск и Братск изучал фотограф из Германии Эрхард К., а в 1969 г. английский фотограф Ирвинг Снайдер. В 1970 г. по Транссибу путешествовал немецкий фотограф Хельмут Мюнцнер. В 1972 г. Сибирь фотографировал знаменитый французский документалист и фотохудожник Анри Картье-Брессон. Известны также фотографии транссибирского маршру-

та за 1975 г., которые сняли путешественники Хелен Ридинг, Марк Сусина и французский демограф Жак Дюпакье. В 1976 г. Сибирь запечатлели австралийский фотограф Жанетт Эш и фотохудожник Рон Дирксе. В 1979 г. Иркутск и Братск снимал немецкий журналист Уве Гериг, а также путешествовал по Транссибу и Густав Нейеншвандер. В 1980 г. Сибирь вновь посетил Хельмут Мюнцнер. В 1985 г. достопримечательности транссибирской магистрали и сибирских городов снимал американский фотограф Рей Каннингэм. В 1988 г. иркутские предместья фотографировал американец Дуг Смит. В период 1989–1992 гг. до Байкала доехал фотограф Майкл Бrame. В 1990 г. с фотоаппаратом по Сибири проехался англичанин Джим Линвуд.

Все перечисленные фотографии прибывали в Сибирь не для того, чтобы запечатлеть достопримечательности или культуру края, не для того, чтобы зафиксировать художественно-эстетические и другие успехи советского, а затем и российского общества. Наоборот, мотивами их работ были недружественные цели: многие отпечатки носили разведывательный характер, но в большинстве своём антисоветский, антироссийский пропагандистский. Так, например, американский фотограф Джэймс Эббе, которому была оказана честь в 1930-х гг. фотографировать самого И.В. Сталина, в том числе фотографировал без специального на то разрешения и железную дорогу, а также он делал снимки различных неприглядных сцен из жизни советского общества, приурочивая к ним антисоветские комментарии.

Другие фотографии оригинальностью не отличались, например, даже те, которым было дано разрешение снимать Первомайские демонстрации в каком-нибудь сибирском городке, старались запечатлеть любые конфликтные сцены, присваивая им политические комментарии, например, если улица перекрыта, то фотограф утверждал, что людей с демонстрации не выпускают вооружённые люди. Также иностранные фотографы с удовольствием снимали стихийные рынки, торговые «толкучки» и разного рода барахолки, называя массы продавцов людьми с зачатками предпринимательства. Но в основном все они старались снять свалки, полуразрушен-

¹⁰ Обязательное постановление Президиума Московского Совета РК и КД от 27 февраля 1925 г. о порядке производства в Москве и Московской губернии фото-кино-съёмок внутренней жизни РСФР // Советское фото. 1926. № 5. Авг. С. 157.

¹¹ Постановление Совета труда и обороны СССР // Советское фото. 1926. № 5. Авг. С. 157.

¹² Фото-общественность. От наших корреспондентов. Иркутск // Советское фото. 1927. № 11. С. 355.

ные здания, некрасивых и неопрятных людей, алкоголиков и больных, вид которых создаёт удручающее впечатление о культурной отсталости россиян¹³.

После развала СССР иностранные фотографы не прекратили свою разрушительную деятельность. «Так, в 1998 году французский фотограф Люк Дэлаэй предпринял поездку Москва–Владивосток. Его итоговая книга «Зимняя поездка» стала документом постсоветской эпохи, мрачным отражением «лихих 90-х». А фотоочерк британца Саймона Робертса «Родина», также путешествовавшего в 2004–2005 гг. по Сибири, отразил новую, так называемую на Западе «путинскую» Россию. Но даже тут всё перевернуто с ног на голову, о чём и сигнализирует его фотография знаменитого памятника Ленину, «голова Ленина», на площади советов в Улан-Удэ», которую он снял со стороны затылка [8].

Бельгийский фотограф Карл де Кейзер летом 2000 г. приезжал в Сибирь делать серию фотографий для книги о сибирских тюрьмах. Перед съёмками де Кейзер прочитал А.И. Солженицына. Уже само название его книги о России «Homo Sovieticus» (англ. Человек советский) говорит о её дегуманизирующем российские народы назначении, ведь в других странах живут Homo Sapiens «человеки» разумные. Курортные маршруты России сняты этим фотографом в чёрно-белых тонах, зато тюрьмы и зоны сняты им в полном цветовом диапазоне, как бы подчеркивая нереальность происходящего, прямым текстом обвиняя всю исправительную систему России в показушничестве.

В 2004–2010 гг. молодой польский фотограф Рафал Милах, призёр конкурса «World Press Photo» и других престижных конкурсов, работал над проектом о России «7 комнат». Сибирь на его фотографиях изображена побеждённой: брошенные города, руины, коптящие трубы, убогость и серость, цвет которой придают изображения американских флагов на одежде у «Młoda Rosja». На фотографиях Томаса Вернера изображена Сибирь, о которой сам фотограф говорил так: «...можно сделать целый фотопроект, взяв за основу один лишь цвет – серый. Почему вы

его так не любите? Этот серый вас и отличает» [8].

Таким образом, можно констатировать кардинальные отличия в профессиональной деятельности российских и иностранных фотохудожников, работавших за границей своих государств. Если российский фотограф снимает достопримечательности, эстетику, достаток, радостные лица, то иностранный фотограф в России снимает разруху, безобразия, нищету, убогость и страдания, стараясь всячески принизить культурные достижения российских народов. Так, например, те же упомянутые выше Кеннан и Фрост, прибыв ранним зимним утром в сибирский промышленный городок Минусинск, когда все его жители ещё спали, умудрились найти гостиницу с оранжерей в комнате и при этом сетовали на отсутствие ванны и душа. Однако вряд ли можно себе представить, что в каком-нибудь провинциальном городке сельского типа в Европе ранним утром можно было вообще найти хоть какую-нибудь комнату для ночлега.

Поэтому отношение иностранцев к сибирякам ощущается как надменное, но его причина кроется отнюдь не в различии западного и восточного менталитетов, а в поставленных перед фотографами задачах. Если изучать сибирские фотографии западных фотографов, то убеждаешься в отсутствии в них какой-либо художественной ценности, ведь даже снимки, создаваемые для деструктивных целей, можно печатать воодушевляющими, кричащими, соответствующими высокому жанру искусства – трагедии. Но большинство пропагандистских снимков зарубежных так называемых фотографов, которые запечатлели Сибирь в разное время, абсолютно бездарны. Эти так называемые фотопроизведения не эстетичны, не эмотивны и не представляют интереса ни для искусства, так как созданы бесталанно, ни для истории, так как подобных снимков создано миллионы самими жителями Сибири.

Однако эти фотографии формируют мировое общественное мнение о России и её людях. С помощью фотографии разрушались Российская империя и Советский Союз, а теперь дискредитируется и Российская Федерация. Несмотря на это, было бы ошибкой приуменьшать значение иностранной фото-

¹³ Свалка ссылок по теме «история» // Humus. URL: <https://humus.livejournal.com/4781247.html> (дата обращения: 24.08.2018).

графии, как исторического источника. Отсюда следует сделать вывод, что если деятельность зарубежных фотографов, благодаря бурному развитию, в том числе мобилографии, невозможно отследить и регламентировать, то противодействие этому явлению должно быть принципиально зеркальным.

Лица, дискредитирующие российскую культуру и государственность, должны быть лишены права въезда на территорию Федерации, а дискредитирующие Россию фотоматериалы должны изыматься, изучаться и быть основой зеркального противодействия.

Список литературы

1. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск: Наука, 2006.
2. Донде А. У истоков фотографии // Советское фото. 1929. № 20. С. 630-632.
3. Данилова О.С. Жюль Легра: геном русской души // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 41-49.
4. Ковалев В.А., Ермолаева Л. В Сибирь за правдой: о путешествии Дж. Кеннана по Сибири // Енисей. 1986. № 3. С. 71-78.
5. Кеннан Дж. В Сибирь за правдой. URL: <https://www.krasplace.ru/dzhordzh-kennan-v-sibir-za-pravdoj#comment-4555> (дата обращения: 20.05.2019).
6. Родигина Н.Н., Ледовских А.Ю. Зависть к «этому русскому», которому Господь отдал всю такую прекрасную страну: компаративный анализ репрезентаций Сибири в путевых заметках иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в. // Вестник ОмГУ. 2012. № 1 (63). С. 98-105.
7. Аширова Э., Максимов И. Люди с насыпи. В конце позапрошлого века их запечатлел американский фотограф, проехавший вдоль строящегося Транссиба // Родина. 2016. № 10. С. 14-17. URL: <https://rg.ru/2016/09/30/rodina-transsib-1895.html> (дата обращения: 24.08.2018).
8. Мерзлякова А. Фотоизучение // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. URL: <https://humus.livejournal.com/4781247.html> (дата обращения: 24.08.2018).

References

1. Alekseyev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoyevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley, XIII–XVII vv.* [Siberia in the News of Western European Travelers and Writers, 13th–17th Centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. (In Russian).
2. Donde A. U istokov fotografii [The dawn of photography]. *Sovetskoye foto* [Soviet Photography], 1929, no. 20, pp. 630-632. (In Russian).
3. Danilova O.S. Zhyul' Legra: genom russkoy dushi [Jules Legras: the Russian soul genom]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2014, no. 4 (45), pp. 41-49. (In Russian).
4. Kovalev V., Ermolayeva L. V Sibir' za pravdoy: o puteshestvii Dzh. Kenana po Sibiri [To Siberia for the truth: on George Kennan's travel across Siberia]. *Enisey* [Yenisei River], 1986, no. 3, pp. 71-78. (In Russian).
5. Kennan G. V Sibir' za pravdoy [To Siberia for the truth]. Available at: <https://www.krasplace.ru/dzhordzh-kennan-v-sibir-za-pravdoj#comment-4555> (accessed 20.05.2019).
6. Rodigina N.N., Ledovskikh A.Y. Zavist' k "etomu russkomu", ktoromu Gospod' otдал vsyu takuyu prekrasnuyu stranu: komparativnyy analiz reprezentatsiy Sibiri v putevykh zametkakh inostrannykh puteshestvennikov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Envy of "this Russian", to whom the Lord gave all such a beautiful country: comparative analysis of Siberia representations in travel notes of foreign travelers of the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik OmGU* [Herald of Omsk University], 2012, no. 1 (63), pp. 98-105. (In Russian).
7. Ashirova E., Maksimov I. Lyudi s nasypi. V kontse pozaproshlogo veka ikh zapechatlel amerikanskiy fotograf, proekhavshiy vdol' stroyashchegosya Transsiba [People from the mound. At the end of the last century, they were captured by an American photographer who drove along the under construction Trans-Siberian railway]. *Rodina* [Homeland], 2016, no. 10, pp. 14-17. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2016/09/30/rodina-transsib-1895.html> (accessed 24.08.2018).
8. Merzlyakova A. Fotoizucheniye [Photo studies]. *Sibirskiy forum. Intellektual'nyy dialog* [Siberian Forum. Intellectual Dialog]. (In Russian). Available at: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/276> (accessed 24.08.2018).

Информация об авторе

Екимов Евгений Петрович, соискатель, кафедра «Философия, история и культурология». Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация. E-mail: prosepoetry@yandex.ru

Вклад в статью: идея, сбор данных и общая концепция статьи, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0998-7318>

Поступила в редакцию 04.07.2019 г.

Поступила после рецензирования 05.08.2019 г.

Принята к публикации 09.09.2019 г.

Information about the author

Evgeniy P. Ekimov, Competitor, "Philosophy, History and Culturology" Department. East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation. E-mail: prosepoetry@yandex.ru

Contribution: idea, data acquisition and main study conception, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0998-7318>

Received 4 July 2019

Reviewed 5 August 2019

Accepted for press 9 September 2019

Правила для авторов статей, представляемых для публикации в журнал «Неофилология»

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ

Виды публикаций

Принимаются научные статьи, представляющие не опубликованные ранее оригинальные исследования; тематические аналитические обзоры; научные рецензии; краткие сообщения (персоналии, обзоры научных мероприятий). Статьи должны быть написаны на высоком научном уровне, развивать научные положения, обладать новизной и иметь научный и практический смысл, вызывать интерес научной общественности. Обязательным условием публикации статьи в журнале является соблюдение публикационной этики журнала.

При подготовке рукописи автору следует ориентироваться на профиль и **рубрики журнала**:

по направлению 10.00.00 – филологические науки

Русский язык

Языкознание

Ономастика

Литературоведение

Текстология

Русская литература

Межкультурные коммуникации

по направлению 24.00.00 – культурология

Языки и литература народов Российской Федерации

Межкультурные коммуникации

Культурология

Культурное наследие

Отправка статей

Авторы подают статьи, подготовленные к публикации, в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала. Рукопись может быть послана в Объединенную редакцию научных журналов по электронной почте vestnik1@tsu.tmb.ru, ilina@tsutmb.ru или главному редактору А.С. Щербак ant_scherbak@mail.ru. Авторы, проживающие в г. Тамбове, могут лично принести статью непосредственно в редакцию журнала (г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г).

Телефон редакции: 8 (4752) 72-34-34 доб. 0440, 0442.

Требования к оформлению основного текста

Объем статьи от 0,5 п.л. (20 тыс. знаков с пробелами) до 1,0 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

1) Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде *курсива* или **полужирным** шрифтом.

2) Обязательно предоставление PDF формата статьи с подписями всех авторов.

3) Отдельным файлом прилагаются **сведения обо всех авторах статьи** (Имя, Отчество, ФАМИЛИЯ полностью), с указанием его (их) ученого звания, ученой степени, должности, места работы (полное название организаций, к которым приписан автор, а не аббревиатура, почтовый адрес организации, адреса электронной почты всех авторов, ORCID каждого автора), номеров контактных телефонов (с кодом города) и контактного адреса электронной почты.

Для аспирантов и докторантов – наименование специальности, почтового адреса (с индексом для доставки номеров журналов согласно подписке). Аспиранты, докторанты, соискатели вправе представить рекомендацию научного руководителя.

Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.

4) Необходимо также ознакомиться с Авторским договором (публичной офертой), подписать и выслать в адрес редакции Согласие на обработку персональных данных (см. на сайте журнала http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Dogovor_Neofilologiya_rus.pdf, <http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Soglasie-rus.pdf>).

Рукописи на иностранных языках (английском, немецком, французском, китайском, казахском, узбекском, македонском, польском) и на русском языке (для иностранцев) должны быть в обязательном порядке отредактированы носителем языка с указанием его ФИО и адреса электронной почты. Ссылки внутри статьи на иностранном языке должны быть даны на том языке, на котором опубликована работа. Список литературы также должен быть дан с источниками на языке, на котором работа издана.

При подаче в редакцию статьи на языке, отличном от русского, необходимо убедиться, что были использованы векторные шрифты для иноязычного текста, конвертируемые в формат pdf/A при размещении журнала в системы приема обязательного электронного экземпляра Российской книжной палаты и Российской государственной библиотеки.

Структура статьи

В верхнем левом углу листа проставляется код УДК (<http://teacode.com/online/udc/>), который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (уточнить в научной библиотеке университета или города).

Далее по центру жирным шрифтом печатается **Название статьи** (прописная буква только первая), оно должно быть точным и кратким (не более 107 знаков с пробелами), с учетом того, что триада: название, ключевые слова, аннотация представляют собой единую структуру, термины в которой не должны дублировать друг друга.

Ниже обычным шрифтом – **Имя и Отчество** (сначала! полностью), **ФАМИЛИЯ автора(ов)**.

Строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). В отношении организаций необходимо, чтобы был указан официально принятый английский вариант наименования.

ORCID, E-mail каждого автора.

При отсутствии номера ORCID его необходимо получить, зарегистрировавшись на сайте <https://orcid.org/register>. ORCID – это реестр уникальных идентификаторов ученых и вместе с тем соответствующий метод, связывающий исследовательскую деятельность с этими идентификаторами. На сегодняшний день это единственный способ однозначно идентифицировать личность ученого, особенно в ситуациях с полным совпадением ФИО авторов.

Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в соответствии с ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация» в обязательном порядке должна включать предмет, актуальность и цель исследования; метод или методологию проведения работы; результаты; область применения результатов работы; выводы (например, Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... Сделан вывод...).

Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (5–6 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации).

Благодарности и ссылки на номера грантов. Информация об источниках финансирования, лица, внесшие вклад в выполнение работы, недостаточный для признания авторства (не принимающие на себя ответственность за содержание работы, но оказавшие техническую, финансовую, интеллектуальную помощь), должны быть перечислены (с их письменного согласия) в разделе «Благодарности» (Acknowledgements) после текста статьи.

Ещё через строку помещают основной текст статьи.

Рекомендуемая структура научной статьи (рубрикация желательна):

- введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);
- постановка задачи: формулировка целей и методов исследования рассматриваемой темы;
- результаты исследования: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;
- выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;
- **список литературы** (обязательно). Список литературы должен включать 10 и более источников, ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников; список литературы в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 5 лет (не менее 50 %), желательны иностранные источники;
- References (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

- вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо указать фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания соавторов согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языке.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подпись автора (авторов).

Пристатейные библиографические списки цитируемой литературы

Ссылки на литературу являются **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Библиографические ссылки в списках литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и даются в порядке очередности цитированных источников, например [1, с. 25], или [3; 4], или [5–12].

Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье сведений, цитат и правильность указания названий книг и других источников. После вычитки отпечатанного текста статьи и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: *Статья вычитана. Цитаты проверены. [Дата. Подпись].*

В **Список литературы не включаются** неопубликованные работы, учебники, учебные пособия, диссертации, нормативно-правовые акты, архивные материалы, статистические сборники, интернет-ресурсы, содержащие банки данных курсовых, ненаучных и научно-популярных источников (википедии), рефератов и т. п., примечания и пояснения автора(ов), которые оформляются в виде подстрочных библиографических ссылок.

Политика открытого доступа

Научно-теоретический журнал «Неофилология» поддерживает концепцию открытого доступа (Open Access), предложенную Будапештской инициативой открытого доступа (БИОД).

Журнал предоставляет открытый доступ к своему контенту в НЭБ eLIBRARY.RU (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64820), «КиберЛенинке» (<https://cyberleninka.ru/journal/n/neofilologiya>) и на сайте журнала на русском и английском языках (раздел «Архив» <http://journals.tsutmb.ru/go/2587-6953/>). Информация на сайте регулярно обновляется.

Процесс рецензирования

Для экспертной оценки всех поступающих рукописей журнал проводит двухстороннее анонимное («слепое») рецензирование (Double-blind review). Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты в соответствующей области Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина и других вузов России. Срок рецензирования 21–60 дней, но может быть изменен в ходе редакционного процесса.

Займствования и плагиат

Редакционная коллегия журнала при рассмотрении статьи производит проверку материала с помощью системы **Антиплагиат**. В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами **COPE** и этикой журнала.

Лицензия и депонирование

Публикация материалов в журнале осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). This work is licensed under a **Creative Commons Attribution 4.0 International License**.

Контакты

Юридический адрес редакции журнала: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Фактический адрес редакции журнала: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г

Телефон редакции: 8 (4752) 72-34-34 доб. 0440

Сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (на русском языке)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Электронная почта: ant_scherbak@mail.ru, vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru

Обсуждены и утверждены на заседании редколлегии 25 марта 2019 г.

